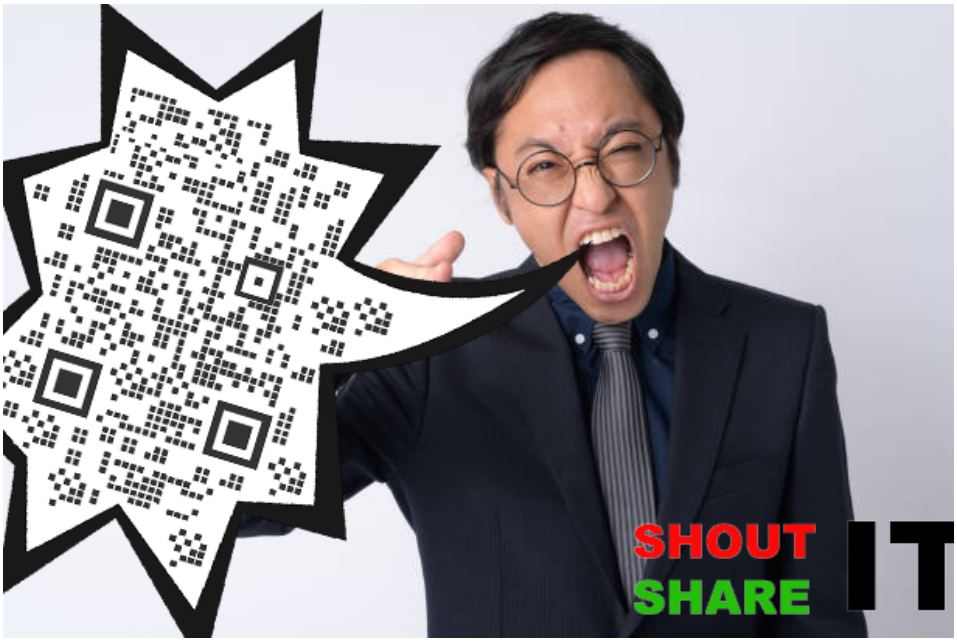
ЭЙТИНГОН

Владимир Антонов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Наум Исаакович Эйтингон — выдающийся профессионал отечественных спецслужб. Он подготовил и лично осуществил ряд уникальных разведывательных и диверсионных операций, добывал важную политическую, научно-техническую и военную информацию. Китай, Турция, США, Иран, Польша, Испания, Мексика — только некоторые этапы боевой биографии чекиста. Официально рассекреченный в 1990-е годы, он принадлежит к числу тех советских разведчиков, о которых, кажется, известно достаточно много, но это лишь небольшая часть его работы, все остальное скрыто в секретных глубинах истории ушедшего века.

[Адаптировано для AlReader]

- Владимир Антонов
  -
  -
  - ГЕНЕРАЛ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
  - ПРИЛОЖЕНИЯ
    - Приложение 1
    - Приложение 2
    - Приложение 3
    - Приложение 4
  - ЛИТЕРАТУРА

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

Жизнь замечательных людей®

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1844

(1644)

Владимир Антонов

ЭЙТИНГОН

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Антонов В. С., 2017
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2017

100-летию ВЧК — КГБ — ФСБ,
а также чекистам-разведчикам
и контрразведчикам
ПОСВЯЩАЕТСЯ

ГЕНЕРАЛ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Я генерал государственной безопасности и еврей. Есть возможность закончить свои дни в тюрьме…

Наум Эйтингон.

Из разговора с Павлом Судоплатовым

Первых чекистов-разведчиков отличали беззаветная преданность делу революции и горячее желание служить ее идеалам, настойчивость и упорство в труде и учебе. Многим сотрудникам до прихода во внешнюю разведку довелось пройти практическую школу ВЧК.

Какие это были люди? Что позволяло им успешно справляться со сложными оперативно-чекистскими задачами, преодолевать резкие повороты судьбы, вызванные несправедливостью, а порой и предательством коллег? Попытаемся рассказать об этом на примере жизни и деятельности замечательного разведчика 1920—1930-х годов, а затем — одного из руководящих сотрудников советских органов государственной безопасности генерал-майора Наума Исааковича Эйтингона, волею обстоятельств отлученного от активной чекистской работы в расцвете своих творческих сил и возможностей.

Он скончался 3 мая 1981 года, так и не дождавшись реабилитации. Никаких официальных некрологов в газетах не было. Во время похорон на Донском кладбище в Москве видный советский чекист, Герой Советского Союза полковник Евгений Иванович Мирковский, который являлся коллегой, боевым соратником и другом Эйтингона, подчеркнул: «Сегодня у этой могилы как бы завершается рыцарская эпоха в истории нашей ЧК…»

А в середине 1970-х годов на имя члена политбюро ЦК КПСС, председателя КГБ при СМ СССР Юрия Андропова поступило письмо от отставного разведчика Наума Эйтингона, который был репрессирован во времена правления Хрущева как соратник Берии. В письме, в частности, говорилось: «В 1925 году, перед отъездом в Китай (это был мой первый выезд за кордон), я вместе с бывшим в то время начальником Иностранного отдела ОГПУ тов. Трилиссером был на приеме у товарища Дзержинского. Он,

после того как коротко объяснил обстановку в Китае и указал, на что следует обратить особое внимание, сказал: «Делайте все, что полезно революции». И я всю жизнь следовал этому напутствию и делал всегда то, что считал полезным и нужным для Советской власти и партии.

Легко представить себе, каким нелепым, диким и непонятным явился для меня мой арест. Ни в ходе предварительного следствия, которое длилось четыре года, ни во время суда, так же как и в настоящее время, я ни в чем себя виновным перед Советской Родиной и партией не признавал и не признаю. Меня приговорили к 12 годам тюрьмы, которые я провел во Владимирском централе. Я прошу Вас помочь мне, чтобы как можно скорее разобрались с моим делом о реабилитации и восстановлении в партии».

Однако в то время все попытки Эйтингона добиться справедливости оказались тщетными. Честное имя выдающегося разведчика было восстановлено только в апреле 1992 года, через 11 лет после его кончины.

У него было несколько фамилий, кодовых имен, оперативных псевдонимов. Так кто же он, легендарный разведчик и «дважды узник Советского Союза» Наум Исаакович Эйтингон, он же Леонид Александрович Наумов, он же «генерал Котов», он же «Том», он же «Пьер», он же… вошедший в историю советских органов государственной безопасности как их меч, карающий предателей и изменников? Каким был его жизненный путь? Что он успел совершить на этом пути?

Если честно, то при сборе материалов, связанных с биографией нашего героя, автору пришлось столкнуться с довольно противоречивыми сведениями о нем. Видимо, на биографию чекиста наложила свой отпечаток специфика его оперативной деятельности. Так, например, в многочисленных изданиях и справочниках указывается, что Эйтингон родился в белорусском городе Могилеве, откуда мать сразу же увезла его в местечковый Шклов, где проживала семья. А в последнем паспорте, которых у Эйтингона за период его активной чекистской жизни, пожалуй, было много, местом рождения указан именно Шклов. Так что в этом вопросе мы будем доверять паспортным данным.

О других же разночтениях поговорим ниже, попробовав проследить жизненный путь разведчика — генерала особого назначения.

Глава первая
СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕКИСТА

В возрасте 21 года Наум Эйтингон стал вторым по значимости чекистом Гомельской губернии. Он утверждал новую власть, обрубая корни прежней системы.

Очерки истории российской внешней разведки

Шклов

6 декабря 1899 года в небольшом уездном городке Могилевской губернии Шклове в семье Исаака Файвеловича Эйтингона родился первенец, которого счастливые родители нарекли распространенным именем Наум. Детство мальчика прошло здесь же, где постоянно жили родители и где его отец служил конторщиком на местной бумажной фабрике. Одновременно, имея репутацию безупречно честного в финансовых делах человека, Исаак Файвелович избирался членом Шкловского ссудо-сберегательного товарищества.

История этого старинного города насчитывает много веков: первые поселения возникли на реке Шкловке еще в X веке, а впервые Шклов упоминается в 1520 году в документах посла Польского королевства Герберштейна во время его дипломатического путешествия в Москву.

К середине XVI века на месте деревень Старый Шклов и Хотимка уже существовало Шкловское графство. Местными землями тогда владели магнаты Речи Посполитой Ходкевичи. Шкловская крепость, являвшаяся при них восточным польским форпостом на границе с Московским царством, несколько раз горела. Впервые это случилось в 1535 году, когда она была сожжена князем Шуйским. А в 1581 году, когда в битве под Шкловом во время литовской войны польско-литовское войско было разбито, крепость вновь была сожжена дотла войсками московского царя Ивана Васильевича.

В августе 1654 года во время польско-русской войны Шклов был осажден армией воеводы князя Трубецкого, а в начале

сентября — взят русскими войсками. Началась расправа над населением: шляхтичей ссылали в Казань, людей попроще «неволили в полон и до Москвы отвозили».

Однако военные неудачи и непрерывные восстания горожан вынудили русские войска покинуть Шклов, и он еще более столетия оставался под властью польской короны, а в 1708 году был разграблен шведами.

В 1762 году Шклов получил официальное право города (хотя позднее стал считаться местечком). Его пограничное расположение благоприятствовало торговле. В свою очередь, за счет торговли с Москвой и Ригой в городе быстро развивалась и росла еврейская община. И если к тому времени она составляла немногим более 20 процентов всего городского населения, то уже к началу XIX века превысила 70 процентов.

Наконец, в 1772 году при первом разделе Речи Посполитой Шклов оказался в составе Российской империи. Императрица Екатерина II подарила город своему фавориту генерал-адъютанту графу Григорию Потемкину. Однако через несколько лет уездный город Могилевской губернии перешел во владение к другому любимцу императрицы — генерал-адъютанту Семену Гавриловичу Зоричу, сербу по происхождению, который переехал в Шклов на постоянное место жительства. За годы правления Зорича в городе были возведены дворец, новые церковь и синагога, ратуша с торговыми рядами, театр драмы и балета. В Шклове также появилась кадетская школа, в которой на полном содержании за счет Семена Гавриловича получали военное образование 300 детей местных шляхтичей.

С 1791 года в соответствии с указом императрицы Екатерины II Шклов вошел в Могилевскую черту оседлости, действовавшую в Российской империи до февраля 1917 года, за границами которой запрещалось постоянное жительство иудеям и цыганам.

В следующие два столетия Шклов вместе с Белоруссией пережил Отечественную войну 1812 года, Первую мировую, Гражданскую и Великую Отечественную войны.

В настоящее время Шклов, расположенный на Днепре в 35 километрах севернее Могилева на пересечении автодороги Могилев — Шклов — Орша, является центром одноименного района Могилевской области Республики Беларусь. Здесь же находится железнодорожная станция на линии Орша — Могилев. Население города составляет немногим более шестнадцати тысяч человек (2015 год), большинство из которых работают на бумажной фабрике, в пищевой и деревообрабатывающей промышленности.

Город Шклов и Шкловский район в наше время чаще всего упоминаются в средствах массовой информации как «политическая малая родина» первого белорусского президента Александра Григорьевича Лукашенко. Именно отсюда в конце 1980-х — начале 1990-х годов он начал свой блестящий поход в мировую политику.

Но вернемся к началу XX века и уездному городу Шклову Могилевской губернии, в котором в черте оседлости проживало в те годы многочисленное семейство Эйтингонов.

В начале пути

Семья Эйтингонов жила небогато, хотя многочисленные родственники будущего чекиста по отцовской линии были приписаны к купеческому сословию и торговали пушниной. Помимо Белоруссии и Москвы представители рода Эйтингонов обосновались также в Нью-Йорке, Лондоне, Лейпциге и ряде Скандинавских стран. Впоследствии Наум гордился одним из своих предков, который учительствовал в этих краях и в год наполеоновского нашествия на Россию повторил подвиг костромского крестьянина Ивана Сусанина, заведя отряд неприятеля в непроходимые болота. Озверевшие французские солдаты повесили мужественного патриота. В семье Эйтингонов помнили подвиг своего пращура и часто рассказывали о нем детям.

В 1912 году, когда Науму еще не исполнилось и тринадцати лет, умер отец. Через четыре года из захолустного Шклова семья перебралась в губернский центр Могилев, поближе к родственникам матери. Кроме самого Наума на попечении вдовы, которая занималась домашним хозяйством, оставалось еще трое детей: дочери Софья и Сима и младший сын Израиль, которых ей одной было тяжело воспитывать.

У матери Наума Евгении Эйтингон, урожденной Гранат, в Могилеве проживали многочисленные родственники. В их числе были такие известные в России люди, как братья Александр и Игнатий Гранат — издатели популярного в России Энциклопедического словаря, в составлении которого принимали участие преимущественно отечественные авторы и который предназначался для русских читателей. Это было не только справочное, но и первое в своем роде образовательное издание. Редактировали словарь такие известные ученые, как Сергей Андреевич Муромцев, первый председатель Государственной думы, и Климент Аркадьевич Тимирязев, почетный доктор

Кембриджского университета. Для словаря писали статьи ученые с непререкаемым авторитетом, как, например, Дмитрий Николаевич Анучин и Илья Ильич Мечников. Художником-оформителем был известный русский художник Леонид Осипович Пастернак — отец поэта Бориса Пастернака.

Просветительскую деятельность братьев Гранат высоко оценивали в то время многие общественные и политические деятели, включая Александра Федоровича Керенского и Владимира Ильича Ульянова-Ленина.

С одним из представителей семьи Гранат — Пинхусом Гранатом — молодой Наум Эйтингон в дальнейшем работал в местном продовольственном комитете.

В Могилеве семью Исаака Эйтингона некоторое время содержал дед Наума — Файвел Израилевич Эйтингон, являвшийся присяжным поверенным уездного Шкловского и Могилевского окружного судов. Он очень гордился своей большой личной библиотекой, которую потом передал в дар Шклову. На семейном совете было решено отправить Наума в Могилевское коммерческое училище[1].

Но вскоре дед умер. Детство будущего разведчика закончилось. Как старший в семье, продолжая учиться, он стал в свободное время зарабатывать на жизнь частными уроками, репетиторством и перепиской всякого рода бумаг. Заработок был небольшим, и сама работа не сулила никаких перспектив на будущее.

В коммерческом училище Наум стал заниматься в литературном кружке, где впервые познакомился с революционной литературой.

Февральский переворот, отменивший черту оседлости для евреев, семнадцатилетний Наум встретил в Могилеве. После седьмого класса он ушел из коммерческого училища и начал работать инструктором отдела статистики Могилевской городской управы, а затем — пенсионного отдела Могилевского совета. В мае 1917 года Эйтингон примкнул к партии социалистов-революционеров, пользовавшейся в то время широкой популярностью среди еврейской молодежи. Однако уже в августе того же года вышел из партии, разочаровавшись в ее идеологии и политике, а также в практической деятельности ее руководителей, которые в первую очередь стремились к министерским портфелям и большим окладам и мало интересовались народными нуждами, откладывая на потом решение жизненно важных вопросов революции. И в первую очередь — вопросов о мире и земле. Впоследствии Эйтингон никогда не скрывал своего недолгого пребывания в партии

эсеров.

Наум Эйтингон с восторгом встретил Октябрьскую революцию, провозгласившую мир народам и отдавшую землю крестьянам. Поскольку старая городская управа была распущена революционными властями, он переходит на работу в пенсионный отдел, где занимается оформлением пенсий и пособий семьям убитых на войне.

В марте 1918 года, после срыва Троцким Брестского мира, германские интервенты перешли в наступление по всему Восточному фронту, и вскоре Могилев был оккупирован войсками кайзера Вильгельма II. Могилевский совет рабочих и солдатских депутатов был разогнан интервентами, и Эйтингон устроился кладовщиком на бетонный завод.

В ноябре 1918 года в Германии победила революция. Кайзер Вильгельм II был свергнут и бежал в Голландию. Германские оккупационные войска в полном походном порядке, как и положено немцам, покинули Белоруссию. В Могилев вступили войска Красной армии. Советская власть была восстановлена, и Наум вернулся на работу в Могилевский городской совет. В период «военного коммунизма» он занимался организацией и реализацией продразверстки: вместе с продотрядом много ездил по губернии, участвовал в подавлении кулацких мятежей. Возвратившись в Могилев, Эйтингон был переведен на работу в трест Губпродукт, где отвечал за решение вопросов, связанных с кооперацией производителей.

В апреле 1919 года Наум Эйтингон был направлен в Москву на курсы при Всероссийском совете рабочих кооперацій (ВСРК). Его преподавателями были такие видные большевики, как Виктор Ногин, являвшийся председателем ВСРК, Иван Скворцов-Степанов и многие другие. После окончания курсов Наума как студента-отличника хотели оставить на них в качестве инструктора, однако он отказался от этого предложения и в сентябре того же года возвратился в родные края. Правда, на сей раз в город Гомель, который к тому времени стал губернским центром, и туда был переведен Губернский совет рабочей кооперации. Кстати, Гомельская губерния, как ранее и Могилевская, до 1926 года входила в состав РСФСР.

Следует подчеркнуть, что незадолго до приезда Эйтингона в Гомеле произошел кровавый антисоветский мятеж, во главе которого стоял начальник хозяйственной части 68-го полка 2-й Тульской бригады 8-й стрелковой дивизии Красной армии, бывший царский офицер, меньшевик, штабс-капитан Владимир Стрекопытов.

Предыстория этого события такова.

В начале 1919 года в Гомель для отправки на фронт прибыли 67-й и 68-й полки 2-й бригады 8-й стрелковой дивизии, сформированные в Туле из мобилизованных крестьян. Практически весь личный состав полков, распропагандированный рядом бывших царских офицеров, был крайне недоволен принудительной мобилизацией и перспективой оказаться в окопах. Отправленные на передний край красноармейцы дезертировали с фронта и в ночь на 24 марта 1919 года в одиннадцати эшелонах прибыли на станцию Гомель-Полесский, потребовав у местных властей паровозы для дальнейшего следования на Брянск и Тулу.

После долгих переговоров с Брянском и Центром гомельские власти согласились выделить восставшей бригаде все необходимое. Однако лидер мятежников Стрекопытов заявил, что следование в Тулу равносильно самоубийству, и предложил «обосноваться» в Гомеле. Мятежники оккупировали железнодорожный узел и начали наступление на город: штурмом взяли городскую тюрьму и освободили около четырехсот уголовников, захватили артиллерийские и продовольственные склады, советские учреждения. Вскоре в руках мятежников оказалась большая часть Гомеля. Лишь гостиница «Савой», превращенная в штаб сопротивления, здание ЧК и телефонная станция оставались в руках защитников советской власти — небольшой группы советских и партийных работников, а также отряда местных чекистов и милиции (всего около трехсот человек с винтовками и двумя пулеметами). Но их силы таяли с каждым часом. Из захваченных в плен и помещенных в городскую тюрьму защитников города восставшие отобрали 15 наиболее видных партийных работников и руководителей и в ночь на 29 марта вынесли им смертный приговор.

В ту же ночь подошедшие на помощь Гомелю с трех сторон рабочие дружины из Могилева и Бобруйска, курсанты Могилевских командных курсов, коммунистические боевые отряды из Смоленска и Почепа, части Брянской дивизии Красной армии вынудили повстанцев покинуть город. В эшелонах они отошли за Днепр и направились на воссоединение с армией Петлюры к городу Мозырю, с боем захватывая железнодорожные станции и мародерствуя.

Прибытие Эйтингона в Гомель совпало также по времени с приближением к городу войск белогвардейцев и польского генерала Галлера. В губернии сложилась ситуация, когда, по словам авторов отчета ЦК РКП(б) IX съезду партии, партийный билет «означал… кандидатуру на деникинскую виселицу». Однако в октябре 1919 года Наум Эйтингон вступает в партию

большевиков и становится бойцом коммунистического отряда.

В конце 1919 года, когда красногвардейские отряды отразили наступление польских интервентов, Эйтингон снова вернулся на работу в качестве инструктора по кооперации. Одновременно он являлся инструктором по профсоюзной работе в губернии и занимался созданием профсоюзных организаций.

В Особом отделе Гомельской ЧК

В мае 1920 года Наум Эйтингон по путевке Гомельского губкома партии большевиков становится уполномоченным Особого отдела Гомельского укрепрайона. Таким образом, служба Эйтингона в органах государственной безопасности нашей страны, которая продолжалась затем более тридцати лет, началась с военной контрразведки.

Становление Эйтингона как чекиста совпало с назначением на должность председателя Гомельской губернской ЧК Николая Львовича Волленберга, который впоследствии сыграл в его судьбе немалую роль. Под руководством Волленберга за два года Эйтингон прошел путь от уполномоченного Особого отдела до члена Коллегии и заместителя председателя Гомельской губчека, то есть стал вторым по значимости чекистом Гомельской губернии.

Позже хорошо знавшие Эйтингона коллеги и друзья отмечали: «Он с юных лет привык все делать обстоятельно и подходить к делу с полной ответственностью. Возможно, поэтому его работа в качестве сотрудника секретной службы была уже с первых дней оценена по достоинству. В 21 год Эйтингон стал исполнять обязанности заведующего секретно-оперативным отделом губернской ЧК. По сути дела, он руководил главным отделом местной секретной службы и пользовался полным доверием и поддержкой начальства. Когда в Гомеле вспыхнул бунт бывших мелких собственников и уволенных из армии солдат, Эйтингон принял в его подавлении самое активное участие. Он защищал новую власть с оружием в руках».

Особый отдел ВЧК был образован в декабре 1918 года под руководством видного революционера Михаила Кедрова. Подчиненные ему особые отделы создавались при всех фронтах, армиях, дивизиях, а также в ряде губернских ЧК. Они занимались выявлением вражеской агентуры в Красной армии, ее штабах, на фронтах и в тылу, борьбой с саботажем и диверсиями на железных дорогах, в продовольственных и других организациях, имевших отношение к обороне республики. Поскольку в годы

Гражданской войны советское правительство привлекло на службу в Красную армию до сорока тысяч бывших царских генералов и офицеров, среди которых оказалось немало белогвардейских агентов, сотрудники особых отделов выявляли их, тайно внедряясь в штабы Красной армии и вербуя осведомителей в армейских частях. О их принадлежности к особым отделам знал ограниченный круг лиц.

Сотрудники особых отделов вели также разведку за линией фронта и в ближайшем тылу, внедряясь в белогвардейские организации и в штабы армий интервентов, так как в тот период в ВЧК еще не было Иностранного отдела. Особисты входили в состав военных трибуналов РККА, рассматривавших дела об измене и вредительстве, а также «в отношении всех преступлений, направленных против военной безопасности Республики».

О том, какое значение приобрели особые отделы в годы Гражданской войны, свидетельствует тот факт, что 18 августа 1919 года решением ЦК РКП (б) начальником Особого отдела ВЧК был назначен Феликс Дзержинский, одновременно являвшийся председателем ВЧК. В июле 1920 года на этом посту его сменил будущий председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский. Заслуги Особого отдела ВЧК в борьбе с военным шпионажем и вредительством были отмечены приказом Реввоенсовета Республики от 20 декабря 1922 года, наградившим его орденом Красного Знамени.

Нелегко приходилось в то время гомельским чекистам, не имевшим достаточного опыта оперативной работы. Гомель, будучи, по сути дела, прифронтовым городом, постоянно подвергался нападениям самых разношерстных врагов советской власти — от белополяков до анархистов. В губернии активно действовали контрреволюционные элементы и иностранные шпионы, по уездам свирепствовали кулацкие банды. Эйтингон и его коллеги участвовали, в частности, в раскрытии мятежа на Днепровской военной флотилии, стоявшей тогда в Гомеле. Однако основной задачей была в то время борьба с бандитизмом, а также с польским шпионажем. Наибольшую опасность тогда представляла крупная боевая террористическая организация эсера Бориса Савинкова «Народный союз защиты Родины и свободы», отделения которой действовали на территории западных губерний РСФСР.

В мае 1921 года гомельские чекисты, внедрив своего агента, раскрыли в Гомеле штаб так называемого «Западного областного комитета», который структурно входил в «Народный союз защиты Родины и свободы». Руководил им бывший эсеровский боевик,

организовавший убийство великого князя Владимира Александровича, бывший товарищ (заместитель) военного министра Временного правительства России Борис Савинков.

Именно по его указанию в июле 1918 года в Ярославле был поднят кровавый мятеж, после подавления которого Савинков перешел на службу польской, французской и английской разведок.

Из Гомеля нити савинковского заговора тянулись к Москве, Петрограду, Минску и другим крупным городам. Всеми операциями комитета Борис Савинков руководил из своей варшавской резиденции.

С этим террористом, казалось бы, все ясно. Однако сегодня в независимой российской прессе появляются публикации о том, что Борис Савинков был чуть ли не святым, идейным борцом против большевиков. Некоторые авторы вообще ставят под сомнение его связь с иностранными спецслужбами. Но вот выдержки из подлинного документа французской военной разведки, знаменитого Второго бюро, — письма, подписанного самим Борисом Савинковым и направленного им французскому военному министру Луи Барту. Письмо датировано 11 марта 1921 года. К этому времени части Красной армии приступили к окончательному подавлению Кронштадтского мятежа[2], спровоцированного разведслужбами Англии и Франции (публикуется в переводе с оригинала, с сокращениями):

«События, имевшие место в Петрограде, в Кронштадте и в Москве, со всей очевидностью показывают, что недалек час падения советской власти в России.

По имеющимся у меня сведениям, всеобщее восстание крестьянских масс неизбежно в России весной этого года. Именно над подготовкой этого восстания и над координацией предстоящих в благоприятный момент операций всех активных антибольшевистских сил работает Политический комитет (по эвакуации) России в Польше…

Специалисты, назначенные Политическим комитетом и правительством Национальной Украинской Республики, в настоящее время по приказу атамана Петлюры и моему приказу вырабатывают план операций на Севере России, в Белоруссии и на Украине, а также планы мобилизации частей бывших русской и украинской армий, интернированных на территории Польской Республики (при условии, что польское правительство не будет этому препятствовать).

Я надеюсь, что одновременно вспыхнут восстания в Петроградской, Псковской и Новгородской губерниях, в Смоленске, Гомеле, Минске и на Украине, а также, может быть, и

в казачьих республиках…

Успех подготавливаемого восстания крестьянских масс будет означать не только падение коммунистической власти в России, но также создание демократического правительства, отношение которого к Франции и Польше будет глубоко дружеским…

Беря на себя смелость привлечь Ваше внимание к вышеизложенному, хочу надеяться, что недалек час падения коммунистической тирании и что Франция, во имя прочного мира, интересов своего союзника России и дорогой ей Польши и в своих собственных интересах, не оставит без своей поддержки Русский эвакуационный комитет и сыграет — я в этом не сомневаюсь — важную роль в близящихся революционных событиях».

К счастью, это письмо не имело последствий для Советской России. Министр Луи Барту не наложил на него никакой резолюции, и призыв террориста Савинкова поддержать его военные авантюры в России остался без ответа: французы боялись, что «революционная зараза» захлестнет французские экспедиционные войска на севере России, как это ранее уже имело место на юге, в частности в Одессе, в 1920 году.

Однако сам Савинков и его головорезы, активно поддерживаемые Польшей, представляли серьезную угрозу. Из Польши на советскую территорию постоянно забрасывались вооруженные отряды, состоявшие из остатков интернированных армий Булак-Балаховича, Перемыкина и Петлюры. Переброску вооруженных банд через советско-польскую границу осуществляла польская разведслужба — знаменитая «двуйка», а также польская жандармерия.

В письме на имя военного министра Франции Луи Барту Савинков предсказывал, что всеобщее выступление крестьян против советской власти состоится весной 1921 года. Однако это пророчество не сбылось. Савинковцы планировали вторжение собственных банд на территорию Советской России на август того же года. В этой связи «Народный союз защиты Родины и свободы» разделил территорию России на три полосы. Гомель в его планах входил в южную полосу вместе с Минском и Орлом. Именно туда проникали банды савинковцев. Они уничтожали пограничные заставы, убивали партийных, профсоюзных и хозяйственных руководителей, захватывали поезда. Так, в городе Демянске Новгородской губернии, занятом бандой полковника Павловского, были убиты 192 человека.

Будучи сотрудником Гомельской губернской ЧК, Наум Эйтингон принимал участие в операции «Крот», в результате которой были арестованы около ста членов «Западного

областного комитета» савинковского «Народного союза защиты Родины и свободы». Заговор возглавлял губернский военный комиссар. О важности проведенной чекистами операции свидетельствует тот факт, что для ее реализации из Москвы в Гомель были направлены ответственные сотрудники Особого отдела ВЧК Сергей Пузицкий и Игнатий Сосновский.

В мае 1921 года Наум Эйтингон принимал также активное участие в выявлении и аресте в Минске уполномоченного «Народного союза защиты Родины и свободы» Эдуарда Опперпута-Стауница — бывшего помощника начальника штаба войск внутренней службы Западного фронта.

По данным гомельских чекистов, регулярными частями Красной армии был наголову разбит сформированный на территории буржуазной Польши и вторгшийся в пределы РСФСР диверсионный отряд под командованием полковника Павловского, действия которого на советской земле отличались особой жестокостью.

Оперативная работа сотрудников Гомельской губернской ЧК по ликвидации антисоветского подполья получила высокую оценку Дзержинского. Невольно положительную оценку проведенным местными чекистами операциям дал и сам Борис Савинков, который позже, на судебном процессе в Москве в августе 1924 года, заявил, что он возлагал большие надежды на «Западный областной комитет», но ликвидация последнего чекистами «поколебала его веру в возможность свержения советской власти путем заговора».

Как уже отмечалось выше, в 1921 году чекисту Эйтингону не раз приходилось выезжать с оперативными группами на ликвидацию вооруженных банд. В ходе одной из таких операций в октябре 1921 года в районе села Давыдовка Гомельской губернии Наум был ранен в ногу, после чего в течение четырех месяцев находился на излечении. Однако боли в ноге остались до конца жизни. Историк советских спецслужб Эдуард Шарапов по этому поводу писал: «Врачи настаивали на ампутации ноги. Эйтингон, уже лежавший на операционном столе, вынул маузер. Этот довод убедил медиков».

В декабре 1921 года председатель Гомельской губчека Николай Волленберг был переведен на аналогичную должность в Стерлитамак, являвшийся в то время столицей Башкирской автономной республики (Уфа стала столицей Башкирской АССР 14 июня 1922 года). Как это часто бывает, с учетом предстоящей там серьезной оперативной работы вместе с собой он пожелал взять некоторых своих подчиненных, в том числе двух своих заместителей — Наума Эйтингона и начальника секретно-

оперативной части Владимира Алексеева. Москва дала согласие.

Служба в Башкирской ЧК

Из госпиталя Наум Эйтингон вышел только в марте 1922 года. Он сразу был назначен членом коллегии Башкирского отдела ГПУ и вскоре выехал в Стерлитамак.

В конце 1921 года в Башкирии возникла критическая ситуация: в республике сложились ненормальные отношения между местной ЧК и национальным башкирским руководством. Несмотря на то что в Башкирии уже была установлена советская власть, некоторые местные советские работники, не разобравшись в обстановке, а иногда и отдавая дань пережиткам прошлого, проявляли открытое недоверие к башкирским руководителям. Ответной реакцией стали вспышки буржуазного национализма среди башкир. Обострилась национальная рознь между башкирами и татарами. Тяжело сказались на настроениях людей неурожай и голод.

Не все шло гладко в Башкирии и с созданием местного государственного аппарата, регулярно возникали разногласия на почве межнациональных отношений. Чтобы исправить создавшееся положение, ЦК РКП(б) принял решение сменить руководство ЧК автономной республики.

Положение в республике усугублялось еще и тем, что башкирское население оставалось крайне недовольным проведенной до революции Столыпинской аграрной реформой, в результате которой переселенцы из Центральной России получили лучшие земельные наделы. Этим обстоятельством воспользовались башкирские националисты, которые выдвинули лозунг «Всю землю Башкирии — только башкирам». Таким требованием, в свою очередь, были недовольны татары, являвшиеся более развитыми в экономическом отношении.

Лидером башкирских националистов стал 27-летний сын сельского муллы Ахмет-Заки Валидов, получивший хорошее образование. В марте 1919 года была создана Башкирская автономная республика в составе РСФСР. Валидов возглавил Башкирский ревком и вскоре вступил в РКП(б). Именно при нем начались гонения на лиц татарской и русской национальностей. Ситуация осложнилась еще и тем, что в 1920 году в Белебеевском, Бирском и Мензелинском уездах Башкирии вспыхнуло крестьянское восстание, получившее название «Черный орел» и проходившее под оригинальным лозунгом «Долой коммунистов, да здравствуют большевики и свободная торговля».

Как отмечалось выше, в декабре 1921 года председателем Башкирской ЧК был назначен видный чекист Николай Львович Волленберг, его заместителями и членами коллегии стали Владимир Алексеев и Наум Эйтингон.

Николай Волленберг, немец по национальности, родился в 1892 году в Витебской губернии. В ноябре 1917 года являлся одним из организаторов Красной гвардии в Белоруссии, в том же году вступил в РКП(б). С января 1920 года — сотрудник ВЧК, председатель Гомельской губернской ЧК. Объединил под своим руководством группу талантливых молодых чекистов, позднее ставших видными советскими разведчиками, среди них — Наум Эйтингон, Владимир Алексеев-Железняков, Павел Корнель и другие.

6 июля 1922 года Волленберг был утвержден начальником Башкирского республиканского ГПУ. Позже был переведен в центральный аппарат ОГПУ в Москву. Длительное время являлся заместителем начальника Восточного отдела ОГПУ, а фактически руководил этим отделом, вскоре вошедшим в И НО, так как его начальник Яков Петерс был перегружен партийной работой.

В 1928–1930 годах Волленберг являлся полпредом ОГПУ по Казахстану. Затем был приглашен начальником внешней разведки Артуром Артузовым на работу в ИНО. В начале 1933 года направлен на оперативную работу в Иран в качестве руководителя тегеранской резидентуры.

В августе 1934 года Волленберг прибыл в Москву в отпуск. Руководство разведки высоко оценило его деятельность в Тегеране и… объявило о решении направить на руководящую разведывательную работу в другую страну. Этой страной была Польша, занимавшая по отношению к СССР открыто враждебную позицию. В ноябре 1934 года Волленберг выехал в Данциг (так в 1308–1466 и 1793–1945 годах назывался польский город Гданьск), где возглавил резидентуру ИНО ГУГБ НКВД под прикрытием вице-консула СССР.

Руководство разведки исключительно высоко оценивало работу резидента и возглавляемого им коллектива. Однако в середине 1936 года у Николая Львовича резко ухудшилось состояние здоровья (сильный ревматизм, боли в суставах). Разведчик обратился в Центр с просьбой откомандировать его на отдых и лечение. В конце 1936 года он прибыл в Москву, а в декабре 1937 года скончался.

Труд майора госбезопасности Николая Волленберга бьы отмечен орденом Красного Знамени, двумя нагрудными знаками «Почетный работник ВЧК — ГПУ», а также боевым оружием и золотым портсигаром.

Но вернемся к событиям, связанным с работой героев нашего повествования в Башкирии.

В короткий срок Волленбергу и присланным ему в помощь чекистам удалось нормализовать обстановку в автономной республике и создать необходимые условия для ее развития. Позже, вспоминая о своей работе в Башкирии, заместитель председателя Башкирской ЧК, товарищ Эйтингона еще по работе в Гомеле Владимир Алексеев, в частности, писал:

«Мне довелось активно участвовать в этом большом деле. В конце 1921 года по инициативе ЦК партии с группой работников Гомельской губернской ЧК я был направлен в Башкирию и выполнял там обязанности заместителя председателя ЧК автономной республики. Нас послали туда в связи с тем, что в Башкирии не все шло гладко с созданием местного государственного аппарата, возникали разногласия на почве межнациональных отношений.

По приезде в Стерлитамак мы, изучив обстановку, в корне изменили направление деятельности Башкирской ЧК, пресекли высокомерие, элементы великодержавного шовинизма, имевшие место в коллективе местных чекистов, ввели в аппарат ЧК национальные кадры, установили деловые отношения с ЦИК и Совнаркомом Башкирии. Нам удалось нормализовать ситуацию и создать необходимые условия для становления и развития этой республики».

Приходилось чекистам бороться и с бандитизмом, который в годы Гражданской войны в России расцвел махровым цветом по всем городам и весям обширного государства. В Башкирии также активно действовал филиал американской организации по оказанию помощи голодающим Поволжья «АРА», служившей «крышей» для американских разведчиков.

Напомним, что «АРА», или «Американская администрация помощи», была создана в США после Первой мировой войны с целью «оказания продовольственной и иной помощи народам Европы, пострадавшим от войны». Возглавлял ее министр торговли Герберт Гувер. Кадровый аппарат «АРА» в Советской России был полностью укомплектован американскими сотрудниками, которых насчитывалось более трехсот человек. Многие из них были кадровыми разведчиками. Директором «АРА» в России был полковник Хаскель, а его секретарем — разведчик Джон А. Лере, являвшийся в прошлом консулом США в Петрограде. Установленными американскими разведчиками были также помощник директора «АРА» Мэтьюз Филипп, представлявший эту организацию на юго-востоке России, а также уполномоченные «АРА» в Казани Г. Бойд, на Украине —

полковник Гров, в Белоруссии — армейский разведчик Харди, в Одессе — полковник Хайнес. В Башкирии эту организацию представлял Крейг, также являвшийся кадровым американским разведчиком.

В мае 1923 года Эйтингон и Алексеев были вызваны в Москву и направлены на работу в Восточный отдел Секретно-оперативного управления ГПУ. В Башкирии чекисты оставили о себе хорошую память: при отъезде из Уфы им были вручены благодарственные адреса республики.

Николай Львович Волленберг, первый учитель Наума Эйтингона в чекистском ремесле, оставался в Уфе на посту начальника областного отдела ОГПУ до 1926 года, когда перешел на работу в центральный аппарат. Несмотря на то что в дальнейшем он, так же как и его ученики Эйтингон и Алексеев, работал в разведке, их служебные пути географически не пересекались.

Глава вторая
СТАНОВЛЕНИЕ РАЗВЕДЧИКА КОМАНДИРОВКА В КИТАЙ

Наум Эйтингон принадлежит к числу тех разведчиков, о которых мы вроде бы знаем очень много, но как надводная часть айсберга, это лишь небольшая, видимая часть его работы. Все остальное скрыто в глубинах истории ушедшего века, многое не задокументировано, и мы никогда уже не узнаем всей правды.

Игорь Дамаскин, писатель, историк отечественных спецслужб

Восточный отдел

Это подразделение являлось самостоятельной структурной единицей в составе ГПУ и занималось вопросами борьбы с контрреволюцией на Востоке.

Решение о создании Восточного отдела было принято постановлением политбюро ЦК РКП(б) в 1919 году по предложению Ф. Э. Дзержинского, однако не получило должного развития. Как отмечал в одной из своих работ историк советских органов государственной безопасности Эдуард Шарапов, политбюро рекомендовало Дзержинскому, «не создавая особого подотдела и вообще руководимого из Москвы специального аппарата борьбы с контрреволюционным движением среди мусульман, ограничиться сосредоточением в Особом отделе всех сведений, собираемых ЧК в населенных мусульманами губерниях, и дачей этим губчека общих указаний».

Повторно этот вопрос рассматривался в ЦК в апреле 1921 года. И вновь не был решен окончательно. И только 2 июня 1922 года был подписан приказ по ГПУ об образовании Восточного отдела в составе Секретно-оперативного управления. Возглавил отдел Владимир Андреевич Стырне.

Восточный отдел был призван объединить работу чекистов на

Кавказе, в Туркестане, Башкирии, Татарии и Крыму, а также в Хивинской и Бухарской народных советских республиках в части, касающейся «специфической восточной контрреволюции и восточного шпионажа». Исполнение оперативных заданий Восточного отдела было обязательным для Иностранного отдела ГПУ.

Вскоре начальником Восточного отдела стал член Коллегии ГПУ — ОГПУ легендарный чекист Яков Христофорович Петерс, который проработал в этой должности до конца 1929 года.

Наум Эйтингон, которому не исполнилось еще и двадцати четырех лет, был назначен на должность помощника начальника 3-го отделения Восточного отдела, занимавшегося проблемами Дальнего Востока. Руководил отделением опытный чекист, имевший блестящее образование, — Михаил Маркович Казас.

В этот период Эйтингону не раз приходилось видеть на работе, совещаниях и отдыхе Дзержинского и его ближайших соратников.

Следует отметить, что Восточный отдел был специально создан в рамках ВЧК — ОГПУ в связи с особенностями чекистских задач, вытекавших из требований и установок партии по национальному вопросу. Несколько позднее Я. Х. Петерс был даже направлен в Среднюю Азию, чтобы на месте принимать меры по устранению различного рода осложнений, возникавших на почве национальных отношений.

Работая в Восточном отделе, Эйтингон провел блестящую операцию по освобождению бывшего военного министра Дальневосточной республики Василия Блюхера, захваченного китайцами на Дальнем Востоке.

Но поскольку образования у Эйтингона явно не хватало, руководством отдела было принято решение направить его на учебу на восточный факультет Военной академии РККА, которую в то время возглавлял бывший генерал-майор царской армии Павел Павлович Лебедев, с 1918 года служивший в Красной армии. В апреле 1924 года его сменил Михаил Васильевич Фрунзе, являвшийся одновременно начальником Штаба РККА. В январе 1925 года Фрунзе был назначен председателем Реввоенсовета СССР и наркомом по военным и морским делам, а через месяц стал также членом Совета труда и обороны. Начальником и комиссаром академии стал Роберт Эйдеман, бывший командующий Сибирским военным округом. После смерти М. В. Фрунзе 31 октября 1925 года академия стала носить его имя.

Начальником восточного факультета в те годы был бывший морской офицер, выдающийся лингвист Борис Иванович Доливо-

Добровольский.

Одновременно с Эйтингоном в академии учились сразу несколько коллег по Восточному отделу. На восточном факультете будущие разведчики изучали военные и общеобразовательные дисциплины, а также овладевали иностранными языками.

В октябре 1925 года, после двухлетнего обучения в академии РККА, Наум Эйтингон был переведен на работу в Иностранный отдел ОГПУ и вскоре получил назначение на пост заместителя руководителя резидентуры ИНО ОГПУ в Шанхае.

Начальник ИНО ОГПУ Трилиссер

Созданный 20 декабря 1920 года Иностранный отдел ВЧК, а в 1925 году, когда туда перешел на работу Наум Эйтингон, — Иностранный отдел Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) при СНК СССР, уже более трех лет возглавлял Михаил (Меер) Абрамович Трилиссер. Его, проработавшего в этой должности свыше семи лет, по праву можно считать фактическим основателем советской внешней разведки. Именно при Трилиссере состоялся выход Советской России на международную арену, именно он конкретизировал задачи и цели ее внешней разведки.

Так, в Положении о закордонном отделении Иностранного отдела ГПУ, утвержденном 28 июня 1922 года, указывались следующие первоочередные задачи советской внешней разведки в порядке их приоритетности:

разработка спецслужб противника, занимающихся шпионажем против нашей страны;

выявление на территории иностранных государств контрреволюционных организаций и групп, ведущих подрывную деятельность против Советской России;

установление за рубежом правительственных и частных организаций, занимающихся военным, политическим и экономическим шпионажем;

освещение политической линии каждого государства и его правительства по основным вопросам международной политики, выявление их намерений в отношении России, получение сведений о их экономическом положении;

добывание документальных материалов по всем направлениям работы, в том числе таких материалов, которые могли бы быть использованы для компрометации как лидеров контрреволюционных групп, так и целых организаций;

контрразведывательное обеспечение советских учреждений и граждан за границей.

Чтобы улучшить деятельность центрального аппарата разведки в новых условиях, Трилиссер пригласил на работу в ИНО большую группу своих соратников по подпольной работе в военной организации партии, а также по работе на Дальнем Востоке в период Гражданской войны, которых он хорошо знал и которым доверял.

При Трилиссере штаты внешней разведки были значительно расширены (122 сотрудника центрального аппарата и 62 — за границей). Работникам зарубежных резидентур ИНО была предоставлена большая свобода в вербовке агентуры, а резиденты имели право включать их в агентурную сеть без согласования с Центром. Формируя штаты ИНО, Трилиссер обращал особое внимание на профессиональную подготовку сотрудников, знание ими иностранных языков, умение работать с агентурой, приспосабливаться к быстро меняющимся условиям.

Для выполнения поставленных перед внешней разведкой задач Трилиссер начал создавать новые закордонные аппараты и укомплектовывать их грамотным оперативным составом. Под его руководством были образованы резидентуры ИНО в Берлине, Лондоне, Париже, Вене, Риме. На Востоке — в Токио, Пекине, Харбине, Сеуле — были созданы нелегальные резидентуры.

В короткое время была образована солидная агентурная сеть в кругах белоэмигрантов и в важных правительственных учреждениях ряда стран. Внешняя разведка госбезопасности приступила к добыванию научно-технической информации, необходимой для нужд обороны и народного хозяйства страны.

В 1922 году в Берлине была создана первая «легальная» резидентура ИНО ГПУ под руководством Бронислава Бортновского, действовавшая при полпредстве[3] Советской России. Она располагала весьма ценными источниками информации по самой Германии, а также другим странам. В Москву направлялись, в частности, ежемесячные доклады министерства государственного хозяйства Германии об экономическом положении страны, сводки главного управления берлинской полиции (полицай-президиума) о внутриполитическом положении страны и деятельности основных политических партий. Резидентура добывала ценные сведения о позиции Франции в отношении Советской России, материалы по Польше. Центр высоко оценивал деятельность своей берлинской резидентуры. В заключении о работе ее аппарата говорилось: «Материалы дипломатического характера очень интересны, в большинстве своем вполне заслуживают внимания».

Одновременно в Центр мощным потоком пошла разведывательная информация о замыслах вооруженной эмиграции и ее связях со спецслужбами иностранных государств. Борьба с вооруженной эмиграцией имела в те годы приоритетное значение для всего ГПУ, включая его Иностранный отдел.

Следует также подчеркнуть, что в 1920-е годы западные страны развернули яростную пропагандистскую кампанию против СССР, грубо искажая его внутреннюю политику, приписывали его внешней политике агрессивный характер. Все это наносило заметный ущерб международному престижу Советского Союза, мешало развитию его внешних связей, торгово-экономических отношений. В организации и проведении этой кампании ведущую роль играли спецслужбы западных стран, использовавшие в этих целях свою агентуру, действовавшую в нашей стране, а также белоэмигрантские организации.

В январе 1923 года первый заместитель председателя ГПУ Иосиф Уншлихт для организации борьбы с пропагандой противника предложил создать специальное бюро по дезинформации. 11 января 1923 года решением политбюро ЦК РКП(б) это предложение было принято. В ГПУ было создано межведомственное Особое бюро по дезинформации (Дезинфбюро) во главе с Уншлихтом «в целях систематизации работы по введению в заблуждение иностранных государств о внутренней и внешней политике СССР, а также о состоянии его вооруженных сил и мероприятиях по обороне Республики».

В состав Дезинфбюро входили представители ГПУ, Разведотдела штаба РККА и НКИД. На него возлагалась задача разработки и информационного обеспечения акций тайного влияния, направленных на политическую и военно-стратегическую дезинформацию правительств и командования вооруженных сил иностранных государств. Так организационно оформилось одно из важнейших направлений деятельности внешней разведки того периода. Дезинфбюро сыграло важную роль в подготовке и проведении таких знаменитых операций органов госбезопасности, как «Трест», «Синдикат», «Академия», «Тарантелла» и других.

На различных этапах разведывательной деятельности органов государственной безопасности операции по дезинформации спецслужб противников советской власти имели несколько чисто служебных обозначений: «активная разведка», «дезинформация», «активные мероприятия», «оперативные игры». Несмотря на различия в терминах, все они представляли и представляют определенные целенаправленные действия по введению в заблуждение фактического или потенциального противника

относительно своих истинных намерений или возможностей, а также для получения выгодной, практически не достижимой открытыми способами реакции «объекта воздействия».

Дезинформационная работа, которую проводила внешняя разведка совместно с Разведупром, во многом способствовала охране подлинных государственных и военных секретов, содействовала проведению внешнеполитического курса страны, помогала разъяснению широкой общественности действительного смысла проводимой Советским государством политики.

В подтверждение этих слов обратим внимание на любопытный факт из истории дезинформационной работы. В 1959 году Службу активных мероприятий внешней разведки нашей страны возглавил видный советский разведчик генерал Иван Иванович Агаянц.

А в середине 1960-х годов газета «Нью-Йорк геральд трибюн» сообщила, что ЦРУ направило в Конгресс США специальный доклад, в котором указывалось, что «осуществлению многих оперативных мероприятий американских спецслужб активно мешает деятельность управления советской внешней разведки, возглавляемого генералом Агаянцем».

Но вернемся в 1920-е годы. Здесь необходимо отметить, что в осуществлении ряда операций советских спецслужб того периода принимали активное участие многие представители старого государственного аппарата, включая опытных контрразведчиков и разведчиков, которые согласились поставить на службу новой власти свои незаурядные способности, работали не за страх, а за совесть, помогая раскрывать заговоры, разоблачать замыслы тех, кто вынашивал планы новых интервенций, оккупации российских земель. Опыт работы старых кадров был бесценен для нового режима, помогал становлению органов безопасности Республики Советов.

Как видно из приведенного выше документа, касающегося первоочередных задач советской внешней разведки, работе по проникновению в зарубежные контрреволюционные организации, которые проводили подрывную деятельность против Советского государства, отводилось в то время первостепенное место.

Кроме того, в Москве учитывали, что в случае новой войны в Европе под знаменами противников СССР могут выступить и полки бывшей Добровольческой армии, структура которой сохранилась и в эмиграции. Белые офицеры считали себя находящимися на военной службе, проходили переподготовку, изучали боевые возможности РККА.

Умелое руководство Трилиссером внешней разведкой принесло свои плоды. 26 марта 1926 года он становится членом

коллегии — заместителем председателя ОГПУ, а с февраля 1928 года — одновременно и уполномоченным ОГПУ при Совете народных комиссаров СССР.

30 июля 1927 года Иностранный отдел был выделен из подчинения Секретно-оперативному управлению ОГПУ, которым руководил Генрих Ягода, и стал самостоятельным подразделением, подчинявшимся непосредственно Коллегии ОГПУ.

Это была вершина разведывательной карьеры Михаила Трилиссера.

На разведработе в Китае

В конце 1925 года Эйтингон выехал в свою первую долгосрочную загранкомандировку — в Китай в качестве заместителя руководителя шанхайской резидентуры.

Перед отъездом состоялась его встреча с Дзержинским, о которой он рассказал в середине 1970-х годов в письме на имя члена политбюро ЦК КПСС, председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова, содержание которого приведено в начале нашего повествования.

Советская политика тех лет на китайском направлении базировалась на стремлении сохранить Китай как единое неделимое целое, а многонациональный Синьцзян, другие провинции и районы, где действовали милитаристские группировки сепаратистов, — как его неотъемлемые составные части. Именно эти задачи были главными в деятельности резидентур внешней разведки в Китае, которых к 1927 году насчитывалось семнадцать.

Иначе вели себя там ведущие страны Запада и Япония, всячески осложнявшие межнациональные отношения в стране и поддерживавшие сепаратистские силы, стремясь их руками подавить борьбу китайцев за национальное освобождение. Только в 1925 году и начале 1926 года Япония, США, Англия и Франция предоставили одной из милитаристских группировок в Северном Китае около 220 тысяч винтовок и карабинов, 70 миллионов патронов, а также артиллерийские орудия, танки и самолеты. Военные инструкторы и сотрудники спецслужб Японии, Англии, других западных держав постоянно находились в войсках местных милитаристов.

Советская внешняя разведка неизменно противодействовала настойчивым попыткам спецслужб ряда государств, и в первую очередь Японии, создать на территории Китая ряд марионеточных

государств наподобие Маньчжоу-Го[4].

Все эти вопросы приходилось учитывать молодому разведчику Науму Эйтингону, впервые выехавшему на оперативную работу за рубеж. В Китае он находился под прикрытием должности консульского сотрудника и с паспортом на имя Леонида Александровича Наумова. С этого времени и до начала 1950-х годов он работал за границей и в центральном аппарате разведки под этим именем. Кстати, Леонидом его долгое время звали даже близкие друзья и коллеги по работе в органах государственной безопасности.

Позже дети Эйтингона, Муза Малиновская и Леонид Эйтингон, в своей книге воспоминаний «На предельной высоте» по этому поводу писали: «В 1920-е годы многие евреи-чекисты брали себе русские имена, чтобы не привлекать излишнего внимания к своей национальности как среди осведомителей и информаторов из кругов дворянства и бывшего офицерства, так и коллег, с которыми они работали». От себя добавим, что в 1920—1930-е годы выезд на работу за рубеж под чужим именем был довольно распространенным явлением среди сотрудников советских спецслужб независимо от их национальности.

В Шанхае под руководством резидента ИНО ОГПУ Якова Григорьевича Минскера Эйтингон проработал недолго. Уже в 1926 году он под прикрытием должности консула СССР возглавил резидентуру в Пекине, а с середины 1927 года руководил резидентурой советской разведки в Харбине.

Разведчику пришлось работать в Китае в исключительно сложное время. Страна представляла собой серьезный узел противоречий, вызванных гражданской войной, начавшейся после демократических преобразований в Китае в начале 1920-х годов. Центральное правительство во главе с лидером партии Гоминьдан Сунь Ятсеном контролировало только несколько южных провинций, остальная часть территории была поделена между генералами-милитаристами, которые не подчинялись центральному правительству в Кантоне.

В 1923 году было подписано советско-китайское соглашение о дружбе и сотрудничестве. В Кантон была направлена группа советских военных советников (135 человек) во главе с опытным большевиком Михаилом Бородиным. Советский Союз поставлял оружие для армии центрального правительства Чан Кайши, возглавившего его после смерти Сунь Ятсена.

В результате начавшейся в середине 1925 года в Китае буржуазно-демократической революции, объединившей национальную буржуазию, мелкую городскую буржуазию, рабочих и крестьянство, в трех провинциях на юге страны была

установлена революционная власть Национального правительства. К концу 1926 года Национально-революционная армия (НРА) освободила еще четыре основные китайские провинции. В начале 1927 года восставшие рабочие освободили Шанхай, в который затем вступили части НРА.

Однако напуганная размахом революционного движения рабочих и крестьян китайская буржуазия предала революцию. Уже 12 апреля 1927 года при ее поддержке правое крыло Гоминьдана (Национальной партии), возглавляемое главнокомандующим НРА Чан Кайши, организовало в Шанхае и Нанкине контрреволюционные перевороты. Через два месяца контрреволюционный переворот произошел в Ухани. Компартия Китая была объявлена вне закона, профсоюзы и крестьянские союзы распущены. В стране начался разгул контрреволюции и сепаратизма, направленный на ее расчленение.

Политические события в Поднебесной крайне тревожили Москву. Политика советского руководства базировалась на стремлении сохранить Китай как единое государство и оказании помощи прогрессивным силам страны в урегулировании межнациональных отношений. Информация по данным вопросам являлась приоритетной в деятельности резидентур внешней разведки в Китае.

В официальных материалах СВР по этому поводу, в частности, указывается: «Резидентуры не только обеспечивали Центр информацией о намерениях Японии в военной, политической и экономической областях, но и предпринимали конкретные действия по нейтрализации и срыву попыток Токио дезинтегрировать Китай, который к середине 1930-х годов оказался разделенным на несколько частей».

В то же время на территории Китая нашли убежище многочисленные белогвардейские банды. В стране активно действовали японские спецслужбы. Именно они должны были стать главными объектами агентурного проникновения советской разведки в Китае.

Еще в дореволюционные времена европейским странам удалось навязать Китаю режим капитуляций, и в Шанхае, являвшемся китайской экономической столицей, образовалась обширная иностранная колония, насчитывавшая до миллиона человек.

Видный современный китаист Виктор Усов в одной из своих работ отмечал, что Шанхай, в котором Эйтингон начинал свою деятельность в Китае, являлся в то время крупнейшим промышленным и пролетарским центром страны. Одновременно он был также узлом межимпериалистических противоречий и

базой иностранного господства в Китае. Город состоял из просторной и благоустроенной территории Международного сеттльмента и Французской концессии и тесного, перенаселенного до предела китайского города.

Районы Международного сеттльмента пользовались правом экстерриториальности, на них не распространялась юрисдикция китайских властей. Китайская полиция не могла, например, производить в них обыски и аресты.

Среди иностранного населения Шанхая середины 1920-х годов самой большой и влиятельной была английская колония, затем шли французы, американцы, немцы. Замкнутой и тесно сплоченной колонией жили японцы. Такой Шанхай был крайне удобен для ведения там разведывательной работы.

Другой известный китаевед советского периода Сергей Далин, неоднократно посещавший Китай по заданию Коминтерна в 1921–1927 годах, в своей книге «Китайские мемуары», изданной в 1982 году, рассказывает:

«В очередной раз я прибыл в Шанхай в конце августа 1926 года. Обстановка в городе была крайне напряженной. Английская секретная полиция в иностранной части Шанхая усилила слежку за советскими людьми, занималась провокациями, вела тщательное наблюдение за советским консульством. Начальником английской тайной полиции в Шанхае был некий Гивенс, изучивший русский язык. К его услугам были многочисленные русские белогвардейцы, готовые пойти на любую антисоветскую акцию…»

Как видим, сотрудникам шанхайской резидентуры ИНО ОГПУ приходилось действовать в довольно сложных условиях.

В марте 1927 года главный советский военный советник Михаил Бородин, следуя пожеланиям компартии Китая и указаниям Коминтерна, предпринял неудачную попытку сместить Чан Кайши с поста главнокомандующего китайской армией. Руководство КПК стало формировать отряды Красной гвардии в пролетарской столице Китая — Шанхае с целью организации вооруженного восстания, провозглашения революционного правительства и создания китайской Красной армии. В ответ Чан Кайши предпринял наступление на Шанхай, который под ударами его войск пал 12 апреля 1927 года. Восстание китайских коммунистов было подавлено, 25 руководителей компартии Китая были казнены.

В конце апреля 1927 года по указанию Чан Кайши китайская полиция совершила налет на советское генеральное консульство в Пекине. Ночью группа китайских солдат и полицейских при содействии местной охраны посольских кварталов и с ведома

послов ведущих западных стран учинила погром в советском генеральном консульстве.

В результате было изъято большое количество документов, в том числе шифры, списки агентуры и материалы о поставках советского оружия компартии Китая, а также инструкции китайским коммунистам по оказанию помощи советским разведчикам в их работе.

Исключительные стойкость и мужество проявили в этой ситуации сотрудники пекинской резидентуры. Благодаря их усилиям удалось освободить арестованных китайцами в жилом комплексе генерального консульства советских граждан и отправить их на Родину.

После событий в Пекине Наум Эйтингон был назначен резидентом ОГПУ в Харбине, сменив на этом посту подлинного специалиста в области разведки Федора Карина. Для молодого разведчика это, безусловно, было повышением по службе, поскольку в Маньчжурии, столицей которой был Харбин, постоянно проживало большое количество — до ста тысяч — выходцев из России. Здесь нашли убежище многочисленные белогвардейские банды, в том числе отряды атамана Семенова.

В то же время харбинская резидентура активно действовала не только по белогвардейской эмиграции. Весьма эффективной была ее работа против японских спецслужб, готовивших оккупацию Маньчжурии императорскими войсками.

Следует отметить, что японцы давно чувствовали себя хозяевами положения в Китае и, в частности, в Маньчжурии. Так, на территории трех китайских северо-восточных провинций они создали марионеточное правительство генерала Чжан Цзолиня. Благодаря активной поддержке японцев этот бывший главарь хунхузской банды, воевавший на стороне Японии во время Русско-японской войны, стал фактически неограниченным диктатором Маньчжурии. Он совсем не считался с центральным правительством Китая, и японцы делали в его провинциях что хотели. В Мукдене, Чанчуне, Харбине, Хайларе они создали свои резидентуры и развернули работу по Китаю, а позже — против Дальневосточной республики и Советского Союза. Разведывательная сеть японцев в основном была укомплектована опытными офицерами русского отдела генштаба Японии. В агентурной сети широко использовались русские белоэмигранты, бежавшие от советской власти колчаковцы и семеновцы.

Харбин в те годы состоял из нескольких обособленных по национальному составу и в то же время тесно связанных между собой городских районов. Западные европейцы и русские, японцы и китайцы держались в нем особняком. Однако сотрудникам

резидентуры советской внешней разведки удалось установить в этом городе обширные связи в среде белогвардейцев, приобрести ценную агентуру. Правда, проникнуть с ее помощью в секреты японцев было непросто, поскольку среди них были сильны предубеждения в отношении всех европейцев и в первую очередь — против выходцев из России. Но разведчики успешно справились с этой задачей, получив через свою агентуру японские шифры.

Из истории советских органов государственной безопасности известно, что еще 5 мая 1921 года постановлением Малого Совнаркома РСФСР при ВЧК была создана криптографическая служба, которую возглавил член Коллегии ВЧК Глеб Бокий, — Специальный криптографический отдел (СПЕКО) ВЧК по руководству шифровальным делом в стране и контролю за деятельностью шифровальных органов РСФСР. В постановлении, в частности, говорилось:

«Имея в виду: 1) отсутствие в Республике центра, объединяющего и направляющего деятельность шифровальных органов различных ведомств, и связанные с этим бессистемность и случайность в постановке шифровального дела; 2) возможность, благодаря этому, при существующем положении широкого осведомления врагов Рабоче-Крестьянского государства о тайнах Республики, Совет Народных Комиссаров постановил:

I

Образовать при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии Специальный отдел, штаты в коем утверждаются Председателем ВЧК. Начальник Специального отдела назначается Совнаркомом.

В круг ведения Специального отдела при ВЧК включить:

1. Постановка шифровального дела в РСФСР:

А. Научная разработка вопросов шифровального дела:

а) анализ всех существующих и существовавших русских и иностранных шифров;

б) создание новых систем шифров;

в) составление описаний шифров и инструкций по шифровальному делу и пользованию шифрами;

г) собирание архивов и литературы по шифровальному делу для сконцентрирования такового при Спецотделе;

д) составление и издание руководств по вопросам шифрования.

Б. Обследование и выработка систем шифров…

Постановка расшифровального дела в РСФСР:

1. Изыскание способов повсеместного улавливания всех радио, телеграмм и писем неприятельских и контрреволюционных;

2. Открытие ключей неприятельских, иностранных и контрреволюционных шифров;

3. Расшифровка всех радио, телеграмм и писем неприятельских, иностранных и контрреволюционных.

Все распоряжения и циркуляры Специального отдела при ВЧК по всем вопросам шифровального и расшифровального дела являются обязательными к исполнению всеми ведомствами РСФСР».

Как мы видим, на Специальный отдел были возложены задачи по ведению радиоразведки и противодействию радиоразведкам ведущих капиталистических стран. 25 августа того же года Ф. Э. Дзержинский подписал приказ по ВЧК, в соответствии с которым всем подразделениям внешней разведки и контрразведки предписывалось направлять полученные шифры в Специальный отдел.

К началу 1930-х годов Специальный отдел стал одним из крупнейших технически оснащенных органов радио-разведки в мире. Его дешифровальная секция была организована по географическому принципу и работала весьма успешно. Дешифровкой японских шифров и кодов в японском отделении занимался профессор Шунгский, признанный авторитет в области японистики.

В связи с тем что харбинской резидентуре удалось получить свыше двадцати японских шифров, в Харбин была направлена специальная оперативная группа дешифровальщиков, которая ежемесячно расшифровывала до двухсот японских шифротелеграмм. Кроме того, сотрудникам харбинской резидентуры удалось получить доступ к дипломатическим вализам генконсульства Японии в Маньчжурии. Осуществляя перлюстрацию его почты, резидентура была в курсе планов Токио в отношении Китая и нашей страны, о чем своевременно информировала Центр.

Предшественник Эйтингона резидент ОГПУ в Харбине Федор Карин в отчете о работе резидентуры, направленном на имя начальника ИНО Михаила Трилиссера, в частности, писал: «Резидентура ИНО ОГПУ в Северной Маньчжурии с центром в Харбине… ведет регулярную и систематическую работу по перлюстрации дипломатических и иных секретных почт целого

ряда японских учреждений. Японский Генеральный штаб, военные японские миссии в Китае, японские армии в Квантунской области (Порт-Артур), Корее (Сеул), Китае (Тяньцзинь) и другие вошли в сферу действия нашей разведки».

Нет сомнений, что во время работы в Харбине Наума Эйтингона данные вопросы продолжали оставаться исключительно актуальными. Новый резидент получил «в наследство» активный и надежный агентурный аппарат, который в течение многих лет поставлял ценную информацию и документальные материалы.

Так, харбинская резидентура под руководством Карина привлекла к сотрудничеству с советской разведкой русского эмигранта Ивана Трофимовича Иванова-Перекреста. Он имел обширные связи среди японских военнослужащих, сотрудников жандармерии, китайцев, работавших в японских учреждениях. Как вспоминал впоследствии генерал-майор Василий Зарубин, являвшийся в то время заместителем резидента Карина, «Перекрест был агентом-групповодом и самостоятельно занимался вербовкой агентуры. Он добывал также весьма ценную информацию о деятельности японской военной миссии в Маньчжурии».

Через Иванова-Перекреста сотруднику резидентуры Василию Пудину в 1927 году удалось добыть исключительно важный японский документ — «меморандум Танаки». Как подчеркивается в официальных документах СВР России, «получение «меморандума Танаки» явилось крупнейшим достижением в работе советской внешней разведки против милитаристских устремлений Японии в период 1920-х — начала 1930-х годов».

Пришедший к власти в 1927 году премьер-министр Японии генерал Танака являлся активным сторонником последовательной подготовки страны к войне с Советским Союзом. Его позиция по данному вопросу была сформулирована 25 июля того же года в меморандуме, представленном императору Японии и правительству страны.

В этом документе впервые открывались истинные планы Японии по завоеванию мира. Обозначались этапы осуществления этой задачи: сначала подчинение Маньчжурии и Монголии, затем Китая. После овладения ресурсами Китая Япония должна была перейти к завоеванию Индии, стран бассейна Тихого океана, Малой и Центральной Азии и, наконец, Европы. Одновременно в качестве «программы национального развития Японии» в меморандуме выдвигалась «необходимость вновь скрестить мечи с Россией».

Премьер-министр и министр иностранных дел Японии

генерал Танака, в частности, писал:

«Японо-советская война, принимая во внимание состояние вооруженных сил СССР и его отношения с иностранными государствами, должна быть проведена нами как можно скорее. Я считаю необходимым, чтобы императорское правительство повело политику с расчетом как можно скорее начать войну с СССР.

Разумеется, нам нужно будет осуществить продвижение до озера Байкал. Что касается дальнейшего наступления на запад, то это должно быть решено в зависимости от дальнейшей обстановки, которая сложится к тому времени. Япония должна будет включить оккупированный Дальневосточный край полностью в состав владений империи.

Япония не сможет устранить свои затруднения в Восточной Азии, если не будет проводить политику «крови и железа». Поэтому мы должны установить контроль над Китаем и сокрушить Соединенные Штаты Америки. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные азиатские страны южных морей станут нас бояться и капитулируют перед нами. Имея в своем распоряжении все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы.

Япония должна завоевать мир, а для этого она должна завоевать Европу и Азию, и в первую очередь — Китай и СССР».

Дело с «меморандумом Танаки» получило свое продолжение в Корее. Можно с уверенностью сказать, что имел место уникальный случай в практике разведслужб, когда один и тот же секретный документ почти одновременно был добыт нашими разведчиками в разных странах.

В сентябре 1927 года в Сеул прибыл новый резидент ИНО ОГПУ в Корее Иван Андреевич Чичаев. В сложной обстановке оккупации страны японцами он привлек к сотрудничеству офицера японской политической полиции «Ало», который передал в резидентуру множество материалов о планах японского правительства. Наиболее важным из них также был упоминавшийся выше «меморандум Танаки».

Резидент Чичаев вспоминал в дальнейшем: ««Меморандум Танаки» лег на мой стол обширным и многоплановым документом, требующим серьезных размышлений. Он нуждался в срочном и квалифицированном переводе, а также в тщательном первичном анализе».

Получение одного и того же документа харбинской и сеульской резидентурами подтвердило его подлинность.

Руководство советской внешней разведки приняло решение

опубликовать «меморандум Танаки» через свои возможности в американской печати. Его обнародование вызвало грандиозный международный скандал. Япония выступила с опровержениями, однако ей никто не поверил. После разгрома милитаристской Японии в 1945 году «меморандум Танаки» фигурировал в качестве официального документа на Токийском трибунале, осудившем японских военных преступников.

Прибыв в Харбин, Наум Эйтингон сразу же активно включился в работу. Помимо Иванова-Перекреста он принял на связь еще ряд ценных источников. Одним из них был бывший офицер Амурской флотилии Вячеслав Иванович Пентковский, с 1924 года работавший вместе с женой на советскую разведку. Выпускник Петроградской восточной академии и юридического факультета университета, свободно владевший китайским языком, Пентковский получил китайское гражданство и поступил на службу в харбинский суд, где имел доступ к важной разведывательной информации.

На связи у Эйтингона был также источник «Осипов», завербованный в 1928 году и являвшийся сотрудником политического отдела местной жандармерии. В 1929 году резидентура через «Осипова» довела до японцев документы, из которых следовало, что двадцать их активных агентов из числа русских военных эмигрантов якобы подали заявление о восстановлении их в советском гражданстве. В результате этой дезинформационной акции все они были ликвидированы японцами.

В 1927 году сотрудниками Эйтингона был завербован бывший офицер-каппелевец и полковник китайской армии, член террористической белогвардейской организации «Братство русской правды», который получил оперативный псевдоним «Браун». От него на постоянной основе поступала информация о положении в белогвардейских эмигрантских организациях, а также о попытках японцев сформировать при помощи атамана Семенова казачьи части, которые они намеревались использовать в будущей войне против СССР.

В 1928 году Наум Эйтингон получил особо секретную информацию о переговорах мукденского милитариста Чжан Сюэляна с японцами о создании в Северо-Восточном Китае независимой Маньчжурской республики под протекторатом Японии, которая должна была включать в себя как саму Маньчжурию, так и Внутреннюю и Внешнюю Монголии.

В том же 1928 году харбинской резидентурой под руководством Эйтингона была получена докладная записка военного атташе Японии в Москве генерала Касахары,

представленная им в генеральный штаб: в ней обосновывалась необходимость начала военных действий против СССР. Будучи ярым врагом Советского Союза, но далеко не глупым человеком, Касахара в своей докладной записке подчеркивал, что «воевать с СССР нужно сейчас или не воевать никогда впоследствии». Позиция генерала была должным образом оценена японским военным руководством: после возвращения из Советского Союза он был назначен на должность начальника 5-го (русского) отдела 2-го (разведывательного) управления генерального штаба японской армии.

На процессе японских военных преступников в Токио в 1946–1948 годах генерал Касахара благодаря покровительству американцев выступал не как обвиняемый, а как свидетель. На вопросы трибунала он отвечал уклончиво до тех пор, пока ему не были предъявлены фотокопии его докладной записки. Только после этого он полностью признал не только подлинность документа, но и свое авторство.

Между тем активность резидентуры ОГПУ в Харбине не осталась незамеченной местными спецслужбами. 27 мая 1929 года был произведен налет на советское генеральное консульство.

В результате провокаций китайских властей советское правительство 17 июля 1929 года заявило о разрыве дипломатических отношений с Китаем. Все «легальные» резидентуры ОГПУ в стране временно прекратили свою работу. Разведка на территории Китая стала вестись с нелегальных позиций.

В июле 1929 года Наум Эйтингон был отозван в Москву.

Подводя итоги деятельности Эйтингона в Китае, необходимо также отметить, что в Шанхае он активно сотрудничал с представителями Разведывательного управления Красной армии. Данное обстоятельство объясняется тем, что в 1920-е годы в ряде стран действовали объединенные резидентуры ОГПУ и военной разведки, опиравшиеся, как правило, на структуры Коминтерна. Имея за плечами хорошее для того времени военное образование, высокие навыки агентурно-оперативной работы и боевой опыт, Эйтингон принимал участие в разработке и реализации совместных сложных оперативных комбинаций. Его друзьями и товарищами по боевой работе в Шанхае стали знаменитые в дальнейшем военные разведчики: латыш Христофор Салнынь, болгарин Иван Винаров, немец Рихард Зорге.

Кстати, в дальнейшем пути разведчика НКВД и одного из сотрудников военной разведки пересеклись в Испании: бригадный комиссар Салнынь находился там в качестве старшего советника 14-го (партизанского) корпуса Республиканской армии.

Эйтингону удалось также добиться освобождения группы советских военных советников, захваченных китайскими националистами в Маньчжурии. Столь же успешно провел он и другую операцию, сорвав попытку агентов Чан Кайши захватить советское консульство в Шанхае.

Работа молодого резидента Эйтингона в Китае была признана руководством разведки успешной и отмечена его первым боевым орденом — Красного Знамени.

Глава третья
ЗА КОРДОНОМ И В ЦЕНТРЕ

На разведработе в Турции

Возвратившийся в Москву после успешной командировки в Китай молодой разведчик, набравшийся серьезного оперативного опыта загранработы, не задержался в Центре и практически сразу был направлен в Стамбул, где сменил на посту резидента ОГПУ своего старого знакомого Якова Минскера.

В этом крупнейшем турецком городе Эйтингон находился под прикрытием должности атташе советского генерального консульства и с паспортом на имя Леонида Наумова.

Следует подчеркнуть, что во времена правления Кемаля Ататюрка советская разведка не работала против турецких организаций и учреждений. Более того, между спецслужбами обеих стран даже было налажено некоторое сотрудничество.

Так, еще в 1927 году советская внешняя разведка установила официальный контакт с контрразведкой Турции. Инициатива установления взаимодействия по линии спецслужб исходила от турецкой стороны. Советская разведка посчитала, что такое сотрудничество будет полезным, поскольку именно в Турцию из Крыма в 1920 году эмигрировали остатки армии Врангеля, а также многочисленные гражданские чиновники бывшей царской России. И хотя к тому времени большая часть белой эмиграции уже покинула Турцию и разбрелась по европейским столицам, в стране все еще оставалось немало белогвардейских и националистических (азербайджанских, татарских, крымско-татарских) организаций. Их лидеры не скрывали, что Советский Союз является для них главным врагом, и активно сотрудничали со спецслужбами Англии и Франции. Информация по данному вопросу была чрезвычайно важной для советской разведки.

Со своей стороны турецкие спецслужбы были заинтересованы в получении информации относительно деятельности английской и итальянской разведок в стране, а также антикемальских и дашнакских организаций за границей. В 1925 году итальянский диктатор Бенито Муссолини заявил о создании Итальянской империи и превращении Средиземного моря в «итальянское озеро», что не могло не встревожить Турцию. Именно по этим вопросам и осуществлялся обмен информацией. Кроме того, турецкие партнеры обратились к представителю ИНО ОГПУ с

просьбой оказать им помощь в организации шифровальной и дешифровальной служб. Советско-турецкое сотрудничество по линии спецслужб было весьма плодотворным для обеих сторон, а получаемая от турецких партнеров информация неоднократно высоко оценивалась советским правительством.

Однако к 1931 году контакты с Турцией по линии спецслужб постепенно прекратились в результате предательства руководителя нелегальной резидентуры ОГПУ в Стамбуле Георгия Агабекова, о чем речь пойдет ниже.

Возглавляемая Эйтингоном резидентура ОГПУ в Стамбуле занималась разработкой дипломатических представительств Японии, Франции и Австрии. Ей удалось получить доступ к секретам этих представительств, в частности читать переписку французского военного атташе. Резидентура получала также информацию о деятельности в стране различных групп антисоветской эмиграции — украинской, азербайджанской, северокавказской.

Связь с Центром поддерживалась через курьеров, которые прибывали в Турцию на пароходе «Ильич», совершавшем регулярные рейсы между Одессой и Стамбулом. Именно на этом пароходе в 1929 году был выслан из СССР Лев Троцкий, обосновавшийся первоначально на Принцевых островах в Мраморном море. В дальнейшем, в 1940 году, пути Наума Эйтингона и Льва Троцкого пересеклись.

Поскольку условия ведения разведывательной работы с позиций Стамбула были исключительно благоприятными, в середине 1928 года Центр принял решение организовать там нелегальную резидентуру по Ближнему Востоку во главе со знаменитым в те годы чекистом Яковом Блюмкиным.

Чекист Блюмкин

Яков Григорьевич Блюмкин родился 27 февраля 1898 года в Одессе в бедной еврейской семье. Отец умер, когда Якову было всего шесть лет. В 1908 году, как было принято в религиозных семьях, мать отдала Яшу в иудейскую религиозную школу — Первую одесскую талмуд-тору. Другой возможности дать сыну образование у нее не было. Проучившись в религиозной школе пять лет и не имея средств продолжить образование, Яков поступил учеником в электромеханическую контору Карла Франка.

В 1914 году Яков Блюмкин примкнул к партии социалистов-революционеров, участвовал в создании нелегального

студенческого кружка. После февральского переворота был эсеровским агитатором в Одессе, Харькове, Поволжье. В январе 1918 года вступил добровольцем в матросский «Железный отряд» и вскоре стал его командиром, участвовал в боях с войсками украинской Центральной рады. В марте 1918 года отряд Блюмкина влился в 3-ю Украинскую советскую армию, а сам он стал сначала ее комиссаром, а затем помощником начальника штаба.

В мае 1918 года Блюмкин откомандировывается в Москву в распоряжение партии левых эсеров, которая входила в состав первого советского правительства. Вскоре по соглашению с РКП(б) партия направляет Блюмкина в ВЧК, где ему поручено организовать отделение для борьбы с международным шпионажем. В связи с установлением дипломатических отношений с Германией и открытием 23 мая 1918 года в Москве германского посольства Блюмкину поручается разработка его персонала. По подозрению в подрывной работе против Советской России Блюмкин арестовывает графа Роберта Мирбаха, брата посла. Левые эсеры, недовольные Брестским миром и установлением дипломатических отношений с Германией, 4 июля 1918 года принимают решение убить германского посла Вильгельма Мирбаха, что должно было послужить сигналом к восстанию в Москве.

Убийство посла было возложено на Якова Блюмкина. Он, используя свое служебное положение в ВЧК, изготовил фальшивое удостоверение о том, что ему поручаются переговоры с германским послом по делу, имеющему к нему непосредственное отношение. Подпись Ф. Э. Дзержинского на удостоверении также была подделана, а настоящую печать ВЧК на документ поставил заместитель Дзержинского — левый эсер Ксенофонтов. 6 июля 1918 года Блюмкин и его сообщники явились в германское посольство и, предъявив удостоверение, потребовали аудиенции у посла под предлогом необходимости обсудить вопрос, связанный с арестом его брата. Мирбах согласился. В самом начале беседы Блюмкин и находившийся с ним фотограф ВЧК Андреев открыли стрельбу. Германский посол был убит, а его сотрудники ранены. Воспользовавшись возникшей суматохой, террористы выскочили через окно во двор посольства и скрылись на автомобиле.

В Москве началось восстание эсеров. Был арестован и Ф. Э. Дзержинский, который вступил в переговоры с мятежниками. Через два дня эсеровский мятеж был подавлен. Блюмкин и Андреев бежали на Украину. 27 ноября 1918 года Верховный революционный трибунал рассмотрел дело левых

эсеров. Блюмкин был заочно приговорен к тюремному заключению сроком на три года с применением принудительных работ. 16 мая 1919 года он явился в ВЧК с повинной и был амнистирован.

В 1920 году Блюмкин вступил в РКП(б) и был направлен на военную работу. Летом того же года он принимает участие в создании Гилянской советской республики (в Северном Иране) в качестве комиссара штаба Красной армии республики, вступает в Коммунистическую партию Ирана. Одновременно является заведующим отделом по работе в деревне ЦК КПИ, председателем агитационной комиссии, членом комиссии по созыву персидских представителей на съезд народов Востока (Баку, 1920 год).

В сентябре 1920 года Блюмкина направляют на учебу в Академию Генерального штаба РККА. С 1922 года он работает в секретариате Реввоенсовета Республики в качестве сотрудника для особых поручений при Льве Троцком.

С 1923 года он вновь работает в ГПУ, однако связей с Троцким не прерывает. Принимает активное участие в подготовке к изданию первого тома трехтомного труда Л. Д. Троцкого «Как вооружалась революция». В 1924–1925 годах занимает должность помощника (второго заместителя) полномочного представителя ОГПУ в Закавказье по командованию войсками Закавказской ЧК.

В 1926–1927 годах Блюмкин — главный инструктор внутренней охраны (службы безопасности) Монголии. Близость к Троцкому и быстрый карьерный рост вскружили ему голову, и он стал относиться к монгольским коллегам высокомерно и бестактно. В ноябре 1927 года по настоянию председателя ЦК Монгольской народно-революционной партии Дамбе-Дорчжи Блюмкин был отозван в Москву, где, несмотря на явную протекцию начальника ИНО ОГПУ Трилиссера, несколько месяцев оставался в резерве внешней разведки.

В 1928 году Трилиссер поручил Блюмкину ответственное задание — организовать нелегальную резидентуру на Ближнем Востоке. Он должен был обосноваться в Стамбуле, а затем создать нелегальную разведывательную сеть в Палестине и Сирии.

В сентябре 1928 года Блюмкин с паспортом на имя персидского купца Якуба Султанова выезжает из Одессы в Стамбул, где открывает магазин персидских ковров и успешно легализуется. Из Стамбула он совершает поездки в Иерусалим, Вену, Париж. В марте 1929 года, находясь в Берлине, Блюмкин узнает о высылке из СССР в Турцию его кумира Льва Троцкого. Он принимает решение немедленно возвратиться в Стамбул, где 12 апреля встречается с сыном Троцкого Львом Седовым. 16 апреля он встречается с самим «демоном революции» и в ходе

продолжительной беседы заявляет, что «полностью передает себя в его распоряжение».

Блюмкин подробно инструктирует Троцкого относительно того, как организовать его личную охрану. Через Льва Седого он регулярно передает Троцкому секретные материалы и финансовые средства стамбульской нелегальной резидентуры ИНО ОГПУ. Одновременно дает согласие нелегально переправить в СССР для активных участников оппозиции письмо Троцкого и несколько его книг. Вскоре «легальная» резидентура внешней разведки подробно информирует Москву о регулярных контактах Блюмкина с Троцким.

В начале октября 1929 года Блюмкин был отозван из страны. В Москве он попытался объединить известных ему сторонников Троцкого. В частности, информировал видного троцкиста Карла Радека о своих встречах с Троцким в Стамбуле. Радек, находившийся в опале, немедленно сообщил об этой беседе Сталину. Одновременно Блюмкин рассказал своей близкой знакомой, сотруднице ИНО ОГПУ Елизавете Горской (в дальнейшем — видная советская разведчица-нелегал Елизавета Юльевна Зарубина), о своих контактах с троцкистами. Лиза посоветовала Блюмкину немедленно доложить о своих встречах руководству внешней разведки, однако он отказался. В свою очередь, Горская поставила в известность о разговоре с Блюмкиным помощника начальника Иностранного отдела Михаила Горба, который дал ей указание прекратить все контакты с разведчиком.

15 октября Яков Блюмкин был арестован. Следствие по его делу вел заместитель начальника Секретно-политического отдела ОГПУ Яков Агранов, который впоследствии печально прославился участием в необоснованных репрессиях против чекистов. На допросах Блюмкин ничего не скрывал, надеясь на снисхождение. Однако чистосердечное признание ему не помогло. 3 ноября 1929 года Коллегия ОГПУ постановила расстрелять Блюмкина Якова Григорьевича «за повторную измену делу пролетарской революции и Советской власти и за измену революционной чекистской армии».

После отзыва в Центр и ареста нелегального резидента положение Наума Эйтингона как руководителя «легальной» резидентуры ОГПУ в Стамбуле серьезно осложнилось. Вместе с прибывшим вскоре из Москвы на замену Блюмкину бывшим начальником Восточного сектора ИНО Георгием Агабековым (настоящая фамилия — Арутюнов) ему пришлось срочно приступить к реорганизации нелегальной агентурной сети всего

Ближневосточного региона. В задачу Эйтингона также входило обеспечение надежной связи Агабекова с Центром через возможности своей резидентуры. Кроме того, в декабре 1929 года по поручению руководства ИНО он вынужден был принять на связь агентуру в Греции после ареста там нелегального резидента ОГПУ.

В середине 1930 года руководитель нелегальной резидентуры в Стамбуле Георгий Агабеков стал на путь измены. Он прибыл на пароходе во Францию и обратился к местным властям с просьбой предоставить ему политическое убежище. Предатель сделал ряд антисоветских заявлений, которые были опубликованы во французской и эмигрантской прессе, выдал французской и британской контрразведкам все известные ему сведения о деятельности советской внешней разведки, в том числе на Среднем и Ближнем Востоке. В результате бегства Агабекова только в Иране, где он раньше работал, было арестовано свыше четырехсот человек, четверо из которых были казнены. В июле 1931 года иранский меджлис принял специальное решение, в результате которого коммунистическая партия была объявлена вне закона, а национально-освободительное движение в стране разгромлено.

Вскоре в Берлине Агабеков выпустил книгу под названием «ГПУ. Записки чекиста», в которой назвал Эйтингона резидентом советской внешней разведки. Это обстоятельство вынудило Центр срочно отозвать разведчика в Москву, чтобы избежать различного рода провокаций.

За период служебной командировки в Стамбуле Эйтингон характеризовался как «один из лучших и ответственных оперативных сотрудников, добившийся высоких результатов».

В центральном аппарате разведки

В Москве Наум Эйтингон, сделавший «дипломатический псевдоним» Леонид Александрович Наумов своим временным официальным именем, был назначен заместителем Якова Серебрянского, возглавлявшего Особую группу при председателе ОГПУ.

Особая группа, не подчинявшаяся начальнику ИНО ОГПУ, была создана по инициативе председателя ОГПУ Рудольфа Менжинского в 1930 году с целью глубокого внедрения агентуры на объекты военно-стратегического значения за рубежом и подготовки диверсионных операций в тылу противника на военный период.

Во время работы в Особой группе Эйтингон неоднократно выезжал за рубеж, в том числе вместе с Серебрян-ским — в США, в Калифорнию, для вербовки китайских и японских эмигрантов, которые могли пригодиться советской разведке в случае начала военных действий против Японии.

При создании в США глубоко законспирированной нелегальной агентурной сети Наум Эйтингон действовал параллельно с сотрудником нелегальной резидентуры Исхаком Ахмеровым. В частности, он переправил в США нескольких своих агентов, а также внедрил в одно из американских учреждений двух своих агентов — польских евреев, выведенных из Польши в Соединенные Штаты на длительное оседание. В дальнейшем они были активно использованы советской разведкой в работе по американскому атомному проекту.

В ходе одной из поездок за рубеж Эйтингон привлек к сотрудничеству с советской разведкой японского художника Потоку Мияги, который впоследствии вошел в знаменитую группу «Рамзая» — Рихарда Зорге.

Однако, несмотря на существенные положительные результаты, Наум Эйтингон в то время не сработался с Яковом Серебрянским ив 1931 году поставил перед руководством ОГПУ вопрос о своем переводе обратно в ИНО. Он был назначен руководителем 8-го отделения ИНО ОГПУ (научно-техническая разведка), сменив на этом посту своего будущего резидента в Испании Александра Орлова.

Что же произошло с Наумом Исааковичем дальше?

На должности начальника научно-технической разведки он проработал всего несколько месяцев. Уже в конце 1931 года был командирован во Францию, а затем в Бельгию, откуда возвратился лишь в марте 1933 года.

В апреле 1933 года Эйтингон назначается на должность начальника 1-го отделения ИНО, иными словами, становится руководителем нелегальной разведки ОГПУ.

К этому времени во внешней разведке произошли серьезные изменения. 1 августа 1931 года начальник Иностранного отдела Станислав Мессинг за открытое выступление против действий первого заместителя председателя ОГПУ Генриха Ягоды, сфабриковавшего дело так называемой «Промпартии», а также явившегося инициатором операции «Весна», направленной против военных специалистов Красной армии, был снят с работы и в дальнейшем репрессирован. Руководителем ИНО был назначен выдающийся чекист Артур Христианович Артузов, возглавлявший до этого Контрразведывательный отдел ОГПУ и разработавший свыше пятидесяти оперативных игр с противником, в частности

знаменитые операции «Трест» и «Синдикат». Это был сильный и грамотный оперативник, блестящий организатор. Он принял решение укрепить кадры внешней разведки и расширить ее штаты. Предвидя неизбежность прихода Гитлера к власти в Германии и, следовательно, неизбежность новой мировой войны, Артур Артузов еще в ноябре 1932 года отдал распоряжение об усилении нелегальной работы и о подготовке «легальных» резидентур к переходу на нелегальные формы работы в «особый период». Именно по предложению Артура Артузова Наум Эйтингон, которому исполнилось всего 33 года, был назначен руководителем нелегальной разведки.

Как раз в это время состоялось первое знакомство Эйтингона с Судоплатовым, который в то время являлся инспектором отдела кадров, а позже стал его непосредственным начальником и товарищем. В своих мемуарах, опубликованных во второй половине 1990-х годов, Павел Анатольевич следующим образом охарактеризовал своего коллегу: «В ту пору мы не были особенно близки, поскольку он занимал более высокое положение, чем я. В его лице я видел опытного руководителя разведки, уважаемого за успехи в работе и профессиональное мастерство, поэтому ему была поручена работа с нелегалами — святая святых в нашем деле. В те годы этой работе придавалось важнейшее значение, поскольку резидентур под дипломатическим прикрытием было у нас относительно немного. Мы стремились к тому, чтобы наши агенты в случае провала не могли навести западные спецслужбы на советские полпредства за рубежом». А рассказывая о своем товарище как о человеке, Судоплатов писал: «Красивое лицо Эйтингона и его живые карие глаза так и светились умом. Взгляд пронзительный, волосы густые и черные, как смоль, шрам на подбородке, оставшийся после автомобильной аварии (большинство людей принимало его за след боевого ранения), — все это придавало ему вид бывалого человека. Он буквально очаровывал людей, наизусть цитируя стихи Пушкина, но главным его оружием были ирония и юмор. Пил он мало — рюмки коньяку хватало ему на целый вечер. Я сразу же обратил внимание на то, что этот человек нисколько не похож на высокопоставленного спесивого бюрократа. Полное отсутствие интереса к деньгам и комфорту в быту у Эйтингона было просто поразительным… Эйтингон был по-настоящему одаренной личностью и, не стань он разведчиком, наверняка преуспел бы на государственной службе или сделал бы научную карьеру».

Однако и нелегальную разведку органов госбезопасности Эйтингон возглавлял недолго. Уже в конце 1933 года он выезжает в командировки в США, Китай, Францию, Иран, Польшу и

Германию, где работает с нелегальных позиций. Основные задачи, которые были поставлены Артузовым перед Эйтингоном в этих странах, заключались в организации работы по совершенствованию деятельности нелегальных резидентур и созданию условий для перевода «легальных» резидентур на нелегальные методы работы в «особый период».

Подробности его работы в этих странах до сих пор находятся под грифом «секретно». И не случайно его непосредственный начальник Артур Артузов, выступая перед сотрудниками внешней разведки и касаясь профессии разведчика, подчеркивал:

«Наша профессия в тени. И не потому, что она не почетна. Просто наш труд не афишируется. Часто наши победы и наши слезы миру не видны. Но я не придаю нашей профессии какой-то исключительности. Считаю, что она в ряду других интересных и трудных профессий.

Наш фронт незрим. Прикрыт секретностью, некой дымкой таинственности. Но и на этом скрытом от сотен глаз фронте бывают свои «звездные минуты». А чаще всего геройство чекиста заключается не в единственном подвиге, хотя история сохранила немало имен оперативных сотрудников, которые в решительный момент проявили наивысшую революционную активность, в критически острых, переломных обстоятельствах делали то, что нужно делать, — а в будничной напряженности, кропотливой работе, в той возвышенно-значительной борьбе, не знающей ни передышек, ни послаблений, в которой он отдает все, что имеет… Это можно назвать «тихим» героизмом. Его повседневно совершают обыкновенные сотрудники…»

Именно таким человеком был Эйтингон, получивший уже большой опыт чекистской и разведывательной работы и отдававший всего себя делу, которому он служил.

Руководству внешней разведки Эйтингон был хорошо известен своими успехами в целом ряде операций. Он был осторожным, внимательным к мельчайшим деталям человеком, и именно поэтому ему была поручена ответственная работа с нелегалами. По мнению коллег, «Эйтингон очень хорошо чувствовал, насколько человек в соответствии с его характером и наклонностями сможет вписаться в ту или иную среду, найти общий язык с местными жителями, особенно в буржуазном обществе. Здесь он редко ошибался и к тому же мог дать новому сотруднику много дельных советов, которые нередко спасали тому жизнь».

К заслугам Эйтингона можно отнести и создание в центральном аппарате внешней разведки специального подразделения, занимавшегося изготовлением поддельных

документов для нелегальных операций и готовившего документацию для разведчиков-нелегалов, направляемых за рубеж. В период Великой Отечественной войны это подразделение буквально творило чудеса, снабжая «липовыми» немецкими документами бойцов разведывательно-диверсионных отрядов и групп, действовавших на оккупированной фашистскими войсками советской территории.

Так, сотрудникам этого подразделения пришлось принимать непосредственное участие в разработке легенды прикрытия и изготовлении документов для легендарного разведчика-нелегала Николая Кузнецова, действовавшего на оккупированной территории Украины под именем обер-лейтенанта Пауля Зиберта. Кстати, когда понадобилось повысить этого «офицера вермахта» в звании до Гауптмана, именно в Центре была сделана соответствующая запись и поставлены необходимые печати в присланном в Москву из отряда специального назначения «Победители» военном билете разведчика-нелегала. Позже стало известно, что изготовленные в Центре немецкие документы для Николая Кузнецова (паспорт, военный билет, удостоверение к Железному кресту) более ста раз подвергались у гитлеровцев тщательной проверке, в том числе офицерами личной охраны гауляйтера Украины Коха, и не вызвали никаких подозрений.

Снабженный надежными документами, Николай Кузнецов с уверенностью действовал в тылу врага, с успехом решая поставленные перед ним оперативные задачи.

И в дальнейшем многие нелегалы Лубянки, оказавшись в сложной ситуации за границей, мысленно благодарили сотрудников этого подразделения за их талант и мастерство.

С поставленными задачами в командировках Наум Эйтингон справился успешно, о чем свидетельствует присвоение ему в начале 1936 года звания майора госбезопасности, что соответствовало армейскому званию полковника.

Глава четвертая
В РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ИСПАНИИ

Если позволить фашистам продолжать преступления, которые они совершают в Испании, агрессивный фашизм обрушится и на другие народы Европы. Испанский народ предпочитает умереть стоя, нежели жить на коленях.

Долорес Ибаррури

В окопах гражданской войны

В апреле 1931 года в результате буржуазно-демократической революции в Испании была свергнута монархия. А в ходе состоявшихся в Испании 16 февраля 1936 года парламентских выборов к власти в стране демократическим путем пришла коалиция Народного фронта, представители которого сформировали республиканское правительство левого толка и начали осуществлять обещанные в ходе предвыборной кампании реформы. Кроме коммунистов в правительство вошли анархистская Народная конфедерация труда, социалисты и Рабочая партия марксистского единства (ПОУМ).

Испанские правые, проигравшие выборы, решили добиваться власти насильственным путем, опираясь на поддержку со стороны германских и итальянских фашистов.

В ночь на 18 июля 1936 года радио города Сеуты в Испанском Марокко передало условную фразу: «Над всей Испанией безоблачное небо». Это был сигнал к началу мятежа командного состава испанских колониальных войск в Северной Африке, который возглавил генерал Франсиско Франко. Вскоре мятежникам удалось высадиться на территории Испании, и в стране разразилась кровопролитная гражданская война.

Здесь следует отметить, что договоренность о взаимном признании и установлении дипломатических отношений между республиканским руководством Испании и СССР была достигнута еще в 1933 году. Но фактически советское полпредство в Мадриде начало функционировать лишь в августе 1936 года, когда Испания была уже охвачена гражданской войной и превратилась в

арену борьбы между силами фашизма и демократии. А буквально накануне этого события, 20 июля, руководство НКВД приняло решение поставить перед руководством страны вопрос о направлении в Испанию в качестве резидента советских спецслужб опытного чекиста-разведчика Александра Орлова.

С первых дней гражданской войны в Испании мятежников активно поддержали нацистская Германия и фашистская Италия, которые оказывали Франко существенную материальную и военную помощь, а также направляли в страну своих военнослужащих. Публицисты Анатолий Буровцев и Константин Ришес по этому поводу писали в одной из своих работ, опубликованной в журнале «Загадки истории»: «Еще не высохли чернила на резолюции Лиги Наций о невмешательстве, а Германия уже направила мятежникам 20 «юнкерсов» и пароход с оружием. Италия тоже не поскупилась на 12 бомбардировщиков, а позже направила на помощь Франко 72-тысячный экспедиционный корпус. Тайная помощь мятежникам шла из многих стран, даже от Ватикана».

Согласно официальным данным, за два с половиной года войны в Испанию было направлено около пятидесяти тысяч немецких военных. Финансовая помощь Германии мятежникам составила, по немецким источникам, 500 миллионов марок (200 миллионов долларов). Италия направила Франко 1930 орудий, 7,5 миллиона артиллерийских снарядов, 240 тысяч винтовок, 325 миллионов патронов, 7633 автомашины, 930 танков и бронетранспортеров. В Испании воевали 150 тысяч итальянских военных.

Именно поэтому советское правительство, первоначально соблюдавшее решение Лиги Наций и придерживавшееся принципа невмешательства во внутренние дела Испании, после открытого выступления Германии и Италии на стороне франкистов приняло решение не только оказать республиканскому правительству военную и военно-техническую помощь, но и направить туда советских военных специалистов для работы «в качестве советников в высших штабах республиканской армии и в других учреждениях».

Причем под последними подразумевались прежде всего органы безопасности. Одновременно было принято решение об отправке в Испанию добровольцев-коммунистов. При этом было официально заявлено, что СССР не может считать себя связанным соглашением о невмешательстве, когда другие страны его не соблюдают.

В письме Сталина, Молотова и Ворошилова на имя главы испанского правительства Ларго Кабальеро, в частности,

подчеркивалось:

«Мы считали и считаем своим долгом в пределах имеющихся у нас возможностей прийти на помощь испанскому правительству, возглавляющему борьбу всех трудящихся, всей испанской демократии против военно-фашистской клики, являющейся агентурой международных фашистских сил».

В начале сентября 1936 года с санкции политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР и во исполнение официальной просьбы испанской стороны НКВД СССР учредил свое представительство при МВД Испании, которое в служебной переписке стало именоваться резидентурой. В это же время на заседании политбюро ЦК ВКП(б) была утверждена кандидатура Александра Михайловича Орлова в качестве резидента НКВД в Испании и главного советника по внутренней безопасности и контрразведке при республиканском правительстве и Генеральном управлении безопасности республики.

Одной из важнейших задач резидентуры НКВД в Испании, действовавшей под прикрытием советского полпредства, являлось «обеспечение руководства СССР разведывательной и контрразведывательной информацией по всему спектру испанских проблем». Одновременно перед резидентурой была поставлена задача по оказанию законному правительству страны практической советнической помощи в создании собственных органов государственной безопасности.

Со всего мира в Испанию на помощь республиканцам спешили добровольцы. Упомянутые выше публицисты А. Буровцев и К. Ришес, рассматривая эту тему, обращают внимание на следующие интересные моменты: «Знаменем борьбы с путчистами стала глава испанских коммунистов Долорес Ибаррури — Pasionaria («страстная»), как называли ее республиканцы. На призыв откликнулись антифашисты из 54 стран, из которых было сформировано несколько интернациональных бригад. Общее руководство ими Коминтерн возложил на известного французского революционера Андре Марти.

Командный состав в основном прибыл из Москвы. 11-ю бригаду имени Тельмана возглавил Манфред Штерн, бывший солдат Австро-Венгрии, оказавшийся в российском плену во время Первой мировой. В СССР он окончил Академию имени Фрунзе.

Бригадой имени Гарибальди командовал «генерал Лукач», он же венгерский писатель Мате Залка, прошедший тот же путь, что и Манфред Штерн.

Командиром бригады имени Марсельезы был «генерал Вальтер» — поляк Кароль Сверчевский, воевавший в Гражданскую

войну в России на стороне красных, выпускник Академии имени Фрунзе.

С января 1937 года главным военным советником при республиканском правительстве был командарм Григорий Штерн («генерал Григорович»).

К концу 1937 года в интербригадах насчитывалось чуть больше 20 тысяч добровольцев, в том числе не менее 5 тысяч человек — из СССР».

Следует подчеркнуть, что среди последних были и советские чекисты, в том числе будущие Герои Советского Союза Станислав Ваупшасов, Кирилл Орловский, Николай Прокопюк, Александр Рабцевич. Они, в частности, принимали самое активное участие в развертывание партизанского движения и организации диверсий в тылу франкистов.

16 сентября 1936 года резидент НКВД в Испании Александр Орлов прибыл в Мадрид. Его заместителем был назначен Наум Эйтингон, использовавший в оперативной переписке псевдонимы «Котов» и «Пьер». Среди республиканцев он был известен как «генерал Котов». Необходимо подчеркнуть, что Эйтингону с самого начала пришлось принимать активное участие практически во всей оперативной деятельности резидентуры.

Помимо Наума Эйтингона в резидентуре НКВД в Испании работали такие видные разведчики, как бывший резидент в Берлине Наум Белкин, активный участник многих боевых операций, старший военный советник 14-го корпуса республиканской армии Григорий Сыроежкин, старший советник Особого отдела Мадридского фронта Лев Василевский и многие другие. В Испанию также неоднократно выезжал первый заместитель начальника внешней разведки Сергей Шпигельглаз.

Особенно близко Эйтингон сошелся на дорогах гражданской войны в Испании со Львом Петровичем Василевским. В дальнейшем на протяжении всей их работы в разведке и в органах госбезопасности, а также в повседневной жизни они находились в постоянном контакте. После Испании Василевский, будучи резидентом НКВД во Франции, обеспечивал вывод Эйтингона в США. Впоследствии они активно сотрудничали при решении важных проблем с позиций центрального аппарата. Когда же Эйтингон оказался в тюрьме, Лев Петрович, верный дружбе, неоднократно обращался к властям с требованием пересмотреть дело выдающегося разведчика и реабилитировать его.

Представители НКВД при испанском правительстве принимали участие в реорганизации испанской контрразведки (СИМ), которая формально подчинялась военному министерству, но на самом деле контролировалась ими. К концу 1937 года

советские советники помогли испанскому республиканскому правительству создать Службу периферийной разведки (СИЕП), армейскую контрразведку (СЕ), закордонную разведку (СИЕЕ).

Здесь необходимо отметить, что на конец 1936 года испанские республиканцы не имели каких-либо государственных органов, которые даже с очень большой натяжкой можно было бы назвать внешней разведкой. Идея создания такого органа родилась в МИД Испании и была поддержана советским резидентом и его заместителем. При их содействии уже в начале 1936 года заработала специальная информационная служба внешнеполитического ведомства с филиалами в ряде европейских столиц. Из испанских зарубежных представительств стала поступать разнообразная политическая, экономическая и военная информация. Особенно результативно шла работа во Франции и Чехословакии. Вплоть до конца гражданской войны испанские коллеги делились с советскими наставниками добытыми разведывательными сведениями. По заключению московского Центра, «наибольшую важность представляли данные о наращивании военного потенциала Германией и Италией и об их военно-политических планах в Европе и в мире».

С другой стороны, актуальная информация о секретных планах Германии, Италии и других государств в отношении Испании, добывавшаяся советской разведкой, в обезличенном виде использовалась для ориентирования испанского руководства.

Испанские контрразведывательные службы под руководством Орлова и Эйтингона вели тайную войну против германских, итальянских, французских и британских спецслужб. В декабре 1936 года по наводке советской резидентуры испанской контрразведкой были арестованы агенты резидентуры военной разведки Франции — Второго бюро генштаба. В июне 1937 года испанская контрразведка обезвредила агентов британской Сикрет интеллидженс сервис индийцев Эриу Эдуарда Дута и Кинга, которые собирали информацию о республиканской армии.

В соответствии с личным указанием И. В. Сталина от 19 января 1937 года сотрудники резидентуры НКВД совместно с испанскими коллегами организовали переброску в Испанию нескольких сотен русских добровольцев-интернационалистов из Франции, Чехословакии, Болгарии и Югославии. Среди них преобладали русские эмигранты, в том числе и бывшие белогвардейцы, покинувшие Россию после 1917 года.

Так, среди русских добровольцев, прибывших в Испанию из Франции, оказался Лев Борисович Савинков — родной сын Бориса Савинкова, против которого в свое время активно работал

чекист Эйтингон.

Лев Савинков вырос в эмиграции, работал шофером в Париже. С началом гражданской войны в Испании отправился добровольцем на фронт против франкистов. Отважно сражался в Интернациональной бригаде, стал капитаном республиканской армии. Осенью 1938 года, накануне поражения республиканцев, резидентура НКВД переправила его вместе с другими бойцами-интернационалистами во Францию.

Во время оккупации Франции Лев Савинков участвовал во французском движении Сопротивления и героически сражался с врагом с оружием в руках. В августе 1944 года он в составе группы из отряда «Союза русских патриотов» водрузил красный флаг над зданием советского посольства в Париже.

К сожалению, следует констатировать, что представители русской белой эмиграции сражались в Испании по обе стороны фронта. Так, в рядах путчистов воевали 72 белоэмигранта, включая двух генералов.

Советские разведчики в Испании под руководством Эйтингона успешно взаимодействовали с работавшей по испанской линии во Франции специальной нелегальной резидентурой, которой руководил видный советский разведчик старший майор госбезопасности Яков Серебрянский.

После начала гражданской войны в Испании группа Серебрянского участвовала в нелегальных поставках оружия республиканскому правительству. Так, в ноябре 1936 года сотрудникам спецгруппы при помощи агента «Бернадет» удалось закупить у французской фирмы «Девуатин» 20 военных самолетов, включая несколько машин новейшей конструкции, якобы для некоей нейтральной страны. Специально подобранные и подготовленные пилоты несколькими рейсами доставили самолеты на приграничный с Испанией аэродром, откуда их под предлогом летных испытаний благополучно перегнали в Барселону. Вся сложная и рискованная операция от начала до конца была сохранена в тайне от французских властей, а также от германской и итальянской разведок, тесно сотрудничавших с франкистами.

Историк отечественной разведки Эдуард Шарапов в этой связи писал: «Когда об этом стало известно, разразился неслыханный международный скандал. Президента Франции Блюма и военного министра Пернэ обвинили в покровительстве республиканской Испании. А несколько позже, 31 декабря 1936 года, в советской прессе было опубликовано постановление ЦИК Союза ССР «О награждении за особые заслуги в деле борьбы с контрреволюцией тов. Серебрянского орденом Ленина».

Советские чекисты организовали надежную охрану лидеров компартии Испании во главе с Долорес Ибаррури, на которых франкисты готовили покушение, наладили работу испанской разведки за границей, в том числе по получению сведений о вербовке и отправке в страну штурмовых отрядов СА. С территории Испании они вели также разведку Испанского Марокко, Гибралтара и Франции.

Оперативными группами НКВД под руководством Эйтингона и во взаимодействии с испанскими коллегами была проведена серия диверсионных операций, которые полностью сорвали поставки горючего для танков и грузовиков итальянского корпуса под Гвадалахарой. В результате этих действий корпус был полностью разгромлен.

В советской мемуарной литературе «испанского периода» довольно широкое освещение получила практика применения в ходе испанской гражданской войны партизанских действий. В «Очерках истории российской внешней разведки» подчеркивается:

«Сама идея разведывательно-диверсионной деятельности во франкистском тылу пришла из Советского Союза и претворялась в жизнь испанскими патриотами при активной помощи и непосредственном участии сотрудников НКВД СССР.

Уже в конце 1936 года при республиканских органах безопасности была организована школа по подготовке командного состава разведывательно-диверсионных групп и отрядов для действий в тылу противника. Позднее были созданы еще три таких закрытых учебных заведения. Отбор испанцев и добровольцев других национальностей для обучения проводился довольно тщательно. Наибольший вклад в организацию работы по линии «Д»[5] внесли сотрудник резидентуры Лев Василевский и сотрудник военной разведки Илья Старинов…

Разведывательно-диверсионные подразделения вскоре действовали на всех фронтах. Они добывали ценную военную и военно-политическую информацию, захватывали «языков», выводили из строя важные объекты, подрывали железнодорожные и шоссейные мосты, нарушали линии связи, уничтожали боевую технику и живую силу противника».

В ходе планирования и организации операций по линии «Д» Эйтингон накапливал и обогащал свой боевой опыт, который ему очень пригодился в дальнейшем.

Из отчета мадридской резидентуры в Центр о работе по линии «Д» от 9 декабря 1937 года:

«Проводимая в тылу «Д» работа привела к серьезному расстройству отдельных участков тыла франкистов и значительным материальным убыткам и людским потерям.

Беспрерывные и последовательные действия наших «Д» групп, применение ими самых разнообразных, быстро меняющихся и постоянно совершенствующихся методов, охват нами почти всех решающих участков фронта, продвижение «Д» действий в глубокий тыл вызвали большую панику в фашистских рядах. Об этом говорят все донесения разведки и нашей агентуры, это подтверждается также и рядом известных нам официальных материалов (газетные статьи, приказы фашистов, радиопередачи).

Это состояние фашистского тыла, пребывание франкистов в постоянном напряжении, беспрерывно преследующий их страх перед «проделками красных динамитчиков», подчас преувеличенный и раздуваемый всевозможными слухами, мы считаем основным достижением в «Д» работе.

Нам точно известно, что для борьбы с диверсиями фашисты вынуждены держать в тылу значительные воинские силы и вооруженные группы фалангистов. Все, даже незначительные, объекты усиленно охраняются. В августе 1937 года командующий Южным фронтом фашистов генерал Кьяппо де Льяно издал приказ, объявляющий на военном положении провинции Севилья, Уэльва и Бадахос. Мероприятия фашистского командования, связанные с реализацией этого приказа, предусматривают отвлечение с фронта значительных воинских сил».

Отвечавший в этот период в резидентуре НКВД за работу по линии «Д» Эйтингон характеризовался как «широко эрудированный, смелый и решительный человек с высокоразвитым чувством ответственности».

Помимо НКВД работу по линии «Д» проводили также представители Разведывательного управления Генерального штаба.

Осенью 1937 года испанское руководство по согласованию с советской стороной приняло решение об объединении всего «партизанского хозяйства» в рамках 14-го специального корпуса, находившегося в подчинении Генштаба республиканских вооруженных сил.

Борьба с троцкистами

В то же самое время — феврале — марте 1937 года — в Москве состоялось заседание пленума ЦК ВКП(б), обсудившего и осудившего деятельность Льва Троцкого и его последователей за границей. В его решении, в частности, подчеркивалось: «Обязать Наркомвнудел довести дело разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов до конца, с тем чтобы подавить

малейшее проявление их антисоветской деятельности. Укрепить кадры Главного управления государственной безопасности, Секретно-политического отдела надежными людьми. Добиться организации надежной агентуры в стране и за рубежом. Укрепить кадры разведки».

В НКВД приняли к исполнению указание партии.

На международном уровне первый удар был нанесен по испанским троцкистам — активистам Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ).

Сегодня хорошо известно, что если в период гражданской войны в Испании в стане правых было полное единство, то лагерь республиканцев раздирали межпартийные противоречия. И закоперщиками в этом выступали троцкисты — активисты ПОУМ и их лидер Андреас Нин. В начале 1920-х годов он находился в России и являлся ближайшим соратником Троцкого. Будучи председателем Красного Профинтерна и членом Исполкома Коминтерна, Нин неоднократно выезжал на нелегальную работу в Германию и Италию, а после высылки Троцкого возвратился в Испанию. Там он занял пост министра юстиции в автономном правительстве Каталонии.

В 1930 году Нин возглавил местных троцкистов, а в 1935-м основал Рабочую партию марксистского единства, которая вошла в Народный фронт. Когда началась гражданская война с франкистами, Нин не раз приглашал Троцкого приехать в Испанию, чтобы «возглавить революцию».

С самого начала гражданской войны Нин и другие лидеры ПОУМ отвергли линию Коминтерна на укрепление Народного фронта и взяли курс на осуществление социалистической революции, формирование рабоче-крестьянского правительства, установление диктатуры пролетариата и создание Советов. Когда правительство Народного фронта отвергло эту авантюристическую позицию, ПОУМ развернула с ним открытую борьбу. Разумеется, такая политическая линия могла привести лишь к поражению республиканцев.

3 мая 1937 года в Каталонии произошло вооруженное выступление сторонников ПОУМ и анархистов. Троцкистские газеты в Барселоне от 5 мая призывали население к вооруженному восстанию против республиканского правительства Народного фронта. Ожесточенные бои в стане республиканцев продолжались три дня. Троцкисты призывали каталонских рабочих покончить с марксистами и мирно соединиться с войсками Франко.

Вооруженный мятеж троцкистов был подавлен лишь тогда, когда в Барселону были введены части республиканской

штурмовой гвардии из Валенсии и других регионов страны. В результате провокационной вылазки троцкистов было сорвано тщательно подготовленное наступление республиканских войск на Северном фронте. Лидер Компартии Испании Долорес Ибаррури охарактеризовала события в Барселоне как «анархо-троцкистский путч».

Историки отечественных спецслужб Александр Колпакиди и Дмитрий. Прохоров по этому поводу, в частности, пишут: «Прямым результатом вооруженного мятежа была гибель только в одной Барселоне 350 человек при 2600 раненых. Одновременно волнения произошли и на фронте в поумовских и анархистских частях. Но гораздо более тяжелыми были военно-политические последствия этой акции: срыв уже подготовленного наступления на Северном фронте и потеря республиканцами Басконии, подрыв международного авторитета республики, кризис Народного фронта».

А историк Н. А. Васецкий в своей работе «Троцкий. Опыт политической биографии» в связи с мятежом в Барселоне отмечает: «Более бессмысленной акции, чем это восстание, трудно представить. В разгар гражданской войны, многочисленных жертв на фронтах, лишений в тылу анархо-троцкисты подняли путч. Правительство вынуждено было снять дивизию с фронта на подавление восстания. Бои шли в течение трех (!) суток с применением танков, артиллерии, минометов. С двух сторон погибло больше тысячи человек. Стоит ли удивляться, что после барселонского мятежа к троцкистам и анархистам стали относиться так же, как к фашистам».

О том, что ПОУМ готовит мятеж против законного правительства Испании, советская разведка узнала еще в декабре 1936 года от своих источников, внедренных в эту партию. А в начале 1937 года подтверждение этой информации пришло от источника берлинской резидентуры НКВД «Старшины» (Харро Шульце-Бойзена), который сообщил, что агенты гестапо проникли в троцкистские круги в Барселоне с целью организовать в ближайшее время путч. В 1942 году, когда «Старшина» и другие члены подпольной антифашистской организации, получившей позже название «Красная капелла»[6], были арестованы, передача этой информации советской разведке фигурировала на суде в качестве доказательства его «подрывной работы» против Третьего рейха.

По другим достоверным данным советской разведки, полученным берлинской резидентурой от надежного агента «Брайтенбаха», занимавшего высокий пост в гестапо, эта спецслужба фашистской Германии, имевшая свою агентуру в

руководстве ПОУМ, была непосредственно причастна к проведению операции по организации мятежа в Барселоне.

В первой половине июня 1937 года республиканские органы безопасности нанесли сокрушительный удар по Рабочей партии марксистского единства. Около сорока руководителей ПОУМ были арестованы, вооруженные отряды партии распущены, а штаб-квартира в барселонском отеле «Фалькон» перешла в распоряжение республиканской армии.

Касаясь этих событий, историки отечественных спецслужб Олег Капчинский и Владимир Малеванный подчеркивали в одной из своих публикаций: «В ходе испанской войны для многих стало аксиомой, что троцкисты оказались в одной упряжке с фашистами, «засветив» свои прямые контакты с гитлеровским абвером».

После провала путча Андреас Нин был арестован и помещен в тюрьму. В аресте Нина и последующих событиях, связанных с ним, принимали участие сотрудники резидентуры НКВД. Эта операция, разработанная и осуществленная под руководством резидента Александра Орлова, проходила в переписке НКВД под кодовым названием «Николай». Она преследовала цель дискредитировать связи ПОУМ с франкистами и нацистами и нейтрализовать Андреаса Нина. ПОУМ была объявлена вне закона, а Нин был вывезен из тюрьмы 20 июня 1937 года и расстрелян на обочине шоссе.

Троцкий откликнулся на ликвидацию своего сторонника статьей «Убийство А. Нина агентами ГПУ», которая была опубликована в «Бюллетене оппозиции». В статье он подчеркивал, что «Нин являлся старым и неподкупным революционером. Он защищал интересы испанского и каталонского народов против агентов советской бюрократии».

После падения республиканской власти франкистский режим провел тщательное расследование по «делу Нина». В числе свидетелей был, в частности, допрошен бывший сотрудник республиканской полиции Хавьер Хименес Мартин. Он показал, что в аресте Нина принимала участие группа боевиков из Генерального управления безопасности республики (Сегуридад), которая получила соответствующие инструкции вначале в Генеральном комиссариате в Мадриде, а затем — в отеле «Гэйлорд», где базировался «аппарат Орлова».

Здесь следует также отметить, что руководство НКВД, видимо, не ограничилось разгромом ПОУМ. Так, в тот период в Испании бесследно исчезли представитель Троцкого в этой стране в годы гражданской войны и его бывший личный секретарь в Норвегии в 1935–1936 годах, уроженец Чехословакии

из судетских немцев Эрвин Вольф; австрийский революционер-социалист Курт Ландау; сын русского эмигранта-меньшевика, бывшего члена Бунда и делегата 5-го съезда РСДРП Рафаила Абрамовича Марк Рейн и ряд других активных троцкистов.

Невозвращенец Орлов

В июле 1938 года резидент НКВД в Испании Александр Орлов стал невозвращенцем, опасаясь за свою безопасность. Обстоятельства его побега на Запад таковы.

Уже в 1937 году над Орловым стали сгущаться тучи. Был отозван в Москву и расстрелян сотрудник резидентуры, организатор диверсионной работы в тылу франкистов Григорий Сыроежкин. Кроме того, Орлов узнал, что в Москве репрессирован его двоюродный брат, а на Украине арестован его тесть, замнаркома внутренних дел республики Исаак Кацнельсон. Поэтому, когда в августе 1937 года в Мадрид пришла телеграмма начальника ИНО НКВД Слуцкого, в которой сообщалось, что секретные службы Франко готовятся похитить его, Орлов высказал сомнения по данному поводу. На предложение Слуцкого направить в Мадрид специальную охрану из двенадцати человек, которая бы отвечала за его безопасность и сопровождала во время поездок по стране, Орлов ответил категорическим отказом. В то же время он поручил своему заместителю Эйтингону организовать свою личную охрану из бойцов интернациональных бригад. Она состояла из десяти человек, которые повсюду его сопровождали. Любого, кто приказал бы ликвидировать Орлова, эти люди приняли бы за предателя, потому что, по его словам, они «не верили никому, кроме Сталина».

Вторым сигналом для Орлова послужило прибытие в Мадрид в октябре 1937 года заместителя начальника ИНО НКВД Сергея Шпигельглаза, организовавшего 4 сентября того же года в Швейцарии ликвидацию бывшего нелегального резидента НКВД Игнатия Порецкого-Рейса, изменившего Службе и перешедшего на сторону Троцкого. Не имея никаких поручений от начальника разведки, Шпигельглаз без ведома Орлова встретился с руководителем мобильной группы Отдела спецопераций в Испании Бородиным и беседовал с ним наедине. Данное обстоятельство настолько встревожило Орлова, что он вывез жену и дочь во французский город Перпиньян, где снял для них виллу.

9 июля 1938 года Орлов получил приказ от Ежова выехать в бельгийский порт Антверпен для встречи с представителем Центра Шпигельглазом на борту советского парохода «Свирь».

Разведчик понял, что охота на него началась. Опасаясь ареста и депортации в СССР, 12 июля он уехал из Барселоны в Перпиньян, прихватив с собой солидную кассу резидентуры в Барселоне. Вместе с Орловым из кассы резидентуры исчезли 68 тысяч долларов.

Вскоре Орлов обратился в канадское посольство во Франции, где, предъявив дипломатические паспорта, запросил канадскую визу. Получив ее, он с женой и дочерью на канадском пароходе «Монклер» отбыл из Шербура за океан.

Прибыв в Канаду, Орлов сразу же вызвал туда из США своего родственника и поручил ему доставить в Париж адресованное Ежову письмо, в котором объяснял, почему после девятнадцати лет работы в органах государственной безопасности вынужден стать невозвращенцем.

Анализируя, в частности, телеграмму наркома, предлагавшего ему отправиться в Антверпен для встречи с Шпигельглазом, Орлов отмечал, что это была «коварная ловушка для ни в чем не повинного человека». Напомнив, что не раз жертвовал жизнью при выполнении заданий Центра в Испании, разведчик подчеркнул, что его уже заранее занесли в списки «врагов народа» и приговорили к расстрелу. Указав, что не намерен разделить участь уже уничтоженных Ежовым резидентов НКВД, которые, по его мнению, не были предателями, Орлов спрашивал у адресата:

«Если «Петр», например, был шпион, то как же продолжают работать с таким человеком, как «Тюльпан», которого он создал?.. Или, если «Манн» был шпион, то как он не предал «Вайзе», «Зенхен» и других, с которыми продолжают работать до сих пор? На бегство я решился лишь потому, что моя тяжелобольная дочь останется без помощи и защиты».

Отметим, что «Петр» — это оперативный псевдоним резидента парижской резидентуры НКВД Станислава Глинского, который в августе 1937 года был отозван в Москву, а затем — расстрелян. Он лично завербовал Марка Зборовского (одним из оперативных псевдонимов которого был «Тюльпан»), внедренного в Париже в ближайшее окружение Льва Седова. «Манн» — это советский разведчик-нелегал Теодор Малли, который сменил в Лондоне Орлова в должности резидента и руководил работой с членами «Кембриджской пятерки» Дональдом Маклином («Вайзе») и Кимом Филби («Зенхен»),

Далее Орлов отмечал, что не является изменником партии и своей страны и предупреждал наркома: «Если вы оставите меня в покое, я никогда не стану на путь, вредный партии и Советскому Союзу. Я даю торжественную клятву: до конца моих дней не

проронить ни единого слова, могущего повредить партии, воспитавшей меня, и стране, взрастившей меня».

В заключение письма Орлов сделал приписку: «Прошу вас отдать распоряжение не трогать моей старухи-матери. Ей 70 лет. Она ни в чем не повинна. Я последний из ее 4-х детей, которых она потеряла. Это больное, несчастное существо». Письмо он подписал оперативным псевдонимом «Швед».

К письму Орлов приложил дополнение на двух страницах. В нем содержалось подробное описание его работы в Испании, участия в оперативных мероприятиях против Троцкого и его сторонников, включая Льва Седова, и другие «детали». Кроме того, Орлову была известна практически вся наиболее ценная агентура НКВД в Европе — начиная с «Кембриджской пятерки» и кончая «Красной капеллой» — всего примерно 60 человек. Разведчик предупредил Ежова, что передал фотопленку данного письма своему адвокату, который в случае его гибели опубликует документы.

Угроза была серьезной, и уже в середине августа, когда письмо попало в руки наркома, все оперативные мероприятия по его задержанию и ликвидации были отменены. Сам же Орлов 13 августа 1938 года вместе с семьей переехал по дипломатическому паспорту в США. Прожив в Нью-Йорке некоторое время, он через своих родственников получил вид на жительство на имя Игоря Константиновича Берга и вскоре вместе с семьей переехал в Калифорнию, где вел довольно скромный образ жизни.

Хотя Орлов не выдал ни одного известного ему ценного источника советской внешней разведки, объективно его бегство нанесло серьезный ущерб Службе.

В «Очерках истории российской внешней разведки» по данному поводу указывается: «Побег явно нанес ущерб разведке. Некоторые агенты, известные Орлову, были отозваны, законсервированы или просто оставлены без связи. Резидентура в Испании оказалась деморализованной, и только высокие волевые качества вновь назначенного руководителя Эйтингона и мужество оперативного состава позволили достойно завершить запланированную работу. Тяжелейший удар морально-психологического плана перенес практически весь состав разведслужбы, особенно руководящий. Длительное время сохранялись опасения, что ценнейшая агентура и многие секретные мероприятия окажутся расшифрованными».

В Москве были буквально обескуражены бегством резидента в Испании. Однако сменивший его Эйтингон, взвесив все обстоятельства, предложил Центру продолжить работу с членами «Кембриджской пятерки». По его мнению, Орлов, находясь в США,

не мог выдать их, не подвергая себя серьезному риску, поскольку в 1934–1935 годах находился в Англии по фальшивому американскому паспорту.

В 1953 году, после смерти Сталина, Орлов опубликовал книгу под названием «История сталинских преступлений». Отрывки из нее были напечатаны американским журналом «Лайф». Только после этого директор ФБР Гувер узнал, что в США в течение пятнадцати лет скрывался видный советский разведчик в ранге генерала. Начались допросы Орлова в ФБР. Однако он ничего не раскрыл, подтвердив на допросах только то, что ФБР и без него было известно.

Отметим, что Орлов знал имена многих советских разведчиков в различных странах мира. Например, когда в 1957 году в результате предательства был арестован нелегальный советский разведчик Вильям Фишер, назвавшийся при аресте именем своего покойного друга Рудольфа Абеля, Орлов в беседе с агентами ФБР подтвердил, что когда-то встречал Абеля в коридорах Лубянки и что тот работал тогда в транспортном отделе ОГПУ. Он не раскрыл подлинное имя разведчика-нелегала. Не назвал Орлов и хорошо известного ему Кима Филби, являвшегося в конце 1940-х годов представителем британской разведки при ЦРУ США, Иосифа Григулевича, работавшего в годы войны с нелегальных позиций в Латинской Америке, и многих других разведчиков.

Проживая в США, Орлов постоянно покупал и читал советскую прессу, включая газету «Правда» и журнал «Коммунист». Бывший разведчик не изменил своим идеологическим убеждениям, оставаясь лишь политическим противником Сталина.

В начале 1960-х годов по решению руководства КГБ СССР все претензии к А. М. Орлову были официально сняты и юридически закреплено отсутствие в его деле состава преступления. В вашингтонскую резидентуру из Центра ушло указание оставить Орлова в покое. А в разведке наряду с понятиями «предатель», «изменник», «перебежчик» появился термин «невозвращенец».

Орлов продолжал работать над мемуарами. Осенью 1969 года от сердечного приступа скончалась его жена. В марте 1973 года у Орлова была обнаружена серьезная болезнь сердца, он был помещен в госпиталь, где 8 апреля того же года скончался.

Борьба продолжается

После побега Орлова сменившему его резиденту Эйтингону

пришлось работать в сложнейших условиях. Однако, приняв руководство резидентурой в критический для нее период, Эйтингон сумел обеспечить успешное решение основных оперативных проблем, которых становилось все больше и больше.

В целом резидентура продолжала функционировать более или менее нормально, хотя после бегства Орлова сохранялась нервозность, тормозившая инициативу и завершение ранее начатых дел. Не удалось избежать и крупных издержек. В частности, было прекращено осуществление тщательно разработанного Эйтингоном плана создания глубоко законспирированного агентурного резерва на перспективу в преддверии зримо надвигающейся войны СССР с гитлеровской Германией. Этот проект получил кодовое название «Новый набор». Его суть состояла в следующем: подобрать из бойцов интернациональных бригад около семидесяти человек, имеющих опыт подпольной работы и доказавших свою надежность и верность в боевой обстановке, обучить их надлежащим образом в специальной школе под Барселоной, а затем разослать в различные страны на оседание (главным образом европейские) в качестве нелегалов как задел разведки на военное время. К лету 1938 года эта работа шла полным ходом, но в ноябре ей был положен конец на том основании, что к ней имели причастность такие «враги народа», как Орлов, руководители внешней разведки Пассов и Шпигельглаз. Двое последних были расстреляны. А ведь в годы Великой Отечественной войны такой резерв советской внешней разведки, видимо, очень бы пригодился.

Но несмотря на все эти трудности, Эйтингон, как отмечал позже Павел Судоплатов, «с большим искусством адаптировался к местным условиям». Однако в гражданской войне уже наступил перелом.

В конце 1938 года взаимодействие советской разведки с испанскими спецслужбами пошло на убыль. С одной стороны, на это влияла политическая и идеологическая неоднородность испанского республиканского руководства, в частности Народного фронта. По данному поводу резидентура докладывала в Центр: «Советы, которые мы даем центральному аппарату госбезопасности, и вся наша помощь в виде инструктирования и оперативного руководства на места пока не доходят. Там политическими партиями создаются свои органы контрразведки».

Трудности в отношениях с испанскими партнерами возникали также из-за некомпетентности и безответственности некоторых руководящих работников местных спецслужб. К сожалению, осложнения появлялись иногда и по причине отдельных непродуманных действий советской стороны. Так,

однажды поздно вечером от сотрудника резидентуры, работавшего в одном из провинциальных городов, поступило сообщение, что на местном аэродроме совершена крупная диверсия. Не проверив достоверность этих сведений, резидентура направила телеграмму в Москву, а там на ее основе составили спецсообщение на имя Сталина, Молотова и Ворошилова. В Валенсии был поднят с постели министр обороны, по приказу которого в район ЧП срочно перебросили на грузовиках полицейский отряд для проведения поиска и задержания диверсантов. Вскоре выяснилось, что никакого ЧП не было, а произошел лишь изолированный взрыв нескольких старых артиллерийских снарядов в одном из складских помещений. Такие происшествия очень болезненно переживались коллективом резидентуры. В отчете о работе резидентуры за 1938 год Наум Эйтингон, сменивший Александра Орлова, писал: «Считаю, что нужно раз и навсегда покончить с очковтирательством и научить наших работников сообщать вам вещи, как они есть в действительности. Еще раз подчеркиваю, как опасно вместо дела фантазировать».

В начале 1939 года резидентура НКВД переместилась в Барселону, являвшуюся в то время прифронтовым городом. Исход гражданской войны был уже предрешен. Несмотря на это Эйтингону удалось привлечь к сотрудничеству с советской разведкой лидеров испанских троцкистов братьев Руан, нескольких бывших анархистов, одного из основателей фашистской партии Испании Фердинандо де Куэсто, а также Рамона Меркадера, вместе с которым он впоследствии активно работал над реализацией ответственных заданий Центра.

26 января 1939 года пала Барселона. 28 марта фашисты вступили в Мадрид.

Уже после поражения республиканцев, в феврале 1939 года, сотрудники резидентуры НКВД в Испании под руководством Эйтингона осуществили отправку республиканского руководства и лидеров испанской компартии во Францию, а советских специалистов и добровольцев — в СССР.

Итак, в феврале 1939 года резидентура советской внешней разведки в Испании прекратила свое существование. В «Очерках истории российской внешней разведки» говорится:

«Можно по-разному оценивать ее усилия и их результаты в тот период, но нельзя не воздать должное «разведчикам-испанцам», как они с гордостью сами себя называли. Это были профессионалы высокого класса, каждый из них оставил свой след в истории отечественной разведывательной службы. Теперь их нет с нами, но остались их отчеты, письма, другие документы,

воспоминания ветеранов, знавших их лично.

Бесспорно и другое. Интервенция гитлеровцев и итальянских фашистов в Испании была преддверием Второй мировой войны в Европе. Поединок советских разведчиков и контрразведчиков имел международное значение, выходившее далеко за пределы Испании. Отсюда — особая острота и трагизм испанских событий, внимание к истории противоборства секретных служб на Пиренейском полуострове, не ослабевающее до последнего времени».

С последним выводом перекликается материал, опубликованный газетой «Советская Россия» в 2015 году, в котором отмечается:

«Многие наивные люди удивляются, почему в 30-х годах XX века «западные демократии» потворствовали фашистским режимам Италии, Германии, Испании, хотя свободно могли, образно говоря, задушить их в зародыше. Да потому, что при всем своем показном демократизме они были в восторге от фашистских устремлений в борьбе с коммунизмом. Они наивно надеялись, что, расправившись с коммунистическим движением в своих странах, Гитлер с союзниками задушат Советский Союз. Ведь военный альянс, который с середины 1930-х годов формировала Германия, назывался «Антикоминтерновский пакт». Напомним, что в 1936 году он был заключен с Японией, затем в него в 1937 году вошла Италия, в 1939 году — Венгрия, Испания и Маньчжоу-го, а в 1941 году — Финляндия, Румыния, Болгария, Дания и Словакия».

После закрытия резидентуры Эйтингон перебрался во Францию, где в течение нескольких месяцев занимался реорганизацией и восстановлением остатков испанской агентурной сети НКВД. Ему также удалось привлечь к сотрудничеству с советской разведкой племянника главы испанской фаланги Примо де Риверы, который до 1942 года являлся надежным и важным источником информации о планах Франко и Гитлера.

За работу в Испании Наум Эйтингон в ноябре 1937 года был награжден вторым орденом Красного Знамени. Под именем генерала Котова он упоминается в широко известных мемуарах Ильи Эренбурга «Люди. Годы. Жизнь».

В середине 1939 года Эйтингон возвратился в Москву. К тому времени в результате необоснованных репрессий из 450 сотрудников внешней разведки (включая загранап-парат) было расстреляно или отправлено в лагеря 275 человек — 61 процент всего личного состава. Со многими ценными зарубежными агентами была прервана связь, восстановить которую удавалось

далеко не всегда. В 1938 году, когда в результате мюнхенского сговора Англия и Франция отдали Гитлеру на растерзание Чехословакию, в течение 127 дней из внешней разведки руководству страны не поступило ни одной информации — ее просто некому было обработать и подписать.

В официальных материалах СВР России по данному поводу говорится:

«Чтобы восстановить кадровый состав разведки, в нее по-прежнему направлялись люди с опытом партийной и организационной работы, хорошо зарекомендовавшие себя в армии командиры, окончившие вузы студенты. Однако без организации их специальной подготовки это не решало проблемы. В резидентуры нередко посылались лица, которые не знали иностранных языков, слабо разбирались в вопросах внешней политики, не имели навыков оперативной работы. В токийской резидентуре накануне войны был момент, когда ни один из сотрудников «легальной» резидентуры не знал ни японского, ни какого-либо другого иностранного языка. Аналогичное положение возникло и в ряде других резидентур. Жизнь диктовала необходимость создания специального учебного заведения закрытого типа. И в 1938 году была создана Школа особого назначения (ШОН)».

25 ноября 1938 года наркомом внутренних дел СССР был назначен Лаврентий Берия. Репрессии против сотрудников внешней разведки несколько ослабли. Однако частая смена руководителей разведывательного ведомства продолжалась. Так, 2 ноября 1938 года был арестован начальник внешней разведки старший майор госбезопасности Зельман Пассов (расстрелян 15 февраля 1940 года). Назначенный начальником 5-го (разведывательного) отдела ГУГБ НКВД СССР Владимир Деканозов уже 13 мая 1939 года был освобожден от занимаемой должности как не имеющий опыта работы во внешней разведке и переведен на должность заместителя наркома иностранных дел. Внешнюю разведку возглавил выпускник Школы особого назначения старший майор госбезопасности Павел Михайлович Фитин. Способный, энергичный, горячо преданный делу человек, он быстро освоил азы разведывательного мастерства, показал себя талантливым организатором. На посту начальника разведки он проработал до 1946 года.

Возвратившийся из Испании Эйтингон попал в сложную ситуацию. Григорий Сыроежкин, с которым он работал над созданием диверсионных отрядов в тылу франкистов, был арестован и расстрелян. Резидент Орлов стал невозвращенцем. К тому же арестованные и затем расстрелянные бывший начальник

Восточного отдела ОГПУ Яков Петерс и бывший полпред СССР в Турции Лев Карахан в ходе следствия под пытками вынуждены были подписать показания на Эйтингона как на английского шпиона. В Москве за Эйтингоном была установлена слежка, которую он быстро обнаружил. Правда, после того как он сказал об этом заместителю начальника внешней разведки Павлу Судоплатову, наружное наблюдение за ним было прекращено.

От ареста Наума Эйтингона спас лишь случай. К этому времени по указанию Сталина НКВД приступил к реализации операции по физическому устранению Льва Троцкого, которая получила кодовое название «Утка» и заняла около двух лет. Общее руководство операцией было поручено Павлу Судоплатову. Тот, в свою очередь, предложил возложить непосредственную организацию и осуществление операции на месте на Наумова-Эйтингона.

Испанский опыт, наработанные там связи и контакты очень пригодились разведчику Эйтингону в 1940 году, когда он стал главным действующим лицом операции «Утка».

Глава пятая
ОХОТА НА «УТКУ»

Оперативные мероприятия по делу «Утка» заняли свыше двух лет. Были отобраны и использовались десятки агентов и доверенных лиц из разных стран, специальные поручения имели две резидентуры — в Париже и Нью-Йорке. В Центре действовал специально созданный штаб.

Очерки истории российской внешней разведки

В конце последнего летнего месяца 1940 года газеты всего мира сообщили, что 20 августа было совершено покушение на «демона русской революции» Льва Троцкого. Он получил тяжелое ранение и вечером следующего дня скончался. Нападавший арестован на месте преступления.

Поступавшая из Мексики информация с каждым днем обрастала новыми сенсационными подробностями. Сообщалось, что убийца — иностранец из числа политических сторонников русского изгнанника. Лично был известен Троцкому, его жене, пользовался их доверием, имел свободный доступ в их дом. Вечером 20 августа он якобы попросил хозяина просмотреть подготовленную им статью о деятельности одной из троцкистских организаций из США. Они удалились в рабочий кабинет, где все и произошло: Троцкий был сокрушен сильнейшим ударом ледоруба в затылок…

В Кремле смерть Троцкого вызвала откровенное удовлетворение: по мнению Сталина, устранение его главного политического врага означало, что в случае войны с Германией Гитлер не сможет рассчитывать на «пятую колонну»[7] в СССР, над созданием которой изгнанник и его сторонники неустанно работали последние десять лет.

«Демон революции»

После смерти Ленина в январе 1924 года в созданной им партии разгорелась жесткая внутренняя борьба, вылившаяся

вскоре в личное соперничество между двумя наиболее яркими ее руководителями — Сталиным и Троцким. Сталин был убежденным марксистом, глубоко верившим в победу социалистической революции даже в условиях враждебного империалистического окружения. Одним из признанных руководителей партии он стал еще в 1912 году и вел активную партийную работу внутри России. Неоднократно подвергался арестам и высылкам в различные районы Российской империи, пять раз совершал побеги из ссылки.

Троцкий же после поражения первой русской революции 1905 года жил в эмиграции в США, а в Россию возвратился после Февральского переворота 1917 года и только после того, как Временное правительство сняло запрет на деятельность политических партий в стране. Троцкий был космополитом. Русский народ он презирал, а всю тысячелетнюю историю России рассматривал как «кучу гнилой картошки», не видя в ней ничего героического. Он возглавил так называемую «группу межрайонцев», объединявшую разрозненные марксистские кружки, не примыкавшие ни к одной из организаций РСДРП, выжидая, кто из них одержит верх во внутрипартийной борьбе. Вскоре эта группа стала насчитывать восемь тысяч членов, тогда как за Лениным в феврале 1917 года шло всего 12 тысяч человек. В партию большевиков Троцкий вступил после возвращения в апреле 1917 года в Россию Ленина, когда стало ясно, что большевики имеют реальные шансы взять власть в стране.

С точки зрения «пролетарского происхождения» Сталин, сын простого сапожника, был более приемлем для широких партийных масс. Троцкий же, отец которого был крупным земельным собственником и торговцем зерном, рассматривался в партии как выскочка, «барин» и белоручка. К тому же несносный характер «демона революции», его откровенно карьеристские устремления оттолкнули от него даже прежних союзников. С победой Октябрьской революции Троцкий стал наркомом по иностранным делам и «отличился» тем, что вопреки инструкциям правительства отказался подписать Брестский мир. В результате кайзеровская Германия нашла предлог для наступления, приведшего к оккупации значительной части территории России общей площадью свыше миллиона квадратных километров.

С сентября 1918-го по декабрь 1924 года Троцкий являлся народным комиссаром по военным и военно-морским делам и одновременно возглавлял Революционный военный совет республики, то есть фактически руководил Красной армией. На фронтах Гражданской войны он «прославился» своей необычайной жестокостью, введя, в частности, на Восточном

фронте децимацию — расстрел перед строем каждого десятого бойца подразделения, допустившего отступление. Именно Троцкий был инициатором создания концентрационных лагерей в России в годы Гражданской войны. В них заключали представителей крупной и средней буржуазии, профессоров, священнослужителей, активных контрреволюционеров. Правда, это был ответный шаг большевиков на зверства белогвардейцев, покрывших страну сетью подобных лагерей. Чего, например, стоил лагерь для красноармейцев на острове Мудьюгский в Белом море, созданный командующим вооруженными силами севера России генералом Миллером, где отношение к заключенным отличалось особой жестокостью.

Победу социализма в России Троцкий связывал с мировой революцией. Но поскольку после Первой мировой войны революционного подъема в Европе не наблюдалось, Троцкий и его сторонники пытались искусственно стимулировать такой подъем, в частности, инициировав в 1923 году революцию в Германии. Затем, когда эти попытки полностью провалились, Троцкий счел необходимым превратить Советскую Россию в военный лагерь, милитаризировать ее экономику и бросить миллионы русских солдат на «освобождение европейского пролетариата от цепей империализма». Дальнейшая судьба России его не интересовала.

В 1920 году особый отдел Южного фронта получил информацию, что большая группа офицеров Врангеля готова сложить оружие и прекратить братоубийственную войну в России. По просьбе командующего фронтом Михаила Фрунзе прославленный герой феской армии генерал Брусилов выпустил обращение к офицерам и солдатам Врангеля, предлагая им прекратить войну и перейти на сторону советской власти. В воззвании содержались гарантии личной безопасности всем военнослужащим, которые сложат оружие, и амнистии для офицеров. Возникла реальная возможность прекратить кровопролитие на юге России. Однако такое развитие событий не устраивало председателя Реввоенсовета Троцкого, который сорвал перспективу капитуляции армии Врангеля. Крым был взят штурмом войсками Фрунзе, а Врангель и около 150 тысяч его военнослужащих эвакуировались на военных кораблях и гражданских судах в Турцию и превратились в изгнанников. По указанию Троцкого в Крым были направлены Бела Кун и ряд других его сторонников, которые расстреляли свыше двенадцати с половиной тысяч бывших офицеров, несмотря на то, что им была обещана амнистия. Объясняя этот чудовищный акт геноцида против русских офицеров, Троцкий заявил: «Мы уничтожаем их не

потому, что офицеры совершили преступления, но лишь потому, что хотим истребить их как класс, способный изменить нам в подобающий момент».

Давайте вспомним, что говорили о Троцком современники — люди, хорошо его знавшие.

Борис Бажанов, личный секретарь И. В. Сталина в 1923–1927 годах:

«Из большевистских вождей Троцкий производил на меня впечатление более крупного и одаренного. Но справедливость требует тут же сказать, что он был одарен отнюдь не всесторонне и наряду с выдающимися качествами обладал немалыми недостатками…

Он был слишком человеком позы. Убежденный, что он вошел в Историю, он все время для этой Истории (с большой буквы) позировал. Это было не всегда удачно. Иногда это была большая поза, оправданная ролью, которую играл Троцкий и его социальная революция в мировых событиях; к примеру, когда советская власть во время Гражданской войны висела на волоске — «Мы уйдем, но так хлопнем дверью, что весь мир содрогнется», — это тоже для позы и для истории; иногда это было менее оправдано; еще было терпимо, когда Троцкий принимал парады своей Красной Армии, стоя на броневике; но бывало и так, что поза была не к месту и была смешна…

И еще одна черта меня всегда поражала в Троцком — его удивительная наивность и непонимание людей. Можно подумать, что он всю жизнь прошел, видя только абстракции и не видя живых людей как они есть. В частности, он ничего не понял в Сталине, о котором написал толстую книгу…»

Григорий Зив, социал-демократ, знавший Л. Д. Троцкого с начала 1890-х годов:

«В психологии Троцкого не было вообще элементов, относящихся к жестокости и гуманности. Там у него было пустое место. Чувство симпатии к людям, не в смысле удовлетворенности поведением, а как самостоятельное чувство, воодушевление, было незнакомо ему. Для него люди были просто единицами — десятками, тысячами, сотнями тысяч, посредством которых удовлетворялась его «Воля к Власти»…» Анатолий Луначарский, с октября 1917-го по сентябрь 1929 года первый нарком просвещения РСФСР:

«Троцкий — великий агитатор. Его статьи, книги представляют собой, так сказать, застывшую речь — он литературен в ораторстве и оратор в своей литературе.

Троцкий — человек колючий, нетерпимый, повелительный, и я представляю себе, а очень часто и знаю, что отсюда возникает

немало трений и столкновений, которые при более уживчивом характере могли бы быть вполне избегнуты».

И Троцкий, и Сталин имели своих сторонников и последователей в партии. Высокомерный Троцкий, назвавший впоследствии Сталина «выдающейся посредственностью», недооценил его изощренный интеллект и организаторские способности. В результате Сталин, используя в борьбе за власть свое положение генерального секретаря партии, а также личные амбиции членов политбюро ЦК ВКП(б) Зиновьева и Каменева, сумел к 1925 году свести влияние Троцкого в партии к минимуму. В январе 1925 года пленум ЦК ВКП(б) освободил Троцкого по собственному желанию от должности председателя Реввоенсовета, а 23 октября 1926 года на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) его вывели из состава политбюро.

В начале лета 1926 года Троцкий объединился в единый блок с Зиновьевым и Каменевым, которые были недовольны укреплением позиций Сталина в партии и государстве. Сторонники Троцкого создали в Москве конспиративный центр «объединенной оппозиции». Его возглавили сам Троцкий и Зиновьев. Работа центра велась достаточно активно. Лидеры центра проводили подпольные заседания, имели своих людей в ЦК ВКП(б), в ряде наркоматов, а также среди представителей высшего военного руководства. Центр создал даже специальную группу в армии. В нее входили комкоры Примаков и Путна, расстрелянные в 1937 году как участники так называемого «заговора генералов». Имел своих сторонников Троцкий и в ОГПУ. Еще в 1923 году, когда он навязал партии дискуссию о роли профсоюзов, примерно 40 процентов чекистов голосовали за его платформу.

Подобные конспиративные центры были также организованы в Ленинграде, Киеве, Харькове, Свердловске и других городах. Деятельность «объединенной оппозиции» вызывала серьезную озабоченность у сторонников Сталина, так как троцкисты всё больше скатывались на антисоветские позиции.

Окончательную победу над Троцким Сталин одержал в 1927 году. В октябре Троцкого вывели из состава ЦК ВКП(б), а 14 ноября за организацию демонстрации оппозиции в Ленинграде в 10-ю годовщину Октябрьской революции исключили из партии. В декабре 1927 года XV съезд ВКП(б) завершил идейный разгром троцкизма.

Троцкий отказался признать свое поражение и в январе

1928 года был сослан в Казахстан, в город Алма-Ату. Однако и в Казахстане он не прекратил активную оппозицию Сталину и борьбу с партией, рассылая телеграммы, письма и воззвания к

своим скрытым сторонникам в ней. 16 декабря 1928 года Троцкому было передано требование коллегии ОГПУ «категорического обязательства прекращения контрреволюционной деятельности». В послании указывалось, что в противном случае он будет выслан за границу.

Следует отметить, что еще в 1922 году ВЦИК наделил ГПУ правом высылки из страны лиц, занимающихся антисоветской деятельностью. Троцкий тогда активно поддержал это решение. На сей раз он официально заявил, что не будет подчиняться ультиматуму ОГПУ. Через месяц политбюро ЦК ВКП(б) большинством голосов приняло решение о высылке Троцкого за границу. А 18 января 1929 года Особое совещание при коллегии ОГПУ постановило: «За контрреволюционную деятельность, выразившуюся в организации нелегальной антисоветской партии, деятельность которой за последнее время направлена к провоцированию антисоветских выступлений и к подготовке вооруженной борьбы против Советской власти, гражданина Троцкого Льва Давидовича выслать из пределов СССР».

10 февраля 1929 года Троцкий, его жена Наталья Ивановна Седова и их старший сын Лев Седов, полностью разделявший политические взгляды отца, были доставлены специальным поездом в Одессу. А 13 февраля отбыли на пароходе «Ильич» в Турцию — единственную страну, согласившуюся временно их принять.

20 февраля 1932 года Троцкий и его сын Лев Седов были лишены советского гражданства.

Летом 1933 года Троцкий с семьей выезжает во Францию, живет под Парижем, а затем переселяется в небольшой курортный городок Сен-Пале. Здесь он становится объектом слежки белогвардейской эмиграции. Руководство Русского общевоинского союза во главе с генералом Евгением Миллером приняло решение об организации убийства Троцкого во время его поездки в курортный городок Руайян. В том же городе в то же время на лечении находился и нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов. Было решено убрать обоих. Однако в дело вмешались французские масоны, предупредившие Троцкого, имевшего довольно мощную охрану, о готовящемся покушении. Масоны также оказали давление на французские власти, чтобы те подвергли аресту белогвардейских террористов.

Известно, что Троцкий до революции был масоном и входил во французскую ложу «Art et travail» («Искусство и труд»), однако через некоторое время порвал с масонством. На IV конгрессе Коминтерна, проходившем в Москве в 1922 году, он выступил с докладом о несовместимости членства в масонской ложе с

пребыванием в коммунистической партии, как это имело место во французской компартии. Характерно, что председатель Коминтерна Зиновьев, создавший впоследствии единый антисталинский блок с Троцким, при голосовании по данному вопросу воздержался.

Французский период Троцкого длился недолго. Уже летом 1935 года он отправляется в Норвегию. Норвежское правительство предоставило Троцкому вид на жительство при условии, что он не будет заниматься политической деятельностью. Но Троцкий проигнорировал это требование и в результате 19 декабря 1936 года был посажен на торговое судно «Рут», взявшее курс на Мексику.

Оказавшись за границей, Троцкий развернул борьбу не против империализма и фашизма, а против СССР и коммунистического движения. Сразу оговоримся: Троцкий никогда не был агентом гестапо, хотя разведслужбы всего мира, естественно, проявляли интерес к его сторонникам. Он не убивал ни Кирова, ни других советских руководителей, не занимался террором внутри СССР и не совершал диверсий и отравлений. Все это ему приписывалось Сталиным и его сторонниками в стремлении дискредитировать главного политического оппонента.

Следует подчеркнуть, что Троцкий за границей не был безобидным «теоретиком» марксизма, который писал лишь трактаты «об их морали и нашей» (у Троцкого была и такая работа, в которой он выступал против буржуазной морали). Он вел активную подрывную деятельность против СССР и всего коммунистического движения в целом, пытаясь организовать подчиненное ему политическое движение в мировом масштабе.

Видный российский историк отечественных спецслужб Лев Воробьев писал:

«Деятельность Троцкого и его сторонников не ограничивалась только критикой, подчас обоснованной, событий в нашей стране. Эта критика, направленная, казалось бы, лично против Сталина, являлась, по существу, тотальным поношением всего советского. Во многом благодаря троцкистам за рубежом получило развитие явление, ставшее известным как антисоветизм, который долгие годы наносил ущерб проводившейся тогда внутренней и внешней политике СССР, а также международному рабочему и коммунистическому движению».

Троцкий не ограничивался критикой через печать положения в Советском Союзе. Так, в составленном им лично в 1940 году манифесте IV Интернационала подчеркивалось: «Подготовка

революционного низвержения московской касты есть одна из центральных задач IV Интернационала. Это не простая и не легкая задача. Она потребует героизма и жертв».

Однако высылка Троцкого за границу не ослабила его влияния среди членов оппозиции и его сподвижников в СССР. Их деятельность носила целенаправленный антигосударственный характер. Одновременно начали появляться и активно действовать троцкистские группы в ряде зарубежных компартий (США, Германии, Греции и Испании). Только наметившийся разгром троцкистов в рядах ВКП(б) явился стимулятором для изгнания их из других компартий.

Находясь в эмиграции, Лев Троцкий прилагал немалые усилия к тому, чтобы расколоть, а затем возглавить мировое коммунистическое движение в условиях нарастающей угрозы нацизма. Особенно опасной для СССР была его деятельность в Европе.

Нельзя не упомянуть и о том, что Троцкий активно сотрудничал с «Комитетом по расследованию антиамериканской деятельности» палаты представителей Конгресса США (так называемый «Комитет Дайса»). В октябре 1939 года этот «пламенный революционер» дал показания на ряд лидеров компартии США, обвиняя их в антиамериканской деятельности. Оказавшись в Мексике, Троцкий стал передавать представителям американской разведки «конфиденциальные меморандумы» на известных ему деятелей международного коммунистического движения, активистов Коминтерна, агентов советской внешней разведки в США, Франции, Испании, Мексике и других странах. Таков был его вклад в «мировую революцию».

Разумеется, для западных спецслужб антисоветская деятельность Троцкого была «даром небес», а троцкистская оппозиция — благодатной агентурной базой. Так, видный руководитель испанской троцкистской партии ПОУМ Хулиан Горкин бьш завербован американской контрразведывательной службой ФБР, а по прибытии во Францию в 1938 году предложил свои услуги генеральному директору французской контрразведки ДСТ Вибо, заявив, что имеет разведывательную сеть во всем мире. Услуги троцкиста были, разумеется, приняты с благодарностью.

Безусловно, советская внешняя разведка внимательно следила за подрывной деятельностью Троцкого за рубежом и имела «своих людей» в его ближайшем окружении. Одними из первых были внедрены к нему братья Соболевичусы, сыновья богатого еврейского торговца из Литвы. Позднее они стали известны как Джек Собл и Ричард Соблен. После высылки Троцкого из СССР в 1929 году братья в течение трех лет были

ближайшими доверенными лицами изгнанника, получили доступ к шифрам и адресам сторонников Троцкого в СССР. Через них проходила практически вся его переписка, которая незамедлительно передавалась в ОГПУ.

9 января 1937 года Троцкий вместе с женой и внуком прибыл в мексиканский порт Тампико. Оттуда на специальном поезде путешественников доставили в Мехико. Некоторое время они жили на вилле симпатизировавшего троцкистам известного живописца Диего Риверы. Но вскоре Троцкий арендовал, а затем и купил большой дом в предместье мексиканской столицы Койоакане на улице Вены. В литературе так описывается жилище Троцкого:

«Дом был капитально отремонтирован, его обнесли высокой стеной со сторожевыми площадками. После этого все, кто желал посетить Троцкого в его «крепости», должны были проходить через железные ворота под бдительным оком охранников — американских троцкистов».

Сын Троцкого Лев Седов, активно поддерживавший деятельность отца, жил в Париже.

Операция «Сынок»

Париж облюбовали не только белогвардейцы, монархисты и националисты различных мастей, эмигрировавшие из России после Октябрьской революции. «Столицу мира» полюбили также и троцкисты. Здесь размещался Международный секретариат создаваемого Львом Троцким IV Интернационала. С 1935 года в Париже проживал и сын Троцкого Лев Седов, возглавлявший этот секретариат.

Вскоре Седов начал издавать «Бюллетень оппозиции», в котором активно печатался его отец. Одновременно он установил надежную связь со сторонниками отца в СССР. Троцкий и Седов явились организаторами так называемого IV (троцкистского) Интернационала, учредительный съезд которого открылся 3 сентября 1938 года под Парижем и на котором присутствовал 21 делегат из одиннадцати стран, что свидетельствовало об определенном влиянии троцкистов на международное коммунистическое движение.

С 1936 года разработкой Седова, проходившего в материалах ОГПУ — НКВД под псевдонимом «Сынок», занималась специальная агентурная группа внешней разведки во главе с разведчиком-нелегалом болгарином Борисом Афанасьевым, перед которой была поставлена задача проникнуть в руководящее звено

троцкистской организации.

Одному из агентов Афанасьева удалось войти в доверие к Седову и даже получать от него интересующую руководство нашей страны информацию.

Однако самым важным агентом в ближайшем окружении Льва Седова был привлеченный летом 1934 года к сотрудничеству с советской разведкой резидентом ИНО ОГПУ в Париже Станиславом Глинским ровесник Седова Марк Зборовский, родившийся в состоятельной семье на Украине и эмигрировавший в 1920 году в Польшу.

Первоначально у Седова были определенные подозрения в отношении связей Зборовского с ОГПУ. Однако впоследствии резидентуре удалось их рассеять. Как писал Глинский в оперативном письме в Центр в 1936 году, «Седов извинился перед Зборовским и попросил у него прощения за то, что в начале их знакомства подозревал его в том, что он агент ГПУ».

Зборовский, имевший в троцкистских кругах подпольную кличку «Этьен», получил доступ к документам Седова и имел возможность информировать резидентуру ОГПУ о всех действиях, планах и намерениях Троцкого и его сторонников. Поскольку агент имел непосредственное отношение к выпуску «Бюллетеня оппозиции», советская разведка через него заблаговременно получала номера этого издания, которые Сталин читал раньше самого Троцкого.

Борис Афанасьев руководил Марком Зборовским (оперативные псевдонимы «Мак», «Тюльпан») весь период своей командировки. Зборовскому удалось внедриться в Международный секретариат IV Интернационала, занять место одного из руководителей его русской секции, стать своего рода личным секретарем Льва Седова, с которым он встречался практически ежедневно, и даже подружиться с его женой Жанной Молинье.

В августе 1936 года, когда уехавший на время из Парижа Лев Седов поручил ведение всех дел Зборовскому, разведка получила списки адресов приверженцев Троцкого как в СССР, так и в странах Европы. Зборовский также выяснил, что Троцкий передал часть своего архива в Институт исторических исследований в Париже. Узнав об этом из информации разведки, Сталин распорядился вывезти архив в Москву.

В ночь на 7 ноября 1936 года группа разведчиков-нелегалов под руководством Афанасьева с помощью одного из агентов, имевшего прочные связи в управлении парижской полиции, успешно выполнила задание Сталина. Вскоре на Лубянку через полпредство дипломатической почтой был направлен так

называемый «архив Троцкого»: огромное количество рукописей, статей и писем Льва Давидовича общим весом около 80 килограммов.

Лев Седов, полностью разделявший политические взгляды отца, в 1937 году приступил к подготовке первого съезда IV Интернационала. А в Москве начали разработку операции по похищению Седова.

Проведение операции было поручено специальному подразделению НКВД, которым руководил Яков Сере-брянский и которое подчинялось непосредственно наркому внутренних дел. Серебрянский был направлен Ежовым в Париж со специальным заданием.

Позже Серебрянский писал: «В 1937 году я получил задание доставить «Сынка» в Москву. Речь шла о бесследном исчезновении «Сынка» из Парижа без шума и доставке его живым в Москву».

Как же планировалось провести операцию? В архивных документах внешней разведки об этом говорится следующее: «План похищения Седова был детально разработан и предусматривал его захват на одной из парижских улиц. Предварительно путем наблюдения были установлены время и обычные маршруты передвижения Седова в городе. На месте проводились репетиции захвата. Предусматривалось два варианта его доставки в Москву.

Первый — морем. В середине 1937 года было приобретено небольшое рыболовецкое судно, приписанное к одному из северных портов страны. На окраине города-порта сняли домик — место временного укрытия, куда поселили супружескую пару сотрудников специальной группы Сере-брянского.

Подобрали экипаж. Только до капитана довели легенду, что, возможно, придется совершить переход в Ленинград с группой товарищей и взять там снаряжение для республиканской Испании.

Капитан изучил маршрут, имел достаточный запас угля, воды, продовольствия. В ожидании команды экипаж судна совершал регулярные выходы в море за рыбой.

Второй вариант — по воздуху. Группа располагала собственным самолетом с базой на одном из аэродромов под Парижем. Летчик — надежный агент. В авиационных кругах распространили легенду: готовится спортивный перелет по маршруту Париж — Токио. Пилот начал тренировки, доведя беспосадочное время пребывания в воздухе до 12 часов. Расчеты специалистов показывали, что в зависимости от направления и силы ветра самолет мог бы без посадки долететь из Парижа до

Киева за 7–8 часов».

В подготовке оперативного мероприятия участвовали семь сотрудников нелегальной группы Серебрянского. Активная роль в операции отводилась самому Серебрянскому и его жене. Однако судьба распорядилась по-иному.

Поскольку Зборовскому так и не удалось завлечь Седова и его жену в такое место, откуда их можно было бы легко похитить, приказа на реализацию этой операции не поступило.

8 февраля 1938 года у Седова случился приступ аппендицита. Он был помещен в небольшую частную парижскую клинику русских врачей-эмигрантов и в тот же вечер успешно прооперирован. Однако через несколько дней его состояние резко ухудшилось. Была сделана повторная операция, но 16 февраля 1938 года в возрасте тридцати двух лет Лев Львович Седов скончался.

В третьем томе «Очерков истории российской внешней разведки», являющихся официальным изданием Службы внешней разведки Российской Федерации, по поводу смерти Седова говорится следующее:

«Многие историки и публицисты высказывали предположения, что в его смерти повинна «рука Москвы». Мы посчитали необходимым обратиться к архивам, чтобы проверить, насколько обоснованна эта версия.

Резидентура НКВД, несомненно, проявляла интерес лично к Седову и его сподвижникам. Помимо разведчика-нелегала Б. М. Афанасьева «разработкой» окружения Седова занимался «Тюльпан». Он стал ближайшим помощником сына Троцкого. В 1936–1937 годах была установлена техника подслушивания телефонов на квартирах Седова и его доверенного лица и любовницы Лилии Эстриной. Через завербованных почтовых служащих просматривалась текущая корреспонденция Седова и его окружения.

Разумеется, сам Седов был в центре внимания разведки. Его довольно беспорядочный образ жизни способствовал бы сравнительно легкому осуществлению покушения на него, если бы такая цель была поставлена. Он не прочь был «широко гульнуть», рискнуть в игре в рулетку, выезжая иногда в Монте-Карло. Сохранился живописный рассказ «Тюльпана» о том, как они однажды в 1937 году после вечеринки до глубокой ночи бродили по различным питейным заведениям, а затем Седов направился… в публичный дом.

Уже к концу 1937 года Седов часто чувствовал недомогание: побаливало сердце, мучила бессонница. На несколько приступов аппендицита он, видимо, не обратил внимания, и медицинская

помощь опоздала. Смерть наступила после двух операций, проведенных одна за другой. По заключению врачей, причиной ее стали послеоперационные осложнения и низкая сопротивляемость организма. Один авторитетный врач, друг семейства Троцких, изучив медицинскую документацию, согласился с выводами коллег из парижской клиники. Однако жена Седова стала решительно возражать, утверждая, что эта смерть — «дело рук агентов ГПУ». Она потребовала полицейского расследования, которое, тем не менее, доказательств преднамеренного убийства не нашло.

Как видно из архивных документов, советская разведка действительно не имела отношения к смерти Седова».

После смерти Льва Седова главной целью НКВД оставался сам Троцкий. Его активная деятельность все больше раздражала Сталина. В конце концов он пришел к выводу, что только смерть «трибуна революции» может положить конец его антисоветской деятельности.

Цель — ликвидация…

Работа по троцкистским организациям была вменена в 1930-е годы разведке как одно из важных направлений ее деятельности. О всех делах Троцкого и его сподвижников за границей разведка подробно и регулярно информировала руководство СССР.

В марте 1939 года Сталин пригласил в Кремль наркома внутренних дел Берию и заместителя начальника внешней разведки Судоплатова. В ходе совещания состоялся обстоятельный разговор о задачах закордонной разведки в условиях приближающейся мировой войны. Берия подчеркнул, что в данных условиях главной задачей внешней разведки должна стать не борьба с вооруженной белогвардейской эмиграцией, а подготовка резидентур к войне на Дальнем Востоке и в Европе. Для добычи разведывательной информации о планах и намерениях потенциальных противников СССР главную ставку внешняя разведка органов госбезопасности должна делать на приобретение агентов влияния из деловых и правительственных кругов Запада и Японии, которые имеют выходы на руководство своих стран и терпимо относятся к коммунистам.

Нарком отметил также, что левое движение в мире расколото из-за попыток Троцкого подчинить его своему влиянию. Он предложил нанести решительный удар по центру троцкистского движения за рубежом, поручив возглавить операцию по ликвидации Троцкого заместителю начальника внешней разведки

Судоплатову.

Позднее Судоплатов писал в своих мемуарах:

«Сталин после некоторого раздумья заметил:

— В троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. Если с Троцким будет покончено, угроза Коминтерну будет устранена…

Генсек выразил неудовлетворение тем, что разведывательные операции против Троцкого ведутся недостаточно активно. Он подчеркнул, что устранение Троцкого в 1937 году поручалось Шпигельглазу, однако тот «провалил это важное правительственное задание».

Затем Сталин посуровел и, чеканя слова, словно отдавая приказ, проговорил:

— Троцкий должен быть ликвидирован в течение года, прежде чем разразится неминуемая война. Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены, в случае нападения империалистов на Советский Союз, в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению. Им будет очень трудно выполнить свой интернациональный долг по дестабилизации тылов противника, развернуть партизанскую войну».

Руководить группой боевиков по ликвидации Троцкого предстояло Павлу Судоплатову. Сталин подчеркнул, что группе будет оказана любая помощь и поддержка. О всех мероприятиях Судоплатов должен докладывать только лично Берии. Вся отчетность по строго засекреченной операции «Утка» должна вестись только в рукописном виде.

Кодовое название операции дал Наум Эйтингон, который принимал в ней самое непосредственное участие. Имелось в виду, что Троцкий распространял ложные сведения о положении дел в СССР и ВКП(б), а такая информация в обиходе называется «уткой».

Остановимся на некоторых деталях этой самой засекреченной операции, проведенной советской внешней разведкой.

9 июля 1939 года руководство разведки утвердило «План агентурно-оперативных мероприятий по делу «Утка». В начале августа план был одобрен Сталиным. В документе, в частности, говорилось:

«Цель: ликвидация «Утки».

Методы: агентурно-оперативная разработка, активная группа.

Средства: отравление пищи, воды, взрыв в доме, взрыв автомашины при помощи тола, прямой удар — удушение, кинжал, удар по голове, выстрел. Возможно вооруженное нападение группы.

Люди: организатор и исполнитель на месте «Том» (Н. И. Эйтингон. — *В. А.)*.

Вместе с «Томом» в страну выезжают «Мать» и «Раймонд»…»

В плане определялись способы изучения ближайшего окружения Троцкого и обстановки вокруг его дома.

Смета расходов на шесть месяцев составляла 31 тысячу долларов (по современному курсу это примерно в 20 раз больше).

Документ подписали начальник внешней разведки Павел Фитин, его заместитель Павел Судоплатов и заместитель Судоплатова — Наум Эйтингон, но без упоминания их должностей и воинских званий.

К реализации плана были подключены две группы. Они действовали автономно, и люди, входившие в одну группу, не были знакомы с членами другой группы.

Первую группу возглавлял известный мексиканский художник Давид Сикейрос. В нее входили проверенные бойцы из числа агентуры советских органов госбезопасности, действовавшие в Испании в период гражданской войны, а затем эмигрировавшие в Мексику. Членами второй группы являлись «Мать» и «Раймонд».

Выдержка из дела агентурной разработки:

«Каридад Меркадер дель Рио, она же — Мария Кари-дад, она же — агент советской внешней разведки «Мать».

Год рождения —1894.

Национальность — испанка.

Член компартии Испании с 1922 года.

Свободно владеет итальянским, французским и английским языками.

Привлечена к сотрудничеству с советской внешней разведкой в 1937 году «Томом».

Во Франции руководила агентурной группой».

К этому следует добавить, что Каридад родилась в Сантьяго-де-Куба в семье губернатора острова. Ее прадед был послом Испании в России. Отец Каридад первым в истории острова издал указ об освобождении чернокожих рабов, благодаря чему пользовался огромным уважением в стране. Специальным указом ему и членам его семьи было разрешено до конца своих дней проживать на Кубе. Однако семью тянуло на родину, и в начале XX века она возвратилась в Испанию.

Каридад училась в привилегированной школе, вела аристократический образ жизни, занималась верховой ездой. Достигнув совершеннолетия, она вышла замуж за миллионера, владельца текстильной фабрики Пабло Меркадера из Барселоны. Брак был счастливым, муж обожал ее, у них родилось пятеро

детей: сыновья Пабло, Рамон, Хорхе, Луис и дочь Монсеррат.

Однако семейная жизнь была не для Каридад. Молодая миллионерша всерьез увлеклась политикой и модными в то время идеями эмансипации. В итоге Каридад сблизилась с анархистами. Муж пытался повлиять на нее, однако безуспешно. Каридад разошлась с мужем и уехала во Францию. В скором времени она вступила во Французскую коммунистическую партию. В 1934 году участвовала в восстании в Барселоне. С началом гражданской войны в Испании в 1936 году ушла на фронт и сражалась на стороне республиканцев. Была ранена во время воздушной бомбардировки. Один из ее сыновей погиб при защите Мадрида.

В 1937 году Каридад Меркадер была привлечена Наумом Эйтингоном к сотрудничеству с советской внешней разведкой.

Сразу же после утверждения плана операции «Утка» стало ясно, что для внедрения своих людей в ближайшее окружение Троцкого потребуется определенное время. Для ускорения выполнения задания было решено совершить налет на его жилище. Группа Сикейроса, имевшая подробный план виллы Троцкого, стала усиленно готовиться к операции. Штурм начался около 4 часов утра 24 мая 1940 года.

Около двадцати человек в форме полицейских и военнослужащих напали на дом Троцкого, обнесенный высоким каменным забором. Они без шума разоружили и связали полицейских наружной охраны. Затем с помощью дежурившего в ту ночь американца Роберта Шелдона Харта, который открыл им калитку, проникли во двор, схватили и изолировали в закрытых помещениях нескольких охранников и отключили сигнализацию. Специально подготовленная штурмовая группа вошла в дом, заняла с двух сторон позиции напротив спальни Троцкого и открыла перекрестный огонь из ручного пулемета и стрелкового оружия по помещению. Однако Троцкому и его жене удалось спрятаться под кроватями и остаться невредимыми, что стало известно после того, как нападавшие спешно покинули территорию. Выходя из дома, штурмовая группа оставила в нем зажигательный снаряд и взрывное устройство. Однако взрывное устройство не сработало, а начавшийся пожар Троцкий и его жена смогли потушить.

Нападавшие покинули виллу на автомашинах, ожидавших во дворе. Вместе с ними уехал и Шелдон.

О неудачном покушении на Троцкого Эйтингон доложил лично Берии, отправив в Центр донесение:

«О нашем несчастье Вы знаете из газет подробно. Отчет Вам будет дан позже. Пока все люди целы, и часть уехала из страны.

Если не будет особых осложнений, через 2–3 недели приступим к исправлению ошибки, так как не все резервы исчерпаны.

Принимая целиком на себя вину за этот кошмарный провал, я готов по первому Вашему требованию выехать для получения положенного за такой провал наказания. 30 мая. «Том».

А в это время в Мехико началось расследование шумных событий, имевших место в предместье мексиканской столицы Койоакане. Расследование возглавил начальник секретной службы национальной полиции полковник Санчес Салазар. Его многочисленная агентура достаточно быстро вышла на одного из участников нападения — студента университета, который под тяжестью улик рассказал все, что знал. Вскоре полиция выявила практически всех участников нападения и начала их розыск. Однако большинство участников акции уже покинули страну. Аресту подверглись лишь несколько второстепенных лиц, которым полиция не смогла предъявить каких-либо серьезных обвинений. И лишь в октябре 1940 года полиции удалось разыскать и арестовать скрывавшегося вне столицы руководителя акции, известного мексиканского художника Давида Альфаро Сикейроса. Он был убежденным антифашистом, одно время состоял в компартии Мексики, в период гражданской войны в Испании являлся командиром бригады республиканской армии. Отличался решительностью в действиях и личным бесстрашием.

На следствии Сикейрос не отрицал, что был руководителем группы, но заявил, что целью нападения было не убийство Троцкого, а лишь уничтожение его архивов. Предполагалось также этой акцией вызвать протест против проживания Троцкого в Мексике. Он категорически отрицал причастность к акции компартии. Никаких существенных сведений о сподвижниках он не выдал. Следствие завершилось неожиданно: по распоряжению вновь избранного президента Мексики Авила Камачо, который ценил Сикейроса как выдающегося художника, являвшегося, по его убеждению, «славой и гордостью нации», арестованный был освобожден под залог. Ему «рекомендовали» срочно покинуть страну, что он и сделал.

Касаясь целесообразности штурма виллы Троцкого 24 мая 1940 года, Наум Эйтингон дал следующие пояснения 5 марта 1954 года, находясь под арестом в Бутырской тюрьме: «С внедрением агента в окружение Троцкого долго ничего не получалось, поэтому решено было организовать вооруженный налет на его дом. Для проведения налета были подобраны через Сикейроса необходимые люди. Сам он не встречался со всеми участниками операции и всю работу проводил через Сикейроса…»

В ходе расследования событий на вилле Троцкого мексиканская полиция активно разыскивала и Роберта Шелдона Харта, открывшего нападавшим калитку во двор. Через месяц полицейские нашли его труп на небольшой ферме в пригороде столицы. По версии полиции, Шелдон являлся агентом НКВД и был ликвидирован своими. Троцкий же был убежден в преданности Шелдона и считал его очередной жертвой агентов Москвы.

Относительно данного вопроса в «Очерках истории российской внешней разведки» указывается: «Архивные документы свидетельствуют, что Роберт Шелдон Харт являлся привлеченным резидентурой НКВД в Нью-Йорке лицом и значился под псевдонимом «Амур». Его направили в Мексику и дали условия связи для установления контакта. Кто связывался с Шелдоном в Мексике и ставил перед ним задачу, выяснить не удалось».

Почему столь трагически оборвалась жизнь этого человека? Ответом является свидетельство Эйтингона от 9 марта 1954 года: «Во время операции было выявлено, что Шелдон оказался предателем. Хотя он и открыл дверь калитки, однако в комнате, куда он привел участников налета, не оказалось ни архива, ни самого Троцкого… Такое поведение послужило основанием для принятия на месте решения о его ликвидации. Он был убит мексиканцами».

Здесь следует добавить, что свои показания Эйтингон давал, находясь под арестом в Бутырской тюрьме, в ходе неофициальной беседы с оперработником Центра. Впоследствии, будучи освобожденным, Эйтингон не внес никаких изменений в информацию о судьбе Шелдона.

В середине июня Берия и Судоплатов были вызваны к Сталину. Они доложили генсеку подробности несостоявшегося покушения. Сталин был спокоен и предложил осуществить альтернативный план. Он подчеркнул, что акция против Троцкого будет означать полное крушение всего троцкистского движения, и дал указание направить Эйтингону телеграмму с выражением полного доверия.

Из Москвы в Мехико полетело указание продолжить операцию. Теперь к ней подключалась вторая группа.

Отметим, что «Мать» принимала непосредственное участие в подготовке операции «Утка» с первого дня ее разработки. «Том» и «Мать» хорошо понимали, что для успешной реализации выработанного плана необходимо найти надежного исполнителя. После долгих поисков и сомнений «Мать» предложила на роль главного исполнителя этой рискованной операции… своего сына

Рамона.

Выдержка из дела агентурной разработки:

«Рамон Меркадер дель Рио Эрнандес Хайме родился 7 февраля 1914 года в Барселоне в многодетной семье владельца текстильной фабрики. В 1925 году родители развелись.

Рамон с молодых лет принимал активное участие в революционном движении — являлся одним из комсомольских лидеров Каталонии, членом компартии.

С октября 1936 года участвовал в гражданской войне в Испании в качестве комиссара 27-й бригады на Арагонском фронте, майор. В боях был ранен.

В 1938 году был привлечен резидентом НКВД в Испании «Томом» к сотрудничеству с советской разведкой. С февраля 1939 года задействован в операции по организации физического устранения Троцкого.

Снабжен бельгийскими документами на имя Жака Мор-нара».

Под видом богатого плейбоя, сына бельгийского дипломата, занимающегося спортивной фотожурналистикой, и под именем Жак Морнар «Раймонд» (оперативный псевдоним Рамона Меркадера) нелегально приехал в Париж, где познакомился с находившейся там на отдыхе гражданкой США Сильвией Агелофф, родители которой были выходцами из России, а старшая сестра — личным секретарем Троцкого. У новой приятельницы «Раймонда» были репутация старой девы и безупречное прошлое. Но самое главное — она также периодически исполняла обязанности секретаря и переводчика у Льва Давидовича.

Вслед за возлюбленной «Раймонд» отправляется в Мексику. После отпуска Сильвия возвращается к работе на вилле Троцкого. Роман, завязавшийся под небом Франции, приобретал все более серьезные формы. «Раймонд» предложил Сильвии руку и сердце и на правах жениха вошел в дом Льва Давидовича. Согласно записям в книге посетителей, «Раймонд» побывал в доме Троцких 12 раз.

О том, что произошло позже, узнал весь мир. Сталин свел счеты со своим многолетним ненавистным врагом…

Итак, 20 августа 1940 года «Раймонд», находясь в кабинете Троцкого, выполнил задание Центра — нанес ему удар ледорубом по голове. На следующий день Троцкий скончался. Сам «Раймонд» был задержан охраной и арестован.

В день и час проведения операции Эйтингон и «Мать» ожидали «Раймонда» в автомашине вблизи дома Троцкого. В расчете на благополучный исход операции для него заранее были подготовлены документы для выезда из страны. О дальнейшем

рассказал несколько позже сам Эйтингон:

«Примерно в 10 часов вечера (20 августа 1940 года) мексиканское радио сообщило подробности покушения на Троцкого. Немедленно после этого я и «Мать» покинули столицу. Я выехал на Кубу по иранскому паспорту… Там получил болгарский паспорт и направился в Европу. По приезде в Москву устно доложил Меркулову и Берии. Никаких отчетов не писал».

В ходе предварительного следствия несмотря на пытки, а затем и на судебном процессе убийца, имевший бельгийские документы, не назвал своего настоящего имени, объясняя, что пошел на преступление, приревновав к Троцкому свою невесту.

Вскоре с привлечением бельгийских дипломатов была полностью разоблачена легенда «Раймонда» и доказано, что он не является бельгийским подданным.

Следствие требовало от арестованного чистосердечного признания и не могло его добиться. В отношении «Раймонда» стали применять меры морально-психологического и физического воздействия. В официальном меморандуме, представленном в судебные инстанции его адвокатом, указывалось:

«Сразу после ареста, будучи в бессознательном состоянии вследствие нанесенных охранниками ран, арестованный был направлен в полицейский участок, где истязания продолжались несколько недель. В ходе предварительного следствия 7 месяцев он содержался в подвале, являясь объектом неслыханных издевательств и унижений. По причине изоляции он был на грани потери зрения. В марте 1941 года его перевели в городскую тюрьму, в которой держали 3 года. Выводили на прогулку один раз в день на 20 минут в связке с надзирателем».

После длительных юридических процедур в мае 1944 года суд федерального округа Мехико вынес окончательный приговор: 20 лет тюремного заключения (высшая мера наказания в стране).

Мексиканские спецслужбы усиленно искали в убийстве Троцкого советский след и пытались выяснить подлинное имя арестованного. Однако никакие допросы не смогли заставить его признаться в связях с советской разведкой. Лишь спустя много лет один из бывших активистов испанской компартии и участник гражданской войны в Испании предал его, сообщив мексиканским спецслужбам, что в тюрьме находится Рамон Меркадер. Мексиканцы смогли получить на него из испанских полицейских архивов подробное досье.

Когда личность Жака Морнара была окончательно установлена, перед лицом неопровержимых улик он признал, что на самом деле является Рамоном Меркадером и происходит из богатой испанской семьи. В то же время до последнего дня

заключения отрицал, что убил Троцкого по заданию советской разведки. Во всех своих заявлениях Меркадер неизменно подчеркивал личный мотив убийства.

Данный факт подтверждают и зарубежные источники. Так, видный западный историк Исаак Левин отмечал: «…подлинное его (Рамона Меркадера) имя и идентичность так и не были установлены. Преступник остался верен своей роли до конца… Никто не смог документально доказать участие советских органов в убийстве Троцкого».

Необходимо отметить, что советская внешняя разведка наладила бесперебойную связь с «Раймондом». Он постоянно получал необходимую моральную поддержку и материальную помощь.

В «Очерках истории российской внешней разведки» в связи с этим указывается:

«Прежде всего, узник был обеспечен солидной юридической поддержкой… Была организована связь «Раймонда» с двумя надежными, специально проинструктированными агентами в Мехико. Они, в свою очередь, были связаны через посредников с резидентурой в Нью-Йорке. Эта цепочка связи в основном успешно действовала до конца 1943 года, когда после восстановления дипломатических отношений между СССР и Мексикой там учредили резидентуру внешней разведки и передали ей каналы связи с «Раймондом».

Из воспоминаний заместителя начальника внешней разведки генерала Судоплатова:

«В августе 1940 года, спустя два-три дня после ликвидации Троцкого, когда я направил короткий рапорт Берии, было принято решение о том, что Эйтингон и Каридад вернутся домой самостоятельно. А оставшиеся деньги, которые были выделены на проведение операции, намечалось использовать для поддержания Рамона Меркадера, находившегося в тюрьме, для оплаты адвокатам.

Именно тогда Сталин произнес фразу: «Мы будем награждать всех участников этого дела после возвращения домой. Что касается товарища, который привел приговор в исполнение, то высшая награда будет вручена ему после выхода из заключения. Посмотрим, какой он в действительности профессиональный революционер, как он проявит себя в это тяжелое для него время».

После успешного завершения операции Эйтингон через Кубу, Китай и Дальний Восток весной 1941 года вернулся в Центр. Каридад Меркадер к этому времени уже была в Москве.

17 июня 1941 года Эйтингона, Каридад Меркадер и

Судоплатова пригласили в Кремль, но не в Свердловский зал, как обычно, а в кабинет Калинина, где он и вручил разведчикам коробочки с орденами. Каридад Меркадер и Эйтингон получили ордена Ленина, Судоплатов был награжден орденом Красного Знамени.

Вручая орден Эйтингону, председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин сказал ему: «Что бы ни случилось — помни: Советская власть позаботится о тебе и твоей семье».

Отмечая награждение в этот же день, за пять дней до фашистского вторжения, в номере гостиницы «Москва», Эйтингон сказал Судоплатову: «То, что происходит на границе, не провокация, а война». Он знал, что нашествие гитлеровцев неизбежно, и внутренне был готов к нему.

Здесь хотелось бы обратить внимание еще на один интересный факт, связанный с операцией «Утка».

С 1950 по 1956 год в парижской резидентуре активно работала вместе с мужем молодая, но уже достаточно опытная сотрудница Зинаида Батраева (оперативный псевдоним «Татьяна»).

Помимо текущей оперативной работы «Татьяне» в Париже пришлось выполнять важную и ответственную миссию. На протяжении пяти лет она поддерживала связь с надежным помощником советской внешней разведки и руководителем агентурной группы Каридад Меркадер — матерью Рамона Меркадера, томившегося в мексиканской тюрьме.

Вспоминая этот период, Зинаида Николаевна рассказывала автору книги: «Обычно мы встречались с Каридад в кафе. Я ей приносила письма от Рамона, которые пересылались в резидентуру из Мексики через Центр. Периодически передавала деньги: Берия назначил ей пожизненную пенсию. Мне было очень жаль Рамона и его мать. И иногда на встречах мы «пускали слезу». Все эти годы Каридад пыталась освободить сына. Ну а для меня продолжавшиеся пять лет встречи с матерью были мучительны, так как я передавала бесконечные обещания Центра относительно скорейшего освобождения Рамона. Безусловно, предпринимались неоднократные попытки его освобождения, но все они были безуспешны.

Подготовленные Каридад письма для Рамона я направляла в Центр, откуда они пересылались в Мексику».

Из отчета в Центр оперативного работника парижской резидентуры «Татьяны»:

«15 марта 1956 года в кафе на улице Риволи я провела запланированную встречу с агентом «Мать». Я передала ей письма

от «Раймонда», а также сумму денег, определенную Центром. Встреча продолжалась 48 минут. Наружное наблюдение не отмечалось…

Как и в предыдущий раз, «Мать» была взволнована. Говорила о том, что в Центре должны прилагать больше усилий для освобождения «Раймонда». Жду указаний по проведению следующей встречи. «Татьяна».

В то время «Татьяна» была единственным звеном, связывавшим «Раймонда» с матерью, а ее — с советской разведкой.

По крайней мере, дважды с 1954 года поднимался вопрос о досрочном освобождении «Раймонда» под залог на поруки (что предусматривалось местным законодательством) в связи с истечением двух третей назначенного срока. Но эти ходатайства были отвергнуты с мотивировкой: «Жак Морнар не проявил сожаления о своем преступлении, и поэтому опасно отпускать его на свободу». В то же время один из высших судебных авторитетов страны заявил в доверительной беседе: «Единственный путь к освобождению — его полное признание во всем». Но «Раймонд» продолжал упорно отрицать свою связь с советской разведкой.

После освобождения

Отбыв в заключении 19 лет, 8 месяцев и 14 дней, Рамон Меркадер вышел из тюрьмы 6 мая 1960 года.

После освобождения он женился на мексиканке Рокелии Мендоса и вместе с ней был переправлен в Советский Союз. В Москве он получил советское гражданство и документы на имя Рамона Ивановича Лопеса.

31 мая 1960 года «за выполнение специального задания и проявленные при этом героизм и мужество» Рамону Ивановичу Лопесу было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». 8 июля 1960 года награды ему вручил тогдашний председатель КГБ при СМ СССР Александр Шелепин.

В Москве Меркадер работал старшим научным сотрудником в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Являлся членом авторского коллектива четырехтомной истории гражданской войны в Испании. Его жена работала диктором в испанской редакции Московского радио. Супруги взяли на воспитание мальчика одиннадцати лет и семимесячную девочку, мать которых умерла, а отец, испанский коммунист, погиб во франкистской Испании.

В октябре 1974 года Меркадер с семьей переехал на Кубу, где в звании генерал-майора работал советником в кубинском министерстве внутренних дел. Скончался в Гаване 18 октября 1978 года от саркомы. Согласно завещанию урна с его прахом была перевезена в СССР и захоронена на Кунцевском кладбище в Москве.

За семьей Меркадера сохранили установленную ему пенсию с выплатой в валюте: Рокелии — пожизненно, детям — до достижения совершеннолетия. После смерти мужа Ро-келия с дочерью возвратилась в Мексику. Сын остался на Кубе, закончил мореходное училище, служил капитаном в системе торгового флота. Рокелия пережила мужа на 11 лет. Скончалась после тяжелой болезни в 1989 году.

После освобождения сына из заключения Каридад Меркадер жила в Москве, позднее выехала из СССР. Получала за границей пенсию от советского правительства. Умерла в Париже в 1975 году.

Касаясь реализации операции «Утка», ее непосредственный руководитель генерал Судоплатов отмечал:

«Нам удалось не просто обезглавить троцкистское движение, но и предопределить его полный крах. Сторонники Троцкого быстро теряли остатки своих позиций в международном рабочем движении. Их деятели оказались в ситуации почти враждебного недоверия друг к другу, многие перешли на конспиративное сотрудничество с полицейскими органами США и агентурным аппаратом германской разведки, руководствуясь желанием всячески мстить компартиям США, Франции, Италии…

В то же время мне совершенно ясно, что сегодняшние моральные принципы не совместимы с жестокостью, характерной и для периода борьбы за власть, которая следует за революционным переворотом, и для гражданской войны. Сталин и Троцкий противостояли друг другу, прибегая к преступным методам для достижения своих целей, но разница заключается в том, что в изгнании Троцкий противостоял не только Сталину, но и Советскому Союзу как таковому.

Эта конфронтация была войной на уничтожение».

А известный российский публицист и общественный деятель Александр Хинштейн по данному поводу писал в газете «Московский комсомолец» от 10 декабря 1999 года:

«Я не берусь оправдывать ни Эйтингона, ни других чекистов, причастных к убийству Льва Давидовича. Убийство — оно и есть убийство, даже если совершено оно людьми военными, по приказу сверху.

Я лишь хочу заметить, что в реальности Троцкий был совсем

не так безобиден, как его пытаются представить сегодня. Вот что, например, писал он во время советско-финской войны: «Сталин может получить помощь извне, поэтому необходимо, чтобы союзники вступили в войну против него. Такая война поставит вопрос перед народом СССР не о судьбе сталинской диктатуры, а о судьбе страны» («Санди экспресс», 10 марта 1940 года). С волками жить — по-волчьи выть…

Но отвлечемся от стороны моральной. С чисто профессиональной точки зрения операция «Утка» была проведена блестяще — это признано всеми. Чего-чего, а профессионализма у Эйтингона не отнять. И Отечественная война — явное тому подтверждение».

Глава шестая
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Хотим мы того или не хотим, но приходит время, и то, что было Великой Государственной Тайной, теряет свою исключительность и секретность в силу крутых поворотов в истории государства и становится общим достоянием — было бы желание знать правду.

П. А. Судоплатов

Великую Отечественную войну Наум Эйтингон встретил на посту заместителя начальника внешней разведки. После возвращения в Москву по завершении операции «Утка» и непродолжительного отдыха в мае 1941 года он был назначен заместителем начальника 1-го управления НКГБ СССР, как тогда именовалась разведка.

Так зарождался спецназ

За день до нападения нацистской Германии на Советский Союз Эйтингон получил личное указание Берии о создании Особой группы для проведения диверсий в тылу вероятного противника. Он должен был установить связь с Генштабом Красной армии и пограничными округами, чтобы договориться о совместных действиях.

Начавшаяся война помешала реализовать эти планы. Однако уже 5 июля 1941 года такая группа была создана при наркоме госбезопасности. Ее возглавил старший майор госбезопасности Павел Судоплатов. Наум Эйтингон стал его заместителем.

В приказе НКВД СССР № 00882 от 5 июля 1941 года, подписанном народным комиссаром внутренних дел Союза ССР генеральным комиссаром государственной безопасности Л. Берией по данному поводу, в частности, говорилось:

«1. Для выполнения специальных заданий создать Особую группу НКВД СССР.

2. Особую группу подчинить непосредственно народному

комиссару.

3. Начальником Особой группы назначить майора государственной безопасности тов. Судоплатова П. А.

Заместителем начальника Особой группы назначить майора государственной безопасности тов. Эйтингона Н. И.».

В связи с нападением Германии на СССР на Особую группу были возложены задачи по активизации разведывательно-диверсионной работы советских органов государственной безопасности в тылу германской армии. Главными из них являлись: ведение разведопераций против Германии и ее сателлитов, организация партизанской войны, создание агентурной сети на оккупированных территориях.

Для решения этих задач помимо Н. И. Эйтингона, являвшегося, по существу, первым заместителем руководителя Особой группы, заместителями П. А. Судоплатова были также назначены ответственный сотрудник подразделения внешней разведки НКВД СССР старший майор госбезопасности Н. Д. Мельников и заместитель наркома внутренних дел Грузинской ССР старший майор госбезопасности В. А. Какучая.

Начальниками ведущих направлений по борьбе с немецкими вооруженными силами, вторгшимися в Прибалтику, Белоруссию и на Украину, в Особой группе были назначены видные сотрудники советской внешней разведки Яков Серебрянский, Исидор Маклярский, Виктор Дроздов, Петр Гудимович, Георгий Мордвинов, Петр Масся, ставшие в дальнейшем подлинными боевыми товарищами Наума Эйтингона.

В связи с огромными трудностями для Красной армии в первые недели войны и успешным продвижением вермахта на Восток ЦК ВКП(б) 18 июля 1941 года принял специальное постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск». В нем предписывалось партийным организациям и органам государственной безопасности «…создать невыносимые условия для германских интервентов… срывать все их мероприятия, уничтожать захватчиков и их пособников… помогать созданию партизанских отрядов, диверсионных истребительных групп…».

Особая группа немедленно приступила к подготовке разведывательных и диверсионных резидентур для выполнения специальных заданий за линией фронта, а также в отдельных городах и районах СССР на случай угрожаемого положения. Среди них были: оперативные группы «Форт» Владимира Молодцова и «Местные» Виктора Лягина, действовавшие соответственно в Одессе и Николаеве с июля 1941 года; резидентура «Максима» в Киеве, возглавляемая Иваном Кудрей с

сентября 1941 года, и другие.

Еще ранее, 26 июня 1941 года, приказом наркома были сформированы войсковые подразделения Особой группы, которыми командовал комбриг Павел Богданов. Они включали две бригады, состоящие из батальонов, отрядов и спецгрупп, формирование которых проходило под непосредственным контролем Эйтингона. В октябре они были переформированы в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) — легендарный спецназ периода Великой Отечественной войны, прославившийся своими операциями в тылу врага. В ОМСБОН брали только добровольцев, которые проходили специальную подготовку для диверсионной работы и выполнения заданий особой важности. Бригада состояла из двух полков четырехбатальонного состава и включала специальные подразделения. Командиром 1-го полка, а с августа 1942 года командиром бригады был кадровый сотрудник внешней разведки полковник Гриднев.

Местом формирования бригады стал Центральный стадион «Динамо», расположенный в старинном Петровском парке. Помимо чекистов в бригаду влились свыше восьмисот спортсменов, среди которых было немало заслуженных мастеров спорта, известных тренеров, чемпионов и рекордсменов СССР, Европы и мира. Среди них — знаменитые легкоатлеты братья Знаменские, чемпион СССР по боксу Николай Королев, группа футболистов минского «Динамо» и многие другие известные спортсмены. Общая численность бригады составляла в тот период 10 500 человек. В первые годы войны не каждая стрелковая дивизия могла сравниться с ней по численности и обученности.

На подмосковном стрельбище «Динамо» в Мытищах вновь созданные оперативные группы особого назначения изучали минное дело, подрывную технику противника, овладевали тактикой действий небольшими группами, приемами ведения ночной разведки, топографией, радиоделом, совершали марш-броски, прыжки с парашютом. Короче, учились всему, что необходимо на войне.

ОМСБОН была во всем необычной бригадой. В одном батальоне, предназначенном для выполнения диверсионных заданий, было немало спортсменов-лыжников, парашютистов, снайперов, причем лучших из тех, кого мог рекомендовать комсомол.

В другом батальоне были почти одни иностранцы. Тут много было испанцев, старых знакомых и учеников Эйтингона.

Верховное командование и руководство органов госбезопасности поставили перед бригадой следующие задачи:

оказание помощи Красной армии средствами разведывательно-диверсионных и боевых действий; содействие развитию партизанского движения; дезорганизация тыла противника; осуществление агентурной разведки на временно оккупированных территориях; проведение контрразведывательных операций.

Уже в сентябре 1941 года в тыл врага ушли опергруппы Д. Медведева, А. Флегонтова, В. Зуенко, Я. Кумаченко и М. Филоненко. Последнему предстояло со своими бойцами совершить рейд по Подмосковью в самый сложный период обороны Москвы. Круг интересов разведывательно-диверсионного отряда «Москва», возглавляемого сотрудником внешней разведки Филоненко, был очерчен на штабных картах населенными пунктами: Апрелевка, Рогачево, Ахматово, Дорохово, Петрищево, Бородино, Верея, Крюково. В ходе рейда, который продолжался 44 дня, бойцы отряда Михаила Филоненко полностью выполнили поставленные перед ними задачи.

В октябре — ноябре 1941 года, когда тяжелое положение сложилось непосредственно под Москвой в результате широкого наступления немцев, которые сосредоточили здесь более пятидесяти дивизий, включая 13 танковых, а ресурсы защитников были на исходе, крайне важно было перекрыть наступающим подходы к столице. В «Очерках истории российской внешней разведки» об этом периоде рассказывается:

«На выполнение заградительных работ был брошен сводный отряд ОМСБОНа. Бойцы отряда минировали шоссейные и грунтовые дороги в районах Можайска, Волоколамска, Каширы, на Ленинградском шоссе в районе Химок и канала Москва — Волга, по реке Сетунь и близ Переделкино, западнее Чертаново на Киевском шоссе, на Пятницком, Рогачевском, Дмитровском шоссе. С 23 октября по 2 ноября 1941 года они установили более 11 тысяч противотанковых и 7 тысяч противопехотных мин, более 160 мощных фугасов, подготовили к взрывам 19 мостов и 2 трубопровода.

Сводный отряд ОМСБОН участвовал в параде на Красной площади 7 ноября 1941 года, после чего двинулся к фронту. В период с 27 ноября по 27 декабря 1941 года, в разгар боев под Москвой, бойцы отряда сумели уничтожить 30 немецких танков, 20 бронемашин, 68 грузовых машин, нанести противнику большие потери в живой силе и технике».

Вторым основным направлением работы Особой группы в тот период являлась подготовка подпольных окружных комитетов в населенных пунктах Московской области на случай захвата их противником. Из этих населенных пунктов осуществлялась

срочная эвакуация предприятий, рабочих, правительственных учреждений.

Часть сотрудников ОМСБОН была оставлена в Москве на случай захвата столицы немцами. Одновременно было принято решение готовить московское подполье. По линии НКВД — разведки и контрразведки — операцией по подготовке Москвы к возможной оккупации руководил Берия. В составе руководства московского подполья в городе должны были остаться Судоплатов и Эйтингон.

Одной из активных участниц тех событий являлась выпускница Школы особого назначения НКВД, сотрудница центрального аппарата внешней разведки, с первых дней Великой Отечественной войны прикомандированная к Особой группе, Анна Федоровна Камаева (в дальнейшем по мужу — Филоненко).

В самом начале войны 22-летней Анне Камаевой довелось работать непосредственно под началом Наума Эйтингона. Это был период, когда обстановка на фронте приближалась к критической. В ноябре 1941 года танки Гудериана вплотную подошли к Москве. Началась эвакуация правительственных учреждений в Куйбышев. В столице было введено осадное положение. Захватчики уже готовились вступить в город. Для поднятия духа в германских войсках были отпечатаны и вовсю раздавались приглашения на участие в триумфальном параде на Красной площади, принимать который должен был сам Гитлер.

Но советский народ сдаваться не собирался. Это французы объявили Париж открытым городом сразу же при приближении немецких танково-механизированных колонн. Руководство же нашей страны распорядилось готовить диверсионное подполье, чтобы продолжать борьбу даже в захваченной врагом Москве.

Чекисты приступили к подготовке и реализации диверсионного плана на случай взятия города гитлеровскими войсками. Где Гитлер и другие нацистские бонзы могут устроить торжества по случаю падения советской столицы? Либо в Кремле, либо в Большом театре. Значит, рассудили в ведомстве Берии, надо готовить взрывы этих объектов. При этом в НКВД исходили из того, что Гитлер и другие руководители Третьего рейха, прежде чем реализовать угрозу «сровнять Москву с землей», непременно примут личное участие в намеченных торжественных мероприятиях.

Сотрудникам Особой группы предстояло вести тайную войну уже на своей земле. Анна Камаева оказалась в самом центре этих оперативных приготовлений. Практической боевой подготовкой чекистов руководил Яков Серебрян-ский. Общее руководство осуществлял Наум Эйтингон. В условиях абсолютной секретности

создавались диверсионные группы. Часть разведчиков и контрразведчиков перешла на нелегальное положение непосредственно в Москве. Сотрудники госбезопасности минировали малоизвестные штольни и подземные тоннели глубокого залегания в центральной части города, израсходовав для этого несколько вагонов взрывчатки. Мины были заложены в Кремле и под Большим театром. Одного нажатия кнопки минером из НКВД было достаточно, чтобы за несколько секунд превратить эти московские достопримечательности в груды камня.

Сотрудники внешней разведки и Особой группы разместили в Москве ряд подпольных радиостанций, которые позволили бы поддерживать постоянную связь с Куйбышевом (Самарой), куда эвакуировались правительственные учреждения. Одна из таких радиостанций была размещена в подвале строившегося тогда театра кукол Сергея Образцова.

Анне Камаевой по личному указанию Берии отводилась ключевая роль: осуществить покушение на… самого Гитлера. Отрабатывались различные варианты выполнения задания, однако все они однозначно показывали, что шансов уцелеть у разведчицы практически не было. Давая такое задание, глава НКВД посылал девушку на верную смерть, но зато был уверен: Камаева приказ выполнит.

К счастью, этот план так и остался на бумаге. Москва выстояла под натиском вермахта. Войскам Западного фронта под командованием генерала армии Жукова удалось остановить, а затем отбросить гитлеровских захватчиков на несколько сотен километров от столицы.

Из сообщения Совинформбюро 11 декабря 1941 года о провале немецкого плана окружения и взятия Москвы:

«С 16 ноября 1941 года германские войска, развернув против Западного фронта 13 танковых, 33 пехотных и пять мотопехотных дивизий, начали второе генеральное наступление на Москву.

Противник имел целью путем охвата и одновременного глубокого обхода флангов фронта выйти нам в тыл и окружить и занять Москву. Он имел задачу занять Тулу, Каширу, Рязань и Коломну на юге, далее занять Клин, Солнечногорск, Рогачев, Яхрому, Дмитров на севере и потом ударить на Москву с трех сторон и занять ее…

6 декабря 1941 года войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери…»

В битве за Москву Анна Камаева снова оказалась в самой гуще событий. Ее забросили в тыл немецких войск в ее родном Подмосковье для проведения диверсионных операций — уже по линии 4-го управления НКВД, которое возглавляли Павел Судоплатов и Наум Эйтингон. Анна являлась радистом одной из разведывательно-диверсионных групп, действовавшей в тылу врага.

Как отмечалось в рапорте командира ОМСБОН полковника Гриднева, «Камаева принимала активное участие в проведении специальных крупномасштабных диверсионных акций против немецко-фашистских войск на ближних подступах к Москве».

Когда непосредственная угроза захвата Москвы миновала, Камаева была отозвана в столицу и стала работать в центральном аппарате 4-го управления НКВД. С июля по декабрь 1942 года она училась в Свердловской школе НКВД, а затем была направлена на курсы иностранных языков при Высшей школе НКВД СССР в Москве. Здесь Камаева совершенствовала знания испанского, изучала португальский и чешский языки. Руководство разведки планировало использовать ее на нелегальной работе за рубежом.

В октябре 1944 года боевые пути-дороги разведчицы вновь пересеклись с дорогами, по которым ранее прошел Наум Эйтингон. Камаева была направлена в нелегальную резидентуру в Мексику, где вместе с другими советскими разведчиками-нелегалами готовилась к проведению дерзкой операции по освобождению из тюрьмы Рамона Меркадера. Вместе с товарищами по нелегальной резидентуре она разрабатывала план нападения на тюрьму. Однако в последний момент операция была отменена. В 1946 году Анна возвратилась в Москву.

После войны Анна Камаева вышла замуж за сотрудника разведки Михаила Филоненко. В течение трех лет продолжалась напряженная подготовка будущих нелегалов к работе в Латинской Америке. В октябре 1948 года супруги выехали на нелегальную работу. Они уходили на задание сотрудниками НКВД СССР, а вернулись в начале 1960-х годов уже сотрудниками КГБ.

Работа внешней разведки в начальный период Великой Отечественной войны также строилась по двум основным направлениям. Первое из них — активизация деятельности «легальных» и нелегальных резидентур с целью своевременного получения важной политической и военной информации, а также результативного проведения активных мероприятий.

Разведывательные аппараты внешней разведки органов госбезопасности в США, Англии, Турции, Швеции, Иране, Афганистане, Китае и ряде других стран (в общей сложности 96

«легальных» и нелегальных резидентур) были нацелены на сбор сведений по Германии, Италии, Японии и оккупированным ими странам. Главной задачей ставилось создание агентурных возможностей в правительственных учреждениях, промышленных и научных организациях, разведывательных и контрразведывательных службах этих государств.

Вторым основным направлением деятельности внешней разведки в военный период являлись формирование и заброска на оккупированную немцами советскую территорию разведывательно-диверсионных отрядов и групп.

Расскажем еще об одной операции, проведенной в первые месяцы войны Особой группой под руководством Судоплатова и Эйтингона.

С первых дней Великой Отечественной войны видная советская разведчица подполковник Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина была прикомандирована к Особой группе. Она также была причастна к созданию и заброске в тыл противника одной из первых разведывательных групп, работавшей, кстати, под необычным — церковным прикрытием.

Вот как об этом Зоя Ивановна вспоминала в своих мемуарах:

«Я узнала, что в военкомат обратился епископ Василий, в миру — Василий Михайлович Ратмиров, с просьбой направить его на фронт, чтобы «послужить Отечеству и защитить от фашистских супостатов православную церковь».

Я пригласила епископа к себе на квартиру. Беседовали несколько часов. Василий Михайлович рассказал, что ему 54 года. Сразу же после начала войны он был назначен Житомирским епископом. Но Житомир вскоре был занят немецкими оккупантами, и тогда его назначили епископом в Калинин. Он рвался на фронт и потому обратился в райвоенкомат.

Я спросила его, не согласится ли он взять под свою опеку двух разведчиков, которые не помешают ему выполнять долг архипастыря, а он «прикроет» их своим саном. Василий Михайлович подробно расспрашивал, чем они будут заниматься и не осквернят ли храм Божий кровопролитием. Я заверила его, что эти люди будут вести тайные наблюдения за врагом, военными объектами, передвижением войсковых частей, выявлять засылаемых к нам в тыл шпионов.

Епископ согласился:

— Если это дело серьезное, я готов служить Отчизне.

— В качестве кого вы сможете их «прикрыть»?

— В качестве моих помощников. Но для этого им надо основательно подготовиться.

Мы договорились, что я доложу своему руководству и на

следующий день мы встретимся.

Руководителем группы назначили подполковника внешней разведки Василия Михайловича Иванова (оперативный псевдоним «Васько»). Вторым членом группы стал Иван Васильевич Куликов (оперативный псевдоним «Михась»), 22-летний выпускник авиационного училища, являвшийся с начала войны сержантом истребительного батальона войск НКВД.

Владыка Василий каждый день у меня на квартире обучал их богослужению: молитвы, обряды, порядок облачения. Группа сложилась дружная, удачная. 18 августа 1941 года ее направили в прифронтовой Калинин. Службу они начали в Покровской церкви Пресвятой Богородицы, но 14 октября вражеская авиация разбомбила эту церковь, и епископ со своими помощниками перешли в городской собор».

Вскоре немцы заняли Калинин. Владыка Василий обратился к бургомистру с просьбой взять его и помощников на довольствие. Через переводчицу владыка объяснил местному фюреру, что при советской власти был посажен в тюрьму и отбывал наказание на Севере. Он подчеркнул, что его главной заботой является духовная жизнь паствы, ею он крайне озабочен, к этому обязывает его высокий духовный сан.

Молва о владыке Василии, столь ревностно пекущемся о своих прихожанах, быстро распространилась в городе. Жители потянулись к собору. А молодые, статные и красивые, отличавшиеся скромностью и строгостью нравов помощники владыки завоевывали симпатии людей, в особенности девушек.

Разведгруппа оперативно выполняла задания Центра. Разведчики налаживали связи с населением, выявляли пособников оккупантов, собирали материалы о численности и расположении немецких штабов, складов и баз с военным имуществом, вели учет прибывающих пополнений. Собранные сведения немедленно передавались в Центр через заброшенную к ним радистку-шифровальщицу Любовь Бажанову (оперативный псевдоним «Марта»).

Результаты работы разведгруппы были убедительными. Кроме переданных в Центр шифрованных радиодонесений «Васько» и «Михась» выявили две резидентуры и более тридцати агентов, оставленных гестапо в тылу советских войск, составили подробное описание тайных складов оружия.

Патриотический подвиг епископа Василия Ратмирова был высоко оценен. За то, что он проявил мужество и не бросил в трудный час свою паству, решением Синода он был рукоположен в высокий церковный сан архиепископа. Позже по указанию патриарха Алексия владыка Василий был назначен

архиепископом Смоленским. От советской разведки Василий Михайлович получил в знак благодарности золотые часы. «Васько», «Михась» и радистка «Марта» были награждены орденами «Знак Почета» и медалями «Партизану Отечественной войны» I степени.

С августа 1941 года руководство Особой группы при наркоме внутренних дел СССР принимало самое непосредственное участие в разработке штатов и положения о четырех отделах НКВД ряда союзных республик и областных УНКВД, в задачу которых входили формирование и организация боевой деятельности диверсионных групп, истребительных батальонов, а также партизанских отрядов.

В конце 1941 года по решению руководства НКВД Наум Эйтингон выехал в спецкомандировку за рубеж. В августе 1942 года возвратился в Москву.

Затяжной характер войны и оккупация немецко-фашистскими захватчиками большинства стран Европы, в том числе значительной территории европейской части СССР, потребовали от советских органов госбезопасности осуществления в более широких масштабах разведывательных и контрразведывательных мероприятий и развертывания диверсионной работы за линией фронта. В связи с этим 3 октября 1941 года вместо Особой группы при наркоме внутренних дел СССР был создан самостоятельный 2-й отдел НКВД СССР во главе с Судоплатовым.

С целью дальнейшего расширения зафронтовой работы органов госбезопасности 18 января 1942 года 2-й отдел НКВД СССР был преобразован в 4-е управление НКВД. Его начальник старший майор госбезопасности Павел Судоплатов одновременно являлся заместителем руководителя советской внешней разведки. 20 августа того же года майор госбезопасности Эйтингон был назначен заместителем начальника 4-го управления. Костяк управления составили кадровые сотрудники внешней разведки. Чекисты-разведчики сражались с врагами в составе разведывательно-диверсионных групп и партизанских соединений, добывали разведывательную информацию, осуществляли акции возмездия.

Из воспоминаний Павла Судоплатова: «При отборе чекистов на должности командиров партизанских отрядов прежде всего учитывалась их прошлая деятельность. В первую очередь назначали людей, имевших боевой опыт, которым пришлось не только участвовать в партизанской войне против белополяков в 1920-е годы, но и сражаться в Испании. В резерве была также большая группа чекистов, воевавших на Дальнем Востоке».

В годы Великой Отечественной войны более четырнадцати

тысяч оперативных работников и воинов-чекистов, в том числе 500 иностранцев, сражались в разведывательно-диверсионных группах и партизанских отрядах, сформированных ОМСБОН. В тылу противника действовали 2200 оперативных отрядов и групп. Диверсионно-разведывательные подразделения НКВД уничтожили 230 тысяч гитлеровских солдат и офицеров, подорвали 2800 вражеских эшелонов с живой силой и техникой, добывали важную военную, стратегическую и политическую информацию, которая имела большое значение для советского военного командования.

В период Великой Отечественной войны руководством Особой группы НКВД СССР, 2-го отдела НКВД СССР и 4-го управления НКВД — НКГБ СССР в Государственный Комитет Обороны, Ставку Верховного главнокомандования, командующим фронтами и видами вооруженных сил, руководителям министерств и ведомств, а также руководству военной разведки были направлены тысячи информационных сообщений. Приведем для наглядности тексты лишь трех таких сообщений, подготовленных Эйтингоном на основании данных, поступивших в Москву от разведывательно-диверсионных групп 4-го управления НКВД, действовавших на оккупированной советской территории: «Сообщение заместителя начальника 4-го управления НКВД СССР комиссара госбезопасности Н. И. Эйтингона № 4/8/1456 командующему авиацией дальнего действия генерал-полковнику А. Е. Голованову о местах скопления самолетов и войск противника от 10 июля 1943 года.

По данным нашей группы, действующей в тылу противника, на 10 июля с. г. на немецком аэродроме, расположенном в двух километрах южнее г. Барановичи, на месте бывшего советского аэродрома, скопилось свыше 500 самолетов, главным образом бомбардировщики.

В трех километрах восточнее аэродрома хранятся большие запасы бензина: на земле 300 тысяч двухсотлитровых бочек и под землей — четыре резервуара вместимостью по 15 тысяч тонн каждый.

Бывшие 23 советских склада, находящиеся северо-западнее скрещения железных дорог в Барановичах, за шоссе, забиты авиабомбами и снарядами.

Вокруг г. Барановичи установлено 30 зениток и несколько прожекторов. Железнодорожный узел г. Барановичи забит подвижными составами».

Думается, излишне говорить, что советская дальняя авиация успешно выполнила задачу по уничтожению самолетов и войск противника в данном районе оккупированной территории.

Из сообщения комиссара госбезопасности Эйтингона № 4/8/2296 командующему авиацией дальнего действия маршалу авиации Голованову от 12 августа 1943 года о месте расположения в районе Смоленска штаба группы армий «Центр»:

«Путем допроса военнопленных получены следующие сведения:

1. Военнопленный унтер-офицер авиации Анакер Карл, пилот отдельной бомбардировочной группы, взятый в плен 8 августа 1943 года в районе Орла, сообщил, что 28 июня с. г. *с* аэродрома в г. Орле, где располагалась его группа, он вылетел в г. Минск для получения запасных частей и канцелярских принадлежностей по маршруту: Орел — Брянск — Смоленск — Орша — Минск.

Перед вылетом Анакеру предложили нанести на карту новую запретную зону, расположенную между Смоленском и Оршей. Кроме того, дежурный по аэродрому устно предупредил его, что в случае отклонения при полете между Смоленском и Оршей от предписанного курса хотя бы на 100 метров он будет обстрелян с земли и подвергнется нападению истребителей.

После этого инструктажа Анакер расписался у дежурного в том, что о существовании указанной запретной зоны он предупрежден.

На аэродроме в Смоленске, где Анакер сделал промежуточную посадку, дежурный по аэродрому снова предъявил ему для ознакомления карту, на которой была нанесена запретная зона, и Анакер снова должен был расписаться о сделанном ему предупреждении.

По показаниям Анакера, запретная зона начинается примерно в 20 км на запад от Смоленска и тянется почти до г. Орши, то есть охватывает так называемый Катыньский лес. Южная граница зоны проходит в 5 км севернее железнодорожной линии Смоленск — Орша.

Согласно полученной инструкции на участке между Смоленском и Оршей он должен был держать курс строго вдоль линии железной дороги.

Судя по строгости инструкций в отношении этой зоны, военнопленный высказывает предположение, что в этом районе располагается крупный военный штаб, возможно штаб Центрального фронта. Далее он сообщает, что во время провокационной кампании немцев в апреле 1943 года о раскопках в Катыньском лесу запретной зоны в этом районе не было.

2. Военнопленный солдат 12-го пехотного полка 31-й пехотной дивизии Бауер Ганс, взятый в плен 2 августа 1943 года в районе г. Кромы, сообщил, что 22 июля с. г. маршевый батальон, в котором он служил, из г. Байрейта был направлен в район Орла

по маршруту Польша — Минск — Орша — Смоленск — Брянск. Проезжая через станцию Катынь (на участке Орша — Смоленск) 26 июля с. г., военнопленный заметил, что в 6 км от станции в сторону Смоленска от железной дороги в северо-восточном направлении отходит железнодорожная ветка.

На этой ветке в лесу, метрах в 150 от основной магистрали, стоял специальный поезд, окрашенный в зеленый цвет. Насколько Бауер мог заметить, поезд состоял из локомотива и 4-х вагонов обтекаемой формы. Вслед за локомотивом, а также в хвосте поезда помещались две бронеплощадки, на которых было установлено по одной батарее в составе четырех зенитных орудий каждая. Поезд охранялся солдатами «СС».

Далее в лесу, в 50 метрах за поездом, военнопленный видел новые домики и бараки немецкого типа. Было видно большое количество офицеров и солдат «СС».

По оценкам аналитиков 4-го управления НКВД, показания военнопленных в отношении строгих режимных ограничений в районе Смоленска соответствовали действительности. Дополнительными разведывательными мероприятиями было установлено, что в данном районе размещался штаб группы армий «Центр», а также многие другие управленческие и вспомогательные службы, склады с большим запасом военной техники и боеприпасов.

«Спецсообщение 4-го управления НКГБ СССР № 4/8/2160 в Разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии от 22 марта 1944 года:

Нашей оперативной группой, действующей в тылу противника, захвачен приказ президента «Белорусской центральной рады» Островского о создании так называемой «Белорусской краевой армии», на которую возлагаются задачи по борьбе с партизанами и охране коммуникаций.

Согласно приказу в Минском, Пинском, Барановичском, Слонимском, Вилейском, Глубоцком и Новогрудском округах должна быть проведена мобилизация рядового и командного состава.

На службу в «Белорусскую краевую армию» призываются все мужчины с 1898 по 1917 и с 1921 по 1924 годов рождения и все офицеры и подофицеры, независимо от того, в какой армии они раньше служили (царской, польской, советской, добровольческой) — офицеры в возрасте до 57 и подофицеры до 55 лет включительно. В случае уклонения от призыва приказ угрожает наказанием вплоть до расстрела.

Зам. начальника 4-го управления НКГБ СССР комиссар госбезопасности Эйтингон».

На 4-е управление НКВД — НКГБ возлагались задачи по организации в крупных городах на оккупированных территориях нелегальных резидентур, внедрению агентуры в оккупационные военные и административные органы, подготовке и заброске в тыл врага разведывательно-диверсионных групп, организации резидентур в районах, находящихся под угрозой захвата, обеспечению групп и агентов оружием, средствами связи и документами.

Помимо решения этих задач Наум Эйтингон сыграл, в частности, ведущую роль в реализации оперативных игр «Монастырь» и «Березино». Эти чекистские операции до сих пор считаются эталоном проведения стратегических радиоигр с противником и входят в учебники по подготовке разведчиков для спецслужб многих стран.

Операция «Монастырь»

В начале февраля 1942 года, когда немецкие войска впервые после начала Второй мировой войны потерпели сокрушительное стратегическое поражение в битве под Москвой, к немцам за линию фронта после специальной подготовки перешел в качестве эмиссара антисоветской подпольной организации «Престол» агент органов госбезопасности «Гейне» — Александр Петрович Демьянов.

Демьянов родился в 1910 году в знатной дворянской семье, в которой все мужчины традиционно были военными. Его прадед Антон Головатый был первым атаманом Кубанского казачьего войска, отец — есаулом казачьих войск, скончавшимся от ран в Первую мировую войну. Дядя Александра (младший брат отца) в годы Гражданской войны руководил белогвардейской контрразведкой на Северном Кавказе.

Мать Демьянова, выпускница Бестужевских курсов, происходила из знатного княжеского рода и в предреволюционные годы считалась «одной из самых ярких красавиц аристократических гостиных Петрограда». После Гражданской войны она отказалась эмигрировать во Францию.

До 1914 года Демьянов проживал за границей. После революции поступил в Петроградский политехнический институт, однако через некоторое время был отчислен «по происхождению». Работал электриком.

В 1929 году переехал в Москву и был завербован Секретно-политическим отделом ОГПУ. Использовался контрразведкой для разработки связей оставшихся в Советском Союзе лиц

дворянского происхождения с зарубежной эмиграцией. В Москве Александр Демьянов работал в Главкинопрокате, был знаком со многими известными актерами театра и кино. Часто бывал на бегах, держал в Манеже собственную лошадь и был широко известным человеком среди московской богемы.

Выбор «Гейне» в качестве подставы гитлеровским спецслужбам не был случайным: к моменту нападения фашистской Германии на Советский Союз он уже был опытным агентом. Из характеристики на секретного сотрудника «Гейне», относящейся к середине 1930-х годов: «Надежный, способный и абсолютно честный во взаимоотношениях с органами госбезопасности работник. Он научился концентрировать волю, отличается активным восприятием жизни, умением глубоко проникать в психологию людей. Обладает великолепной памятью, молниеносной реакцией, способностью самостоятельно принимать решения».

Еще в довоенный период «Гейне» вышел на представителей германской торговой миссии в Москве и в разговоре с ними назвал ряд фамилий русских эмигрантов, поддерживавших контакт с его семьей в предреволюционный период. Германская разведка заинтересовалась «Гейне» и стала вести его разработку. Абвер присвоил ему псевдоним «Макс».

В поле зрения органов государственной безопасности в предвоенное время находились некоторые представители русской аристократии: бывший предводитель Дворянского собрания Нижнего Новгорода Глебов, поэт Садовский, член-корреспондент Академии наук СССР Сидоров и некоторые другие. В свое время они учились в Германии, были известны немецким спецслужбам, а в Москве жили на территории Новодевичьего монастыря, где нашли прибежище потомки некогда знаменитых дворянских родов. Немцы проявляли интерес к этим лицам. Им, в частности, было известно, что поэт Садовский, практически не издававшийся в СССР, написал большую поэму в честь «немецких войск, освободителей Европы».

В июле 1941 года руководство 4-го управления НКВД приняло решение с помощью агентуры создать из этих и других лиц легендированную прогерманскую подпольную церковно-монархическую организацию «Престол» и внедрить в нее агента «Гейне» с дальнейшим выводом его в Германию. Операция получила кодовое название «Монастырь».

В феврале 1942 года «Гейне» был доставлен на фронт в районе Можайска. Войсковая разведка перебросила его на нейтральную полосу, которая, как оказалось позже, была немцами заминирована. С рассветом «Гейне» встал на лыжи и направился к

немцам с белым флагом. Только по счастливой случайности он не подорвался на минах.

Сам «Гейне» о переходе нейтральной полосы писал так: «Когда я добежал до бруствера, немцы помогли мне перебраться, и один из них, отведя в укрытие, попросил по-русски немного подождать. Затем последовала серия непрерывных допросов, днем и ночью. Я находился под неустанным наблюдением. Меня привели в блиндаж к майору. Тот по-русски спросил меня, почему я предал Родину. Остро резанул его взгляд, полный холодного презрения, взгляд кадрового офицера, типичного тевтонца, гордого своим превосходством. Он демонстративно встал из-за стола, когда капитан усадил меня пить чай, брезгливо бросил реплику «предатель Родины» и вышел. Затем меня увезли в штаб».

«Гейне» рассказал немцам о существовании в Москве монархической организации, которая желает установить связь с немецким командованием и выполнять его задания.

Далее «Гейне» писал в отчете:

«При вторичном допросе, на котором присутствовало много офицеров разных рангов, меня засыпали вопросами: кто послал, кто член организации, как я добрался, когда ходят поезда на Можайск, кто моя жена, ее отец, их адреса. Я утверждал версию, что идеологические противники советской власти объединены в организацию «Престол». Их цель — борьба с коммунизмом. Мне был поставлен ультиматум: если я скажу правду, то сохраню жизнь и буду находиться до окончания войны в концлагере. Дали полчаса на размышление. Пригрозили «третьей степенью» пыток.

Меня вывели в другую комнату, где стояло несколько коек, по стенам висело оружие. Проверка продолжалась — можно было покончить с собой, не дожидаясь пыток. Я лег и заснул. Разбудил стук сапог и удары прикладов. Три солдата с винтовками вывели меня во двор и поставили к стене сарая.

На крыльце появилось несколько офицеров, которые оживленно разговаривали. Меня спросили, буду ли я говорить, на что я ответил: «Я сказал правду». Офицер дал команду — раздались выстрелы из нескольких винтовок, и веер щепок посыпался на меня. Понял: еще жив. Немцы смеялись.

Меня проводили в ту же комнату, где допрашивали. Там был накрыт и сервирован стол. Старший по званию офицер радушно пригласил: «Господин Александр, коньяк, водочка. За успех. Будем вместе работать. Вам некоторое время придется побыть в Смоленске, куда мы отправим вас завтра». Начался инструктаж. Он подействовал на меня как шпоры на скакуна. Значит, игра началась».

Как видим, разведчик держался стойко, и немцы сделали вид,

что ему поверили.

Однако проверка «Гейне» продолжалась. Он был отправлен в Смоленск. Его поместили в концлагерь вместе с предателями и изменниками родины. В лагере продолжались допросы «перебежчика». Офицеры абвера постоянно интересовались историей его перехода через линию фронта, проверяли знания в области радио- и электротехники.

Вскоре «Гейне» перевели на городскую квартиру в Смоленске, где два инструктора занимались его подготовкой в качестве агента абвера. Под их руководством он изучал тайнопись, шифровальное и радиодело. Впоследствии Александр Демьянов вспоминал, что труднее всего ему было скрывать свое умение бегло работать на телеграфном ключе.

Через некоторое время состоялась встреча «Гейне» с высокопоставленным представителем абвера, который сообщил, что скоро его отправят обратно в Москву с заданием по подрывной работе в столице. Были уточнены некоторые детали задания, способы и время связи. Условились, что курьеры, прибывающие в Москву, будут приходить к его тестю, профессору медицины, практикующему на дому, а тот, в свою очередь, будет связывать их с «Гейне» (тесть был посвящен в задачи, выполняемые «Гейне», и дал согласие оказывать органам всестороннюю помощь).

После этой беседы «Гейне» переправили в Минск, откуда он должен был вылететь самолетом через линию фронта, выпрыгнуть с парашютом, а дальше добираться до Москвы. В Минске его поселили на частной квартире, в которой проживали несколько соседей, и в течение трех дней не беспокоили, оставив одного. Это тоже был один из элементов проверки разведчика со стороны гитлеровских спецслужб. В частности, под окнами квартиры постоянно прогоняли группы людей, жестоко избивая их при этом. «Соседи» поясняли, что на казнь ведут очередную группу партизан, а сами внимательно следили за его реакцией.

15 марта 1942 года за «Гейне» пришла машина. Его отвезли на аэродром, выдали деньги для организации «Престол» и посадили в самолет.

Приземлился «Гейне» на парашюте в лесу около районного центра Арефино Ярославской области. Захватившим «Гейне» в плен красноармейцам он сообщил свой оперативный псевдоним и попросил немедленно связаться с Москвой. Из Москвы поступило распоряжение доставить разведчика в Ярославль. Там он находился некоторое время, а затем в сопровождении сотрудников госбезопасности прибыл в Москву. Две недели потребовались для написания подробного отчета. «Гейне» не

выходил из дома, так как было не исключено, что немцы могли проверить, когда он вернулся. А слишком быстрое возвращение могло вызвать подозрение. Через две недели «Гейне» вышел в эфир и передал немцам первую дезинформацию, подготовленную Генеральным штабом Красной армии.

Для закрепления положения в германской разведке «Гейне» устроили на службу в качестве младшего офицера группы связи в Генштаб РККА при Маршале Советского Союза Борисе Михайловиче Шапошникове, о чем было сообщено немцам.

Первоначально операция «Монастырь» планировалась в виде радиоигры, как средство выявления лиц, сотрудничавших с немцами. Однако вскоре переросла в важнейший канал дезинформирования противника. Радиотехническое обеспечение операции было поручено сотруднику 4-го управления Вильяму Генриховичу Фишеру, ставшему известным в конце 1950-х годов как Рудольф Иванович Абель.

В течение первых нескольких месяцев органы госбезопасности сознательно избегали ставить перед немцами какие-либо оперативные вопросы, чтобы усыпить их бдительность. Только в августе 1942 года им было передано, что имеющийся у организации «Престол» передатчик пришел в негодность и требует замены. Вскоре в Москву пожаловали курьеры абвера. 24 августа 1942 года они пришли к тестю «Гейне», а затем встретились и с ним. Курьерами оказались предатели Станкевич и Шакуров. Они вручили «Гейне» новую рацию, батареи, блокноты для шифрования и деньги. Одеты они были в советскую военную форму и прибыли в Москву для совершения ряда диверсий.

К вечеру Эйтингоном был отдан приказ усыпить курьеров. Пока курьеры спали, их сфотографировали, обыскали, заменили патроны в револьверах на холостые. Утром им дали возможность погулять по Москве под плотным наружным наблюдением, а затем одного из них арестовали на вокзале, когда он пытался подсчитать воинские эшелоны. Второй курьер был арестован на дому у женщины, с которой он успел познакомиться.

«Гейне» сообщил немцам по рации, что Станкевич и Шакуров благополучно прибыли, но новую рацию не доставили, так как она якобы была повреждена при приземлении. 7 октября 1942 года абвер забросил еще двух курьеров, которые без лишнего шума были арестованы органами госбезопасности. «Гейне» информировал немцев, что и эти курьеры благополучно прибыли и приступили к выполнению задания. В дальнейшем радиоигра с немцами велась по двум линиям: по радиостанции «Гейне» от имени монархической организации «Престол» и по рации

прибывших 7 октября 1942 года диверсантов, которые были перевербованы органами государственной безопасности. Руководство 4-го управления учитывало тот факт, что прибывшие первыми агенты Станкевич и Шакуров имели указание вернуться назад. Было принято решение скомпрометировать одного из них. «Гейне» сообщил немцам по радио, что Шакуров «трусит, много пьет и становится для нас опасным». Абвер приказал его ликвидировать.

12 октября 1942 года немцы предложили «Гейне» передать сведения о месте работы членов организации «Престол». Агент ответил, что члены его организации работают в Москве и некоторых других городах. Абвер заинтересовало наличие членов организации в Ярославле, Муроме и Рязани. Немцы потребовали переслать им адреса и пароли для связи с этими лицами. Чтобы не вызвать подозрений, им было сообщено, что в названных городах организация «Престол» своих людей не имеет, однако располагает возможностью принять курьеров в Горьком. Немцы запросили адрес явочной квартиры и пароль. Игра с гитлеровской военной разведкой расширялась.

Руководство абвера и СД полностью доверяло «Гейне». 18 декабря 1942 года разведчику была передана шифровка из Берлина о том, что за особые заслуги он и Станкевич (к тому времени перевербованный советской контрразведкой и принимавший активное участие в операции «Монастырь») награждены немецким командованием орденом «Железный крест» с мечами за храбрость.

О «Гейне» как о лучшем немецком агенте в советском Генеральном штабе писали в своих мемуарах один из руководителей абвера Райнхард Гелен (впоследствии — директор западногерманской разведывательной службы БНД), а также начальник VI управления РСХА (СД — внешняя разведка) Вальтер Шелленберг.

Вскоре «Гейне» информировал немцев, что его организация приобрела еще одну явочную квартиру. На самом деле в ней проживал сотрудник НКВД. Курьеры абвера все чаще прибывали в Советский Союз. Их встречали не только в Москве, но и в других городах, в том числе в Горьком, Свердловске, Челябинске, Новосибирске. Одному из курьеров даже разрешили вернуться обратно, чтобы подтвердить, что организация «Престол» работает под контролем абвера.

Между тем руководством НКВД было принято решение об активизации радиоигры с противником.

Радиостанции «Гейне» и Станкевича продолжали передавать «важную стратегическую информацию», которая на самом деле

готовилась в Генеральном штабе Красной армии с целью дезинформации германского военного командования. Среди сведений, передаваемых за линию фронта, были донесения о «важнейших решениях» Ставки, данные о совещаниях у маршала Шапошникова и другая информация. Шифровки «Гейне» высоко ценились в отделе «Иностранных армий Востока» генерального штаба сухопутных сил Германии и учитывались при планировании операций на Восточном фронте.

«Гейне» активно передавал выгодные советскому командованию сведения о железнодорожных перевозках воинских частей, боеприпасов и военного снаряжения. Для подтверждения фактов о якобы проведенных организацией «Престол» диверсиях чекистами были организованы соответствующие публикации в прессе. Приходилось даже имитировать акты вредительства на железных дорогах страны, в частности под городом Горьким. В отдельных случаях, когда это было выгодно советскому командованию, «Гейне» передавал немцам и настоящую информацию определенного целевого назначения. В ее подготовке принимал непосредственное участие начальник оперативного управления Генерального штаба генерал С. М. Штеменко. Некоторые важные операции Красной армии на фронте действительно осуществлялись, как и сообщал «Гейне», но имели отвлекающее, вспомогательное значение.

Характерными в этом отношении стали дезинформационные мероприятия, проведенные через «Гейне» в преддверии Сталинградской и Орловско-Курской операций.

Так, накануне контрнаступления под Сталинградом Ставка Верховного командования довела до немцев стратегическую дезинформацию относительно направления главного удара Красной армии на Западном фронте. При разработке и подготовке Сталинградского котла Сталин пригласил 13 ноября 1942 года в Кремль членов политбюро и членов Государственного Комитета Обороны. На этом совещании присутствовали также генералы Василевский и Жуков. При обсуждении плана контрнаступательной операции Жуков и Василевский обратили внимание присутствующих на то, что германское командование может перебросить в район Сталинграда на помощь группировке Паулюса часть своих войск из района Вязьмы. Чтобы этого не случилось, необходимо было дезинформировать германское командование относительно направления удара Красной армии, сделав вид, что наступление на советско-германском фронте планируется осуществить в районе Ржевского выступа.

На Жукова возлагалась задача подготовить наступление Калининского и Западного фронтов, чтобы убедить немцев, что

именно здесь наносится главный удар. Действительно, появление Жукова на Западном фронте дезориентировало немецкое военное командование, которое сочло, что именно здесь Красная армия планирует перейти в контрнаступление. Более того, сосредоточение стратегических резервов Красной армии в районе Москвы также укрепило немцев в этой мысли. На самом деле задача Жукова была более скромной: сковать силы немцев на этом участке советско-германского фронта. Для перехода в контрнаступление у него не было достаточных сил и средств.

Германское командование стало срочно усиливать группировку своих войск в районе Ржевского выступа. Предупрежденные «Гейне» о том, что Красная армия готовит удар именно под Ржевом, немцы предприняли меры по его отражению, а с началом Сталинградской наступательной операции оказались не в состоянии перебросить из-под Ржева войска на помощь окруженной группировке генерал-фельдмаршала Паулюса. Сражение под Ржевом носило ожесточенный и затяжной характер, хотя контрнаступления здесь, как уже отмечалось, не планировалось.

В наши дни отдельные средства массовой информации пытаются доказать, что Жуков под Ржевом потерпел поражение. Но Жуков сумел блестяще выполнить поставленную перед ним задачу, сковав в районе Ржевского выступа немецкие войска, и тем самым способствовал их разгрому под Сталинградом. Следует отметить, что только под Сталинградом армии фашистского блока потеряли до полутора миллиона человек, то есть четверть всех сил, действовавших тогда на Восточном фронте.

Относительно летней кампании 1943 года «Гейне» информировал немцев о том, что советское командование планировало осуществить военные операции к северу от Курска и на Южном фронте. В результате переход советских войск в районе Курска и Орла к стратегической обороне, а затем к наступлению оказался для немцев неожиданным.

Интересно отметить, что стратегическая дезинформация, передававшаяся советскими разведчиками для гитлеровского командования в ходе операции «Монастырь», подчас возвращалась в органы госбезопасности от их источников в абвере и британской разведке. Так, в 1942 году внешней разведке в одной из оккупированных немцами стран удалось наладить непродолжительное, но весьма продуктивное сотрудничество с одним из руководителей шифровальной службы абвера полковником Шмитом. До своего провала он успел передать нам ряд ценных разведывательных материалов абвера, полученных из

Москвы. При анализе этих материалов было установлено, что они являются информационными сообщениями «Гейне».

Кроме того, британская разведка, имевшая свою агентуру в абвере, также получала по своим каналам материалы «Гейне», которые возвращались в Москву в виде агентурных донесений от члена «Кембриджской пятерки» Энтони Бланта. Англичане настолько уверовали в то, что абверу удалось завербовать агента в окружении маршала Шапошникова, что даже Черчилль сообщил Сталину в 1943 году, что в Генштабе Красной армии есть немецкий агент.

Объем шифрованной переписки «Гейне» с абвером, включавшей помимо информационных материалов множество запросов и ответов по организационно-оперативным вопросам, составил три объемных, ныне архивных, тома.

Оперативная игра «Монастырь» продолжалась до конца Великой Отечественной войны. В ходе операции органами государственной безопасности было арестовано более пятидесяти агентов абвера и семь пособников противника, а также получено несколько миллионов рублей на деятельность легендированной организации «Престол».

За успешное содействие стратегическим операциям Красной армии руководители операции «Монастырь» Павел Судоплатов и Наум Эйтингон были награждены полководческими орденами Суворова II степени, что в системе органов государственной безопасности было единственным случаем. Сам «Гейне» — Александр Петрович Демьянов — получил орден Красной Звезды, а его жена и тесть — медали «За боевые заслуги».

Но эти награждения последовали уже в ноябре 1945 года. А пока наступил 1944 год. Война шла к концу, Красная армия подходила к государственной границе СССР. Близилась к завершению и одна из наиболее удачных операций разведывательных органов государственной безопасности военного периода — операция «Монастырь». Однако на совещании с руководством государственной безопасности, состоявшемся в Кремле 4 апреля 1944 года, председатель Государственного Комитета Обороны и Верховный главнокомандующий И. В. Сталин предложил наркому государственной безопасности Меркулову и начальнику диверсионно-разведывательного управления НКГБ Судоплатову изучить вопрос о продолжении радиоигры с противником и расширении ее рамок.

Первоначально чекистами обсуждалась возможность заслать к немцам координатора от «Престола». Прорабатывался также вопрос о повторном направлении «Гейне» за линию фронта. Сам

«Гейне» предлагал направить одного из якобы активных членов организации «Престол» в качестве переводчика Красной армии в лагерь немецких военнопленных, с тем чтобы в дальнейшем организовать его «побег» совместно с несколькими немецкими офицерами. Явившись к немцам, этот переводчик должен был создать условия для более активной связи «Гейне» с абвером.

Операция «Монастырь» была продолжена. Теперь основные ее усилия были направлены на проведение дезинформационных мероприятий в отношении противника с целью достижения стратегических преимуществ на заключительной стадии Великой Отечественной войны.

В начале августа 1944 года «Гейне» был включен в новую оперативную игру с немецким командованием, разработанную органами государственной безопасности и получившую кодовое название «Березино». В очередной шифровке он информировал немецкую разведку о том, что переведен из группы связи Генштаба Красной армии в технические части с присвоением звания инженер-капитана. В связи с этим ему требовалась еще одна рация для продолжения связи из Москвы, где его функции будет выполнять другой радист, подготовленный организацией «Престол». Свою рацию он берет с собой и свяжется с ними из тех мест, где будет находиться по долгу службы. Таким образом, связь с абвером по линии операции «Монастырь» не прекращалась, а введение «Гейне» в новую оперативную игру обеспечивалось надежно и быстро.

Операция «Березино»

Итак, в начале августа 1944 года «Гейне» был подключен к проведению новой оперативной игры с немецким военным командованием.

А начиналась оперативная игра «Березино» так.

Летом 1944 года «Гейне» был командирован в освобожденный Минск. Вскоре он сообщил в Москву, что, по некоторым сведениям, в белорусских лесах скрываются попавшие в окружение разрозненные группы немецких солдат и офицеров, что соответствовало действительности. После осуществления наступательной операции «Багратион» военнослужащие разгромленных немецких частей в массовом порядке выходили на магистральные шоссе, складывали оружие и сдавались в плен.

Это обстоятельство было использовано руководством 4-го управления НКГБ СССР для продолжения радиоигры с немцами. По согласованию с Генштабом было решено довести до немецкого

командования информацию о том, что в тылу Красной армии действуют остатки немецких войск, попавшие в окружение в ходе ее наступления. Замысел заключался в том, чтобы ввести германское командование в заблуждение, заставить его использовать свои ресурсы на поддержку этих частей и побудить их сделать серьезную попытку пробиться к своим. В данном случае немцы были бы вынуждены открыть на одном из участков фронта проход для «окруженцев», в который можно было бы ввести заранее подготовленное и соответствующим образом экипированное соединение Красной армии.

18 августа 1944 года «Гейне» передал немцам информацию о том, что в Белоруссии в районе реки Березины скрывается крупная немецкая воинская часть численностью более двух тысяч человек, потерявшая связь со своим командованием и испытывающая нужду в продовольствии, медикаментах и боеприпасах. Немецкие солдаты и офицеры стремятся прорваться за линию фронта.

Командование вермахта приняло решение оказать помощь своим военнослужащим, попавшим в беду. Таким образом, операция «Березино» явилась логическим продолжением операции «Монастырь». Возглавлять комплекс оперативных мероприятий данной операции, включая координацию действий с белорусскими чекистами, было поручено заместителю начальника диверсионно-разведывательного управления НКГБ СССР полковнику Науму Эйтингону.

По инициативе Эйтингона была сформирована специальная оперативная группа сотрудников 4-го управления НКГБ, которая выехала в район населенного пункта Березино. Членам группы поручалось подобрать подходящее место из числа бывших партизанских баз, где якобы укрывается легендируемая немецкая воинская часть. Необходимо было подготовить площадки для приема грузов и парашютистов, а также на случай возможного приземления немецких самолетов. Оперативной группе предстояло также обеспечить встречу немецких десантников, в том числе и радистов, принимать сброшенные немцами грузы и осуществлять другие мероприятия, связанные с проведением операции.

Помимо кадровых чекистов в оперативную группу были включены агенты-немцы из числа бывших военнопленных, одетые в форму германской армии, 20 бойцов-автоматчиков Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКГБ СССР и военнопленный немецкой армии подполковник Шерхорн, которому предстояло сыграть роль командира легендированной воинской части.

Из оперативной справки:

«Подполковник Генрих Шерхорн, кадровый офицер, по профессии администратор коммунального имущества. Член НСДАП с 1933 года.

Командовал охранным полком одной из дивизий, входивших в состав группы немецких армий «Центр». Взят в плен 9 июля 1944 года в районе Минска. В период пленения был настроен пессимистично, в победу Германии не верил.

Завербован органами государственной безопасности. Оперативный псевдоним — «Шубин».

Молодой оперативный сотрудник внешней разведки Игорь Щорс, который был прикомандирован в то время к 4-му управлению НКГБ и непосредственно вел агентурное дело «Березино», позже вспоминал, как в лагере военнопленных в Красногорске под Москвой он отобрал среди прочих кандидатов именно Шерхорна и как сам перевез его из Красногорска в Москву во внутреннюю тюрьму на Лубянке без конвоя, за что и получил нагоняй от начальства.

Из материалов оперативного дела на «Шубина» следует, что вербовал его лично начальник диверсионно-разведывательного управления НКГБ СССР генерал-лейтенант Судоплатов в своем кабинете.

На роль командира легендированной части Шерхорн был выбран в связи с тем, что его охранный полк и он сам были мало известны в вермахте, что позволяло Центру использовать его в оперативной игре с противником.

Специальная оперативная группа 4-го управления НКГБ оборудовала расположение легендированной немецкой части во главе с Шерхорном на бывшей партизанской базе на восточном берегу озера Песочное, у деревни Глухое Червенского района Минской области.

Ответа из Берлина долго не было. Как стало известно позже, получив телеграмму «Гейне», германское командование дало указание контрразведке тщательно проверить по своим каналам личность подполковника Шерхорна. В случае положительных результатов планировалось использовать подразделение известного диверсанта Отто Скорцени, который намеревался под видом рабочих батальонов военнопленных передислоцировать свой отряд к линии фронта со стороны советских войск и совместно с отрядом Шерхорна ударить в тыл частям Красной армии. Однако на начальном этапе от этого варианта решили отказаться.

В конечном итоге было принято решение сделать на «окруженцев» ставку как на возможный будущий очаг военных

действий в тылу Красной армии в случае, если удастся остановить тотальное советское наступление, а пока использовать их для диверсий на армейских коммуникациях и разнообразных мелких ударов тактического характера.

25 августа 1944 года «Гейне» получил ответную телеграмму следующего содержания: «Благодарим за ваши сообщения. Просим связаться с этой немецкой частью. Мы намерены сбросить для них различный груз. Мы также могли бы послать радиста, который мог бы оттуда связаться со здешними руководящими органами. Для этого мы должны знать местонахождение этой части, чтобы наш радист мог найти ее, и место, подходящее для сброски груза.

Этой части нужно было бы сообщить о прибытии к ним радиста, чтобы он не был задержан, так как придет в обмундировании Красной Армии.

Пароль — Ганновер».

В тот же день в район озера Песочное для руководства операцией на месте выехала группа из шестнадцати ведущих оперативных сотрудников 4-го управления НКГБ во главе с Эйтингоном. В ее состав входили, в частности, опытные сотрудники внешней разведки полковники Михаил Маклярский, Георгий Мордвинов и Яков Серебрянский, а также майор Вильям Фишер. Группе были приданы дополнительно десять надежных агентов из числа немцев, которые должны были принимать парашютистов в качестве солдат «подразделения» Шерхорна.

«Гейне» начал действовать. Для абвера он пользовался легендой, что в последнее время был прикомандирован к 51-му отдельному дорожно-строительному отряду, расположенному в местечке Березино, что в 100 километрах западнее города Могилева. Уже 7 сентября 1944 года он направил немцам радиограмму об «установлении контакта с воинской частью подполковника Шерхорна», сообщил ее координаты и подтвердил пароль «Ганновер». Одновременно им были переданы некоторые биографические данные Шерхорна для подтверждения легенды встречи с ним. «Гейне» также информировал Берлин, что для сброски грузов и посадки самолетов «окруженцы» подобрали в районе озера Песочное удобную площадку — бывший партизанский аэродром, о котором немцам было известно в период оккупации Белоруссии.

Об информации «Гейне» было доложено Гитлеру и Герингу, которые дали указание сообщить Шерхорну, что со стороны Берлина будет предпринято все возможное для спасения его отряда, и распорядились оказывать отряду всемерную помощь боеприпасами, продуктами и медикаментами.

В ночь на 16 сентября 1944 года чекистами были задержаны два парашютиста, которые на допросе рассказали, что по приказу штаба группы армий «Центр» были направлены для установления связи с окруженной немецкой воинской частью. В дальнейшем немецкое командование неоднократно забрасывало своих военнослужащих в советский тыл для оказания помощи «немецкой группе в Белоруссии», регулярно направляло ей продовольствие и боеприпасы. Прибывавшие сотрудники абвера перевербовывались чекистами и включались в радиоигру с немецким командованием под контролем сотрудников оперативной группы.

В конце сентября 1944 года командующему группой немецких армий «Центр» генерал-полковнику Рейнгарду была доложена очередная информация, полученная от «Гейне». Согласно содержавшимся в ней сведениям часть подполковника Шерхорна насчитывала более полутора тысяч человек, включая 200 русских — бывших полицейских, спасавшихся от возмездия. Отряд Шерхорна разбит на группы в целях мобильности и скрытности действий. Группы под командованием майора Диттмана, подполковников Шиффера, Михаэлиса и Эккардта (на самом деле все они были завербованы чекистами) продвигаются к линии фронта для соединения с частями вермахта.

С декабря 1944 года связь с вермахтом осуществлялась уже по трем каналам. Чтобы не допустить посадки немецких самолетов в районе дислокации легендированной части, «Гейне» по заданию Эйтингона направлял германскому командованию сообщения о мнимых боевых столкновениях отряда Шерхорна с подразделениями Красной армии. В начале марта 1945 года «Гейне» радировал в абвер о выходе передовых групп отряда подполковника Шерхорна к границе с Литвой. Для обеспечения продвижения «соотечественников» в Восточную Пруссию командование вермахта направило Шерхорну большую группу своих агентов, состоявшую из поляков, которые по прибытии в СССР были арестованы сотрудниками НКГБ.

Верховное командование германской армии периодически присылало лично Шерхорну, а также солдатам и офицерам его «части» поздравления с праздниками и благодарности за службу. Однажды с грузом боеприпасов были присланы боевые награды — Железные кресты с незаполненными бланками удостоверений к ним. Шерхорну предоставлялось право по своему усмотрению наградить отличившихся.

Как рассказывали позже очевидцы, заместитель руководителя оперативной группы полковник Георгий Мордвинов построил одно из подразделений обеспечения операции в две шеренги и

раздал Железные кресты первой из них. Затем отдал команду «кругом» и, когда строй повернулся, приказал шеренге с крестами прикрепить их к штанам впередистоящих в районе мягкого места. «До конца дня так и ходить, не снимать!» — перед тем как распустить строй, отдал последнее распоряжение Мордвинов.

Присутствовавший при этом Эйтингон, которого Мордвинов не посвятил в свое намерение перед построением, хохотал — не мог остановиться.

28 марта 1945 года подполковник Шерхорн получил телеграмму, подписанную начальником штаба немецких сухопутных войск генерал-полковником Гудерианом, в которой говорилось, что ему присвоено звание полковника и что он награжден Рыцарским крестом 1-й степени. Одновременно ему было приказано прорываться со своей частью через линию фронта, а затем следовать в Польшу и Восточную Пруссию. Однако войска Красной армии стремительно продвигались на Запад, и «часть» Шерхорна никак не могла их «догнать» — бои шли уже на территории Германии.

1 мая 1945 года немцы сообщили Шерхорну, что Гитлер погиб, а 5 мая по всем радиостанциям, участвовавшим в оперативной игре «Березино», передали последнюю радиограмму: «Превосходство сил противника одолело Германию. Готовое к отправке снабжение воздушным флотом доставлено быть не может. С тяжелым сердцем мы вынуждены прекратить оказание вам помощи. На основании создавшегося положения мы не можем также больше поддерживать с вами радиосвязь. Что бы ни принесло нам будущее, наши мысли всегда будут с вами, которым в такой тяжелый момент приходится разочаровываться в своих надеждах».

Это был конец оперативной игры.

Из архивной справки по делу «Березино», составленной 8 марта 1947 года, следовало:

«Агентурное дело «Березино» заведено в сентябре 1944 года в целях радиоигры с немецкими разведорганами и верховным командованием германской армии о наличии якобы крупных соединений немецко-фашистских войск в районе Березино Белорусской ССР.

Для поддержания морального и боевого духа своих солдат и офицеров в советском тылу германское главное командование систематически перебрасывало в указанный район с самолетов свою агентуру и различные грузы.

Так, с сентября 1944 года по май 1945 года немцами в советский тыл было совершено 39 самолето-вылетов и выброшено 22 германских разведчика, которые были арестованы 4-м

управлением НКГБ СССР, 13 радиостанций, 255 мест груза с вооружением, боеприпасами, обмундированием, медикаментами, продовольствием и один миллион семьсот семьдесят семь тысяч рублей советских денег.

Агентурное дело «Березино» состоит из 117 томов и двух альбомов, в которых сосредоточены материалы, относящиеся к этому делу».

В начале 1950-х годов Генрих Шерхорн и его помощники из числа немецких военнопленных были освобождены и выехали в ГДР.

Александр Петрович Демьянов, как и до войны, жил в Москве и был связан с кинопрокатом. Скончался он в 1975 году от инфаркта и похоронен на Немецком кладбище.

5 ноября 1945 года указом Президиума Верховного Совета СССР Науму Исааковичу Эйтингону за успешно проведенную операцию «Березино» было присвоено звание генерал-майора.

Глава седьмая
В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Наум Эйтингон рисковал головой не только в боевых командировках, но и тогда, когда упорно отстаивал свое мнение профессионала в кругу вождей и начальников. Сегодня мы оцениваем деяния таких отважных сорвиголов без ссылок на обстоятельства, но с поправкой на эпоху. У Эйтингона доставало мудрости, чтобы не думать о славе. И терпения, столь необходимого в интеллектуальных схватках на тайной войне с весьма достойным противником — иностранными разведками.

Олег Капчинский, историк советских спецслужб

Еще в годы Великой Отечественной войны советская разведка инициировала начало работ в Советском Союзе по созданию атомного оружия.

Разведка и «атомный проект»

В конце 1941 года, когда немцы стояли у ворот Москвы, из Лондона от «Кембриджской пятерки» поступила информация о том, что США и Англия приняли решение координировать свои усилия в работе по атомной энергии с целью создания сверхмощного оружия — «урановой бомбы». Позднее из Лондона поступили сведения о том, что Черчилль и Рузвельт договорились строить атомные объекты в США, поскольку Англия подвергалась постоянным налетам германской авиации.

Однако первоначально в Москве не придали особого значения информации внешней разведки. Шла жестокая война, страна, обливаясь кровью, в одиночку отражала нашествие фашистских полчищ. В этих условиях Берия посчитал, что сведения о работах в США и Англии над созданием «сверхоружия»

призваны лишь отвлечь внимание Советского Союза от нужд обороны.

Положение изменилось только в 1942 году.

28 сентября 1942 года было принято постановление ГКО № 2352 «Об организации работ по урану». В том же году была создана так называемая лаборатория № 2 Академии наук СССР, которой поручалось заниматься вопросами атомной энергии и в первую очередь — созданием атомного оружия. Возглавил лабораторию Игорь Васильевич Курчатов.

В июле 1943 года последовало специальное постановление ГКО СССР о начале работ над атомным оружием в нашей стране. Одновременно были определены и задачи внешней разведки по данному вопросу. Руководителем советского атомного проекта стал Курчатов. Лично ему без задержки направлялись все полученные разведкой сведения по этой проблеме. Куратором этой работы со стороны органов государственной безопасности был назначен Берия.

Работы в США над созданием атомного оружия проводились в американском секретном атомном центре в Лос-Аламосе, где трудились 45 тысяч гражданских лиц и несколько тысяч военнослужащих. Разработкой «атомного проекта» там занимались 12 лауреатов Нобелевской премии в области физики из США и стран Европы. Сам Лос-Аламос являлся закрытым городом со строжайшим режимом секретности. Тем не менее разведке органов государственной безопасности, в частности ее нью-йоркской резидентуре, удалось проникнуть в тайны американских ядерных лабораторий.

В 1944–1945 годах нью-йоркская резидентура поддерживала устойчивый оперативный контакт с выдающимся физиком, членом компартии Германии Клаусом Фуксом, который перед войной эмигрировал в Лондон, а затем в составе группы ведущих английских ученых прибыл в США для работы над созданием атомной бомбы. Резидентура получила от него и направила в Центр все необходимые расчеты и чертежи по американскому «атомному проекту», а также секретные материалы, касающиеся деятельности атомного центра в Лос-Аламосе и строительства в Окридже завода по производству урана-235.

Разумеется, Клаус Фукс был не единственным источником советской внешней разведки по атомной тематике. Важную документальную информацию по данному вопросу получил от своих источников сотрудник нью-йоркской резидентуры Александр Феклисов. Весьма ценного источника, работавшего непосредственно в ядерном центре Лос-Аламоса, удалось приобрести разведчику-нелегалу Исхаку Ахмерову.

Информация научно-технической разведки органов государственной безопасности стала играть важную роль в практической деятельности лаборатории № 2, возглавляемой Курчатовым. Он, в частности, отмечал, что получаемая разведкой информация «создает технические возможности решения всей проблемы в значительно более короткие сроки».

Главная задача разведки заключалась в своевременном информировании советских ученых о реальных результатах ведущихся в США работ по созданию атомного оружия. И она была успешно решена во многом благодаря Клаусу Фуксу и другим источникам. Кстати, уже в послевоенный период от Клауса Фукса поступили материалы о работе в США над созданием водородного оружия. Сведения, полученные от источника, позволили СССР не только сэкономить значительные средства и выиграть время, но и опередить США в создании водородной бомбы.

В июне 1945 года от Клауса Фукса была получена подробная документальная информация по устройству атомной бомбы. Он также информировал советскую разведку, что в июле 1945 года состоится испытание первой американской атомной бомбы. Эти сведения являлись исключительно важными и в виде спецсообщения были доложены Сталину.

В интервью для российской печати бывший руководитель ПГУ КГБ СССР Леонид Шебаршин назвал успешную работу внешней разведки по атомному проекту «одним из самых выдающихся достижений за всю историю ее существования».

29 августа 1949 года американский самолет-лаборатория Б-52, совершавший регулярные разведывательные полеты вдоль южных границ СССР, зафиксировал повышенный уровень радиации в атмосфере в районе Семипалатинска. На основании анализа проб воздуха и содержания в них радиоактивных веществ американские ученые сделали однозначный вывод: в Советском Союзе произведен взрыв атомной бомбы. Американской монополии в данной области пришел конец.

Безусловно, ведущая роль в создании советского атомного оружия по праву принадлежит советским ученым. Вместе с тем именно внешняя разведка органов госбезопасности привлекла внимание советского руководства к этой проблеме и своей информацией содействовала ускорению создания первой атомной бомбы в СССР. Ею было получено от Клауса Фукса и ряда других источников, многие из которых не раскрыты до сих пор, и передано советским ученым несколько тысяч листов секретной документальной информации по атомному проекту, которые были высоко оценены Курчатовым и его коллегами.

Как рассказывал ныне покойный академик Юлий Харитон в интервью одной из центральных газет, когда вручались правительственные награды участникам советского атомного проекта, Сталин, удовлетворенный тем, что американской монополии в этой области больше не существует, заметил: «Если бы мы опоздали на один-полтора года, то, наверное, испробовали бы этот заряд на себе».

К счастью, мы не опоздали.

Определенная роль в успешном решении вопросов по атомному проекту принадлежала Судоплатову и Эйтингону.

27 сентября 1945 года непосредственный начальник и товарищ Эйтингона Судоплатов, руководивший 4-м управлением НКГБ СССР, по совместительству был назначен начальником самостоятельного Отдела «С» НКГБ — НКВД СССР, отвечавшего за координацию обеспечения разведывательными материалами по проблеме № 1 (создание атомного оружия) руководителей и ведущих ученых советского ядерного проекта. Эйтингон, являясь заместителем начальника 4-го управления, также по совместительству становится заместителем Судоплатова в его новой должности и активно включается в работу по новой для него проблеме.

Еще в феврале 1945 года советской разведкой была получена информация о наличии запасов высококачественного урана в районе города Бухово в Родопских горах в Болгарии, находившейся под контролем Красной армии. Кстати, руда из Бухова была использована при пуске первого советского атомного реактора. Советским руководством было принято решение обеспечить охрану этого района войсками НКВД. Работа на болгарских урановых рудниках велась с соблюдением необходимых мер секретности. Но вскоре информация о данном районе стала известна американским спецслужбам. Американская разведка начала принимать активные контрмеры, засылая в район болгарских урановых рудников свою агентуру и готовя диверсионные акты, чтобы сорвать поставки урановой руды в Советский Союз. Руководство советской внешней разведки направило Наума Эйтингона в Болгарию с целью сорвать диверсионные планы наших недавних союзников по антигитлеровской коалиции.

Однако к тому времени в СССР были найдены более крупные и более высококачественные месторождения урановой руды. Чтобы скрыть от американских спецслужб этот факт и создать у них впечатление, что Советскому Союзу крайне необходим болгарский уран, Эйтингон провел в Болгарии ряд масштабных дезинформационных мероприятий. Благодаря успешной работе

Эйтингона и его сотрудников удавалось долгое время вводить американцев в заблуждение. Эти действия также отвлекли силы и средства разведки США от советского ядерного проекта.

В октябре 1946 года приказом МГБ СССР 4-е управление, которым руководили Судоплатов и Эйтингон, было упразднено. Однако еще до его расформирования в мае того же года в системе МГБ был создан самостоятельный Отдел «ДР» (подготовка к развертыванию в случае войны разведывательно-диверсионной работы против военно-стратегических баз США и их союзников, расположенных вокруг СССР), начальником которого был назначен генерал-лейтенант Судоплатов. В феврале 1947 года генерал-майор Эйтингон, вернувшийся в Москву из командировки, был назначен заместителем Судоплатова. Главной задачей Отдела «ДР» являлась организация специальной агентурно-разведывательной работы за рубежом и внутри страны.

Одновременно с этим Эйтингон продолжал активно заниматься и чисто разведывательной работой. Так, в 1946–1947 годах он занимался подготовкой к выводу за рубеж разведчика-нелегала Вильяма Фишера (Рудольфа Абеля).

В это же время ему довелось выполнять специальные задания руководства МГБ СССР на Востоке.

Командировка в Синьцзян

С начала 1930-х до конца 1940-х годов органы государственной безопасности СССР проводили специальные операции на северо-западе Китая — в провинции Синьцзян, также именовавшейся Восточным Туркестаном и Джунгарией, стратегически важном районе с большим количеством сырья и минералов — нефти, золота, платины, железной руды, меди.

В конце 1946 года Эйтингон был вновь направлен в Китай, на этот раз — на его северо-запад. Специальным решением Сталина на разведчика было возложено проведение операции по оказанию помощи органам безопасности компартии Китая в подавлении сепаратистского движения мусульман-уйгуров в китайской провинции Синьцзян, которых финансировали и снабжали оружием гоминьдановцы и английская разведка, и установлении полного контроля над этим стратегически важным районом.

С глубокой древности эта территория была предметом споров и войн между тюркоязычным и монголоязычным народами. Процесс тюркизации Синьцзяна начался еще в середине VI века, когда правители Тюркского каганата[8]распространили свою власть на обширных территориях от Европы до Китая. В середине

VII века территория Синьцзяна вошла в состав китайской империи Тан. Затем эта территория входила в состав Уйгурского каганата, завоевывалась Монгольской империей.

С XVIII века этими землями владела китайская империя. В 1760 году в составе Цинской империи здесь было образовано наместничество, получившее название Синьцзян — «новая граница, новая земля».

Еще в 1870-х годах, после мятежа мусульманского населения под руководством Якуб-бека против императорской власти в Китае, по просьбе китайских властей в Синьцзян была предпринята интервенция русской армии. Выступление мятежников было подавлено, после чего Россия передала Синьцзян Китаю согласно Петербургскому договору 1881 года. Тогда же в ряде городов провинции были учреждены российские консульства.

После окончания Гражданской войны в России в Синьцзяне находилось несколько тысяч солдат и офицеров армии белого генерала Александра Дутова, участников Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года и басмачей из Средней Азии.

К этому времени численность населения Синьцзяна насчитывала более четырех миллионов человек, из них 3,5 миллиона уйгуров, более 400 тысяч казахов, около 250 тысяч ханьцев (китайцев) и более 100 тысяч дунган. Остальное население составляли киргизы, монголы, русские, узбеки, татары и маньчжуры. Наиболее политически активные уйгуры и дунгане были мусульманами, что являлось фактором дополнительной напряженности в отношениях с китайцами.

Центральное правительство охваченного гражданской войной Китая слабо контролировало Синьцзян. В 1933 году власть в столице Синьцзяна Урумчи захватил начальник штаба Синьцзянского военного округа Шен Шицяй, опиравшийся на русский полк из бывших белогвардейцев под командованием полковника Поппенгута. Новый дубань (правитель) Синьцзяна выдвинул шесть основных направлений своей политики: антиимпериализм, дружба с СССР, национальное равенство, неподкупность правительства, мир и реконструкции.

В конце 1933 года в результате конфликта с центральным правительством большую часть Синьцзяна заняла 36-я дивизия, состоявшая в основном из дунган. В январе 1934 года Шен Шицяй обратился к СССР за помощью. Советское руководство, справедливо опасаясь появления у границ СССР нового японского сателлита, приняло решение об оказании военной помощи. В Синьцзян была введена группа войск Красной армии с танками, авиацией и артиллерией. В боях 36-я дивизия была разгромлена.

В конце апреля 1934 года советские войска вышли из Синьцзяна, оставив кавалерийский полк численностью около тысячи человек с танками и артиллерией и несколько десятков военных советников.

СССР также способствовал вооружению армии дубаня. Шен Шицяй получил крупную партию вооружения, включая авиацию, для борьбы против японских интервентов.

Но когда китайские коммунисты очистили север страны от японцев, Шен Шицяй переметнулся на сторону Чан Кайши. В Синьцзяне развернулось мощное сепаратистское движение мусульман-уйгуров, которым оказывали активную поддержку британская разведка и режим Чан Кайши. В конце 1944 года в Синьцзян были направлены две дивизии дунганской конницы из провинции Цинхай.

Предательский режим Шен Шицяя в Урумчи отличался крайней жестокостью. Так, под предлогом пресечения «попыток восстаний» было арестовано более 120 тысяч человек, из которых 80 тысяч казнено.

Пользуясь тем, что Чан Кайши был не способен оказать Шен Шицяю серьезную военную помощь, оппозиционные силы при поддержке СССР начали восстание, в ходе которого китайские войска были изгнаны из трех округов Синьцзяна. Шен Шицяй был свергнут. В ноябре 1944 года в городе Кульдже была образована Восточно-Туркестанская республика (ВТР), Временное правительство которой во главе с муллой Алихан-Тюре, узбеком по национальности, было настроено антикитайски и промусульмански. В январе 1945 года руководство ВТР приняло и обнародовало программу своих действий. Согласно этому документу на территории Восточного Туркестана ликвидировалось господство китайцев и создавалась суверенная республика с равенством прав всех национальностей. Правительство высказалось за развитие промышленности, сельского хозяйства, животноводства, частной торговли, заявило об установлении дружественных отношений с СССР и связей с правительством Китая в экономической и политической областях. Одновременно было заявлено о намерении поддерживать ислам как религию большей части населения Восточного Туркестана.

Здесь следует отметить, что в 1944–1946 годах в Синьцзяне действовала оперативная группа наркоматов государственной безопасности и внутренних дел СССР во главе с начальником отдела специальных заданий НКВД генерал-майором Владимиром Егнаровым. Именно на помощь этой группе, а также органам безопасности компартии Китая с целью организации мероприятий по разложению сепаратистского движения уйгуров

и прибыл генерал Эйтингон.

В ходе командировки в Синьцзян он также на регулярной основе направлял в Центр исключительно ценную информацию, которая касалась военно-политической ситуации в этом стратегически важном районе на северо-западе Китая, примыкающем к границам СССР. Впоследствии эти данные помогли Москве и Пекину обезвредить агентурные и диверсионные группы, которые находились в Синьцзяне под контролем английской разведки.

Совместно с китайскими коммунистами Эйтингону удалось создать активно действующие боевые группы, общее руководство которыми осуществлял легендарный сотрудник советской внешней разведки, Герой Советского Союза полковник Николай Прокопюк. Эти группы эффективно противодействовали мятежникам. В итоге к 1949 году, когда Эйтингон был уже в Москве, уйгурские сепаратисты потерпели полное поражение. Однако и отношение руководства СССР к Восточно-Туркестанской республике к этому времени несколько изменилось. Москва опасалась создания в Синьцзяне исламского государства, находящегося под влиянием Англии и США. Под давлением СССР руководство ВТР было вынуждено пойти на соглашение с Мао Цзэдуном, который, как и все лидеры КПК, был противником независимого Синьцзяна и допускал лишь его автономию.

В октябре 1949 года войска Народно-освободительной армии Китая заняли Урумчи. 17 декабря было сформировано Синьцзянское провинциальное народное правительство, в состав которого вошли девять уйгуров, три казаха, четыре китайца, два дунгана и по одному представителю от всех других народов. Возглавил правительство Бурхан Шахиди, а его заместителями стали Сайфуддин Азизи и китаец Гао Цзиньчунь.

В 1955 году Восточно-Туркестанская республика окончательно прекратила свое существование как независимое государство и стала китайской провинцией — Синьцзяно-Уйгурским автономным районом. Так вскоре после смерти Сталина завершился период советского влияния в Синьцзяне. А затем последовало и решение Хрущева о выводе советских войск из Маньчжурии и передаче всех баз сухопутных войск и военно-морского флота СССР Китаю.

Командировка в Литву

В 1947 году возвратившийся из Синьцзяна генерал-майор Эйтингон был вновь назначен заместителем генерал-лейтенанта

Судоплатова, возглавлявшего отдел МГБ СССР по диверсионной работе за границей. В послевоенные годы ему пришлось принимать самое непосредственное и активное участие в разработке и реализации оперативных мероприятий, в частности по ликвидации литовских националистических бандформирований.

Следует отметить, что во второй половине 1940-х годов в прибалтийских республиках, освобожденных Красной армией от немецко-фашистских оккупантов, было неспокойно. Там орудовали банды националистов, которые получали широкую помощь, в том числе военную, от спецслужб Великобритании и США. Запад пытался использовать многочисленные прибалтийские антисоветско-националистические организации в своих целях — для сбора информации о ситуации за «железным занавесом» и в первую очередь для банального шпионажа, хотя и декларировал при этом поддержку их усилий в борьбе с советской властью.

Вполне естественно, что органы государственной безопасности уделяли повышенное внимание различным антисоветским и националистическим организациям в прибалтийских республиках не только из-за того, что они мешали становлению там советской власти, но и по причине их многочисленных контактов с зарубежными спецслужбами.

Одними из первых контакт с британской разведкой установили в конце 1945 года представители Верховного комитета освобождения Литвы.

Видный историк отечественных спецслужб Александр Колпакиди в книге «Ликвидаторы КГБ» приводит содержание справки, подготовленной 20 августа 1946 года Вторым отделом МГБ Литвы и касающейся налаживания контактов представителей местных националистических движений с британской разведкой. В документе, в частности, указывается:

«В 1945 и 1946 годах МГБ Литовской ССР раскрыто и ликвидировано несколько комитетов и групп, которые предприняли попытки организовать военизированные структуры и националистические организации в Литве. Среди них были Литовская освободительная армия, Союз литовских партизан, Верховный комитет освобождения Литвы, Совет за свободу нации и другие. Поиск помощи от зарубежных реакционных кругов (в первую очередь Англии и США) эти группы осуществляли путем установления контактов с литовскими эмиграционными центрами в англо-американской зоне Германии и в Швеции.

В свою очередь, литовские националистические эмигрантские организации устанавливали контакты с антисоветскими

организациями в Литве… Учитывая это, мы создадим информационный канал для проникновения наших агентов в националистическое движение Литвы и зарубежные центры, чтобы разобщить и ликвидировать банды».

Как отмечалось выше, в Литве активно действовала так называемая Литовская освободительная армия, руководимая Верховным комитетом освобождения Литвы. Весной 1945 года общая численность повстанцев освободительной армии достигала тридцати тысяч человек. А в целом в послевоенные годы в республике «партизанило» или скрывалось в лесах около восьмидесяти тысяч человек. Вся их борьба выражалась в организации и проведении террористических актов в отношении советских и партийных работников на местах, активистов коллективизации, рядовых литовцев, заподозренных в сотрудничестве с новой властью. И не случайно, что из убитых с 1944 по 1956 год литовскими «лесными братьями» двадцати пяти тысяч человек более двадцати трех тысяч человек были их соотечественниками — литовцами.

Для ликвидации националистического повстанческого движения в Литве в декабре 1944 года был образован штаб, включавший руководящих сотрудников спецслужб, который координировал взаимодействие по этим вопросам войск НКВД, введенных на территорию республики, и расквартированных там соединений и частей Красной армии.

Генералу Эйтингону пришлось в это время неоднократно выезжать в Литву. Под его руководством литовские чекисты разработали и реализовали ряд успешных агентурных комбинаций. Однако их подробности до сих пор находятся под грифом «совершенно секретно».

А части и подразделения 4-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД (при содействии с подразделениями Красной армии) только в 1944–1945 годах участвовали в 1764 операциях и имели 1413 боевых столкновений, в ходе которых было убито и захвачено в плен 30 596 повстанцев и собрано 17 968 единиц стрелкового оружия. Внутренние войска НКВД и подразделения Красной армии потеряли убитыми 575 и ранеными 878 военнослужащих.

В результате националистическое движение в Литве стало ослабевать. Однако факты вооруженного сопротивления продолжались вплоть до середины 1960-х годов.

В конце 1940-х годов британская разведка Сикрет интеллидженс сервис (СИС или МИ-6) разработала и приступила к реализации долгосрочной операции «Лиотэ», направленной на разложение населения стран социализма, в первую очередь —

СССР.

Интересно, что своим названием операция «Лиотэ» была обязана историческому анекдоту, который был приведен во введении к совершенно секретному документу британской СИС, в котором были сформулированы стратегические основы ведения психологической войны против СССР и других «коммунистических» стран.

Пожилой генерал Луи Жубер Лиотэ, командующий французскими колониальными войсками в Марокко и Алжире в начале XX века, однажды решил пройтись пешком. Был полдень, нещадно палило африканское солнце. Изнывавший от жары генерал приказал своим подчиненным обсадить дорогу деревьями, которые давали бы тень.

— Но, ваше превосходительство, деревья вырастут только через 50 лет, — заметил один из офицеров.

— Именно поэтому, — прервал его пожилой генерал, — работу начать сегодня же.

Приступая к осуществлению операции под кодовым названием «Лиотэ», ее автор — заместитель директора МИ-6 полковник Валентайн Вивьен намеревался получить результаты спустя десятилетия. Основная стратегия операции заключалась в перемещении центра борьбы с противником из военной сферы в террористическую, идеологическую и экономическую.

В одном из документов английской разведки подчеркивалось: «Лиотэ» — это непрерывно действующая операция, главной задачей которой является выявление и использование трудностей и уязвимых мест внутри стран советского блока. В ходе операции должны использоваться все возможности, которыми располагает английское правительство для сбора разведывательных данных и организации мероприятий».

Для подрывной работы против СССР на территории Западной Украины и в Прибалтике в рамках МИ-6 был создан специальный отдел «Нора» во главе с британским подданным русского происхождения Маккибином. Помимо засылки в Прибалтику и Западную Украину вооруженных агентов английских спецслужб из числа местных националистов, включая военных преступников, находившихся в международном розыске, а также поставок оружия и взрывчатки действовавшим там бандам террористов, отдел «Нора» занимался ведением «черной пропаганды» на Советский Союз с использованием аэростатов и воздушных шаров, начиненных листовками, а также организацией пропагандистских радиопередач на каналах Би-би-си.

В частности, в конце 1940-х годов отдел «Нора» осуществил заброску на территорию Западной Украины и в Литву

организаторов националистического подполья Матвейко, Лукши и Охримовича. С помощью британских спецслужб в Западную Украину был также переброшен бывший гаупт-штурмфюрер СС Шухевич. Однако советская внешняя разведка через свои возможности в британских спецслужбах получила сведения на Шухевича, а также на его «коллегу» Йозаса Лукшу, заброшенного в Литву. С февраля 1951 года поиск Лукши в Литве осуществляли две специальные оперативные группы, в состав которых входили командированные из Москвы подчиненные Наума Эйтингона. Это агентурно-оперативное мероприятие продолжалось несколько лет. Самому генерал-майору Эйтингону пришлось трижды выезжать в Литву, чтобы на месте руководить ходом операции. В конце концов чекистам удалось заманить Йозаса Лукшу в засаду и уничтожить его.

В отчете руководству МГБ СССР от 19 января 1953 года министр государственной безопасности Литвы генерал-лейтенант Петр Кондаков докладывал:

«Особенно положительные результаты в ликвидации бандитизма были достигнуты после применения таких форм агентурной работы, как создание агентурно-боевых групп, направленных против банд, оперативное использование тайно задержанных бандитов и их вербовка нашей спец-агентурой в качестве легендированных представителей банд, штабов и центров сопротивления… В результате нам удалось взять под агентурный контроль самые серьезные организационные бандитские единицы, уничтожить организационную структуру оставшихся формирований, парализовать их активную террористическую деятельность».

18 апреля 1953 года министр госбезопасности Литвы сообщал в МГБ СССР, что чекисты его министерства за неполных четыре месяца этого года провели 240 агентурно-оперативных комбинаций, захватили 72 руководителей националистического подполья, из которых 18 были перевербованы, 23 националиста использованы для других оперативных целей, а остальные арестованы для предания суду.

После ликвидации бандформирований и уничтожения входивших в них военных преступников вооруженная борьба в республиках, занимавших западные территории СССР, постепенно приобрела характер законспирированного противоборства между спецслужбами националистов и стоявшими за ними МИ-6 и ЦРУ США и советской контрразведкой.

Свою программу, аналогичную «Лиотэ», разработали и американцы. Поняв к началу 1950-х годов, что выиграть атомную войну у СССР невозможно, они выработали план разрушения

Советского Союза, рассчитанный на длительный период. В его осуществлении приняли участие практически все разведывательные, дипломатические и идеологические службы Запада.

Историк отечественных спецслужб Игорь Дамаскин в одной из своих работ подчеркивал:

«Одним из наиболее ярких и типичных проявлений идей «Лиотэ» стала инструкция ЦРУ украинским националистам в начале 1950-х годов. В ней предлагалось прекратить вооруженную борьбу как не имеющую перспективы. Ярым оуновцам рекомендовалось затаиться, а нескомпрометированной молодежи выдавать себя за сторонников власти, добросовестно работать и учиться, постепенно проникать в комсомол, проявлять активность, стать его функционерами, а затем сотрудниками партийного и советского аппарата, в котором занять руководящие посты, с тем чтобы через 30–40 лет захватить власть на Украине и организовать ее отделение от СССР». Что, как известно, и произошло — в полном соответствии с программой «Лиотэ».

На это же указывал и видный российский политолог Александр Маслов, который в одной из своих публикаций в 2013 году подчеркивал:

«Лет двадцать назад Збигнев Бжезинский писал, что после краха СССР одной из главных задач США на мировой арене является не допустить никакого нового сближения между Украиной и Россией, поскольку без Украины (и без Киева как «матери городов русских») Россия никогда не сможет претендовать на статус сверхдержавы и оспаривать гегемонию США.

С тех пор этой заповеди следуют не только все американские президенты и политики, но также вся их «агентура влияния» как в России, так и на Украине».

Еще в 1950-е годы на развал СССР и его союзников в США были выделены огромные средства. Помимо государственных органов к операциям «по свержению правительств» были привлечены многочисленные фонды, а также такие радиостанции, как «Свобода» и «Свободная Европа», внесшие серьезный вклад в дестабилизацию и развал Советского Союза. Значительно позже, в декабре 1991 года, бывший директор ЦРУ Роберт Гейтс достаточно откровенно высказался по этому поводу: «Мы хорошо понимали, что Советский Союз ни экономическим давлением, ни гонкой вооружений, ни тем более силой не возьмешь. Его можно было разрушить только взрывом изнутри».

Конечно, вопрос о причинах распада СССР нельзя сводить только к успехам его противников. Тут и экономические

трудности, и политические просчеты, и великодержавные амбиции, и рост национализма в союзных республиках, и слабость политической работы и политической пропаганды, и еще множество крупных и мелких причин.

Так или иначе, операция «Лиотэ» и другие планы расчленения Советского Союза сбылись. Сейчас эта работа продолжается уже против России. За примерами далеко ходить не надо. Видный российский публицист Александр Бобров писал 7 ноября 2015 года в газете «Советская Россия»:

«На фронтах информационной войны — новость из-за океана: в 2016 финансовом году США решили потратить на противодействие информационной политике Кремля 83 миллиона долларов. Об этом в ходе слушаний в сенатском комитете по иностранным делам конгресса США сообщил заместитель помощника госсекретаря по делам Европы и Евразии Бенджамин Зифф. Он особо подчеркнул, что основные средства пойдут не на пропаганду, а на контрпропаганду — борьбу с информационной политикой России. В будущем финансовом году расходы на «поддержку гражданского общества и независимых СМИ в Евразии и Юго-Восточной Европе», куда включена Россия, должны вырасти на 26 % и составить упомянутые 83 миллиона долларов.

По словам представителя Госдепа, увеличить расходы по этой статье бюджета попросил лично президент США Барак Обама. Работа будет вестись не только в русскоязычном информационном пространстве, но и на Западных Балканах. Зифф похвастался успехами кампаний, на которые шли эти средства в 2015 году. В качестве примера он привел усилия США по борьбе с российскими «теориями заговора» после инцидента с малазийским авиалайнером в небе над Украиной. По его словам, тогда Госдепартамент США направил в американское посольство в Москве «130 специалистов, владеющих русским языком», которые составляли «ежечасно обновляемые» информационные пакеты, помогавшие опровергать российские версии случившегося.

На вопрос о том, какие методы наиболее эффективны в работе непосредственно на российскую аудиторию, представитель Госдепартамента США ответил, что лучший способ воздействия на нее — телевидение, но американцам приходится работать через соцсети и сетевое вещание в интернете».

Ну а генерал Луи Лиотэ, в честь которого была названа операция, позже стал военным министром и маршалом Франции. Потом он снова служил в Марокко и умер в 1934 году глубоким стариком, когда посаженные по его указанию деревья уже стали

большими.

Что же касается МИ-6, против агентуры которой в Литве успешно боролся Наум Эйтингон, то сегодня ее сотрудники гордятся разработанной и осуществленной ими операцией «Лиотэ», которая, по их мнению, в конечном итоге вызвала раскол в советском обществе на националистической основе и привела к развалу Советского Союза. Правда, вины Эйтингона в этом нет… Генерал делал все от него зависящее, чтобы этого не произошло.

Помимо борьбы с националистами в Литве Эйтингону пришлось решать в те годы много других важных оперативных задач.

В сентябре 1950 года возглавляемый Судоплатовым Отдел «ДР» был преобразован в Бюро № 1 МГБ СССР. Эйтингон был утвержден заместителем Судоплатова. В его обязанности входила организация боевых операций на стратегических объектах вероятного противника в случае возникновения новой войны, включая американские ядерные объекты на территории Европы. Эйтингон занимался созданием глубоко законспирированных боевых агентурных групп за рубежом, закладкой тайников с оружием для этих групп, с тем чтобы в случае нападения на СССР Соединенных Штатов, которые планировали открытую агрессию против стран социализма, вывести из строя стратегические объекты на территории стран НАТО, организовать диверсии против военных складов и на транспортных коммуникациях. Как подчеркивал в одной из своих работ историк отечественных спецслужб Олег Капчинский, «этот спецназ мирного времени хотя и был детищем «холодной войны», тем не менее сыграл свою роль в повышении боеготовности на случай внезапной войны со странами НАТО».

Однако ни занимаемое Наумом Исааковичем Эйтин-гоном высокое положение в органах государственной безопасности, ни значительные оперативные успехи в работе не смогли уберечь его от серьезных неприятностей. Верная служба еще не гарантировала спокойной жизни…

Глава восьмая
ДВАЖДЫ УЗНИК СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Он сам много раз мог погибнуть — на фронтах, в шпионских баталиях, в схватках с диверсантами и террористами. Но выжил, почти чудом, пройдя с юных лет сквозь нескончаемые бои, репрессии, чистки, через аресты… Больше всего на свете он презирал страх и измену присяге.

Владимир Малеванный, публицист

В последнее время тема необоснованных репрессий в нашей стране в 1930—1950-е годы является довольно обсуждаемой на страницах отечественных средств массовой информации, а следовательно — достаточно актуальной.

Несколько слов о репрессиях

О сталинском периоде правления страной и о необоснованных репрессиях написаны горы книг, в которых — в зависимости от позиции авторов — Сталин предстает либо выдающимся государственным деятелем, либо узурпатором и злодеем. Мы не собираемся вступать в полемику ни с теми, ни с другими и давать собственные оценки Сталину как руководителю Советского государства в то драматическое лихолетье истории нашей страны. Наша задача сводится к тому, чтобы рассказать, как отразились репрессии на деятельности самих спецслужб и их сотрудников и, в частности, — главного действующего лица этой книги.

1 декабря 1934 года в 16 часов 37 минут в Смольном был убит друг и ближайший соратник И. В. Сталина, член политбюро ЦК ВКП(б), первый секретарь Ленинградского обкома партии Сергей Миронович Киров. По установленной версии, смертельную рану нанес ему на почве личной неприязни ревнивец Николаев, человек психически неуравновешенный. Вопреки всякого рода

домыслам и спекуляциям на этот счет Сталин ни прямого, ни косвенного отношения к убийству Кирова не имел. Он полностью доверял своему другу и даже планировал перевести его в Москву на более ответственный пост.

Елена Николаевна Трясунова (фамилия указана по мужу), работавшая в секретариате генсека в те драматические дни, рассказывала позже: «Сталин был потрясен трагической гибелью своего самого близкого друга. У него буквально срывался голос. Он все время повторял: «Что же происходит? Неужели они уже убивают нас?» Они — это троцкистско-зиновьевская оппозиция». Елена Николаевна особо отмечала, что горе Сталина было неподдельным: «Даже если бы он и был гениальным актером, он не смог бы более убедительно «сыграть» эту сцену».

Получив известие о смерти Кирова, Сталин вместе с Молотовым, Ворошиловым и Ягодой в тот же день выехал в Ленинград. Здесь он сразу отстранил от занимаемых должностей начальника управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской области Ф. Д. Медведя и его первого заместителя И. В. Запорожца, который с августа болел, а в день убийства находился на излечении в Сочи. Оба чекиста были арестованы, обвинены в «преступно-халатном отношении к своим обязанностям по обеспечению госбезопасности» и осуждены на три года лишения свободы, а затем направлены начальниками лагерей в системе ГУЛАГа в Магадан. В 1937 году они были отозваны в Москву, вновь арестованы и расстреляны.

Вся семья Николаева, его жена Мильда Драуле и ее мать были расстреляны спустя два месяца после смерти Кирова. Были репрессированы и тысячи других лиц, не имевших никакого отношения к этому покушению. Высшие чины НКВД были прекрасно осведомлены о личностной версии трагической гибели Кирова, однако были вынуждены молчать об этом, поскольку Сталин объявил, что Кирова убили враги партии.

Сам Сталин, разумеется, вскоре понял истинные причины убийства Кирова. Однако уже не мог дать «обратный ход» развязанному террору и, видимо, решил использовать сложившуюся ситуацию для физического устранения тех, кто хоть в чем-либо был не согласен с его политикой. Репрессии против политических противников были начаты по инициативе Сталина в конце 1936 года. По его указанию нарком внутренних дел Генрих Ягода устроил избиение партийных кадров, ответственных работников органов госбезопасности, комсомола, наркоматов, других ведомств, в которых, по мнению вождя, завелись «враги народа».

С января 1935 года, в соответствии с распределением

обязанностей в политбюро, Сталин лично курировал органы государственной безопасности. Это означало, что ни одно назначение на номенклатурную должность в НКВД не могло состояться без его санкции. Для подготовки Большого террора нарком внутренних дел Генрих Ягода по указанию Сталина приступил к чистке органов государственной безопасности, устраняя лиц, которые в прошлом поддерживали оппозицию и голосовали за ее платформу. Перед тем как развернуть массовые репрессии против своих оппонентов, Сталин стремился обезопасить себя от «врагов» и «троцкистов» в НКВД. По его логике, в этом не было ничего удивительного: в 1920-е годы, когда в партии существовала относительная свобода мнений, велись внутрипартийные дискуссии по наиболее важным вопросам, платформа оппозиции набирала до 40 процентов голосов чекистов. К тому же в самом начале деятельности в ВЧК работали также левые эсеры, которые привносили свое видение мира в работу этой организации.

Генрих Ягода уволил из органов госбезопасности 8100 человек, заподозренных в нелояльности к политике Сталина. Начались громкие судебные процессы над лидерами антисталинской оппозиции. Однако темпы расправы с инакомыслящими не устраивали генсека, который обвинял Ягоду в излишнем либерализме. 25 сентября 1936 года Сталин, находившийся вместе со Ждановым на отдыхе в Сочи, направил в Москву членам политбюро телеграмму следующего содержания: «Считаем абсолютно необходимым и срочным назначение тов. Ежова на пост наркомвнутдела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на четыре года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД».

Уже 26 сентября, на следующий день после получения телеграммы Сталина, наркомом внутренних дел стал секретарь ЦК ВКП(б) Николай Ежов. По совместительству за ним сохранялись посты секретаря ЦК и председателя Комитета партийного контроля. Одним из первых шагов Ежова на посту наркома стало указание о том, что органы госбезопасности должны развернуть чистку, начиная с самих себя.

18 марта 1937 года Ежов выступил на собрании руководящих работников Наркомата внутренних дел, на котором заявил, что «шпионы» заняли в НКВД ключевые посты, и потребовал «твердо усвоить, что и Дзержинский испытывал колебания в 1925–1926 годах, и он проводил иногда колеблющуюся политику». Это был сигнал о том, что репрессии коснутся и ближайших соратников

Дзержинского. Вскоре волна арестов в НКВД захлестнула и его руководящих работников. Прежде всего это коснулось лиц польской национальности. Руководством страны было выражено политическое недоверие, в частности внешней разведке.

В своих мемуарах «Разведка и Кремль» Павел Судоплатов писал:

«Когда арестовывали наших друзей, все мы думали, что произошла ошибка. Но с приходом Деканозова (начальник внешней разведки со 2 декабря 1938 года по 13 мая 1939 года. — *В. А.)* впервые поняли, что это не ошибки. Нет, то была целенаправленная политика. На руководящие должности назначались некомпетентные люди, которым можно было отдавать любые приказания. Впервые мы стали опасаться за свои жизни, оказавшись под угрозой самоуничтожения собственной же системой. Именно тогда я начал размышлять над природой системы, которая приносит в жертву людей, служащих ей верой и правдой.

Я считаю Ежова ответственным за многие тяжкие преступления. Больше того, он был еще и профессионально некомпетентным руководителем…

Чтобы понять природу «ежовщины», необходимо учитывать политические традиции, характерные для нашей страны. Все политические кампании в условиях диктатуры неизменно приобретали безумные масштабы, и Сталин виноват не только в преступлениях, совершавшихся по его указанию, но и в том, что позволил своим подчиненным от его имени уничтожать тех, кто оказывался неугодным местному партийному начальству на районном и областном уровнях. Руководители партии и НКВД получили возможность разрешать даже самые обычные споры, возникавшие чуть ли не каждый день, путем ликвидации своих оппонентов».

Репрессии, охватившие страну в конце 1930-х годов, нанесли огромный ущерб и советской внешней разведке. Они серьезно подорвали ее успешную работу в предшествующие годы. К 1938 году были ликвидированы почти все нелегальные резидентуры, оказались утраченными связи с ценнейшими источниками информации. Некоторые из них были потеряны навсегда. Порой в «легальных» резидентурах оставалось всего один-два работника, как правило молодых и неопытных. Аресты создавали в коллективах обстановку растерянности, подозрительности и недоверия.

За годы «ежовщины» были арестованы практически все бывшие и действующие руководители ИНО и многие ведущие разведчики.

Так, 13 мая 1937 года был арестован выдающийся организатор контрразведки и разведки Артур Артузов. 15 июня

1937 года — Станислав Мессинг, работавший тогда уже в Наркомате внешней торговли. 21 ноября 1937 года — первый начальник советской внешней разведки Яков Давтян (Давыдов). 23 ноября 1938 года — Меер Трилиссер, являвшийся к тому времени ответственным сотрудником Исполкома Коминтерна.

Возглавивший разведку после Артузова комиссар госбезопасности 2-го ранга Абрам Слуцкий 17 февраля

1938 года скоропостижно скончался в кабинете первого заместителя наркома внутренних дел СССР Михаила Фриновского. А уже в апреле того же года его посмертно исключили из партии как «врага народа».

После смерти Слуцкого исполняющим обязанности начальника внешней разведки был назначен майор госбезопасности Сергей Шпигельглаз. Но и он продержался в этой должности менее четырех месяцев. 9 июня 1938 года его сменил старший майор госбезопасности Зельман Пассов. А судьба Шпигельглаза была решена: 2 ноября 1938 года он был арестован, а 12 февраля 1940 года — расстрелян. Пассова эта же участь постигла спустя три дня —15 февраля.

В это же время было подвергнуто репрессиям и большое число ведущих разведчиков. Среди них: резиденты в Лондоне Адольф Чапский, Григорий Графпен и Теодор Малли; в Париже — Станислав Глинский и Георгий Косенко; в Риме — Моисей Аксельрод, в Берлине — Борис Гордон, в Нью-Йорке — Петр Гутцайт, выдающиеся разведчики-нелегалы Дмитрий Быстролетов, Борис Базаров, Григорий Сыроежкин и многие другие.

Были арестованы и брошены в тюрьмы Ян Буйкис, Игорь Лебединский, Яков Серебрянский, Иван Каминский, Петр Зубов и десятки других разведчиков. Некоторым из них все же удалось выйти из заключения и успешно работать в годы Великой Отечественной войны.

Со многими из этих людей Наум Эйтингон работал либо в боевых условиях за границей, либо в центральном аппарате внешней разведки.

Вскоре после февральско-мартовского 1937 года пленума ЦК ВКП(б), принявшего решение о развертывании масштабных чисток, были арестованы почти все начальники управлений и отделов НКВД и их заместители. Волна репрессий коснулась не только ветеранов ВЧК, но и выдвиженцев Ягоды, лиц, которые слишком много знали об истинной подоплеке московских процессов, о том, какими методами НКВД добивался

признательных показаний от лидеров антисталинской оппозиции.

В декабре 1937 года большая группа работников НКВД была отмечена правительственными наградами в связи с 20-летием органов ВЧК — ОГПУ — НКВД. Выступая перед награжденными, Николай Ежов заявил: «Мы должны сейчас так воспитать чекистов, чтобы это была тесно спаянная и замкнутая секта, безоговорочно выполняющая мои указания». На смену старым чекистам были выдвинуты молодые кадры, не имевшие опыта работы, от которых требовалось безоговорочное выполнение указаний наркома.

Уже в первые месяцы «великой чистки» аппарат НКВД на местах был значительно расширен. Одновременно Сталин, лично курировавший органы госбезопасности, позаботился о том, чтобы значительно улучшить материальное положение чекистов. Следует, однако, отметить, что среди новобранцев НКВД «сталинской волны» было немало людей, которых буквально ошеломила обстановка беззакония и произвола, царившая в органах госбезопасности. Некоторые из них даже сходили с ума или кончали жизнь самоубийством.

Осенью 1938 года Сталину стало ясно, насколько массовые чистки ослабили советские органы безопасности. К тому же в ЦК ВКП(б) поступали многочисленные письма от партийных руководителей на местах и простых граждан, в которых обращалось внимание на беззаконие и произвол, творившиеся «ежовцами». Ежов выполнил свою миссию, и Сталин решил им пожертвовать, возложив на него ответственность за разгул террора в стране.

Постановлением ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года органам НКВД и прокуратуре запрещалось проводить какие-либо массовые аресты и выселения, а сами аресты предписывалось осуществлять в соответствии с Конституцией страны только по постановлению суда или с санкции прокурора. В центре и на местах ликвидировались судебные «тройки». В то же время в документе подчеркивалось, что «очистка СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров должна продолжаться, но с использованием более совершенных и надежных методов».

23 ноября 1938 года в кабинете Сталина Ежов написал заявление в политбюро ЦК ВКП(б), в котором просил освободить его от должности наркома внутренних дел СССР. Просьба Ежова была удовлетворена. Новым наркомом внутренних дел стал Лаврентий Берия. Необоснованные репрессии против чекистских кадров пошли на убыль, но полностью не прекратились.

Уже в первые месяцы своего пребывания на посту наркома

внутренних дел Берия расставил на ключевые посты своих людей, прибывших вместе с ним из Грузии. Кроме того, им была проведена «чистка» кадров, занимавших руководящие посты в НКВД как в центре, так и на местах при Ежове.

В то же время новый нарком пошел на некоторые послабления: в течение 1939–1940 годов из лагерей были выпущены 223 тысячи 800 осужденных, а еще 103 тысячи 800 человек вернулись из колоний-поселений. Среди освобожденных были будущий Маршал Советского Союза Константин Рокоссовский, будущий Герой Советского Союза генерал армии Александр Горбатов, вице-адмирал Георгий Холостяков, академик и адмирал Аксель Берг, академик Лев Ландау, ряд бывших сотрудников разведки и контрразведки НКВД…

Какова же численность жертв Большого террора? Обратимся к официальному документу, подготовленному 1 февраля 1954 года для Н. С. Хрущева:

«Секретарю ЦК КПСС тов. Хрущеву Н. С.

В связи с поступающими в ЦК КПСС сигналами от ряда лиц, в соответствии с вашими указаниями о необходимости пересмотреть дела на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления и ныне содержащихся в лагерях и тюрьмах, докладываем:

С 1921 года по настоящее время за контрреволюционные преступления было осуждено 3 777 380 человек, в том числе к высшей мере — 642 980 человек, к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже — 2 369 220 человек, в ссылку и высылку — 765 180 человек.

Из общего количества осужденных, ориентировочно, осуждено:

2 900 000 человек — Коллегией ОГПУ, «тройками» НКВД и Особым совещанием, 877 000 человек — судами, военными трибуналами, Спецколлегией и Военной коллегией.

Генеральный прокурор Р. Руденко

Министр внутренних дел С. Круглов

Министр юстиции К. Горшенин».

В эти данные, кстати, входят и герой книги Наум Эйтингон, и его друг и непосредственный начальник Павел Судоплатов, и многие коллеги и товарищи Эйтингона, о которых также идет речь в нашем повествовании.

Цифры, близкие к приведенным в документе, подготовленном для Хрущева, впервые были обнародованы в 1990 году руководством тогдашнего КГБ СССР. Разумеется, даже один

расстрелянный невинный человек с точки зрения здравого смысла — это много. Каждый невинно пострадавший от политических репрессий — часть великой трагедии нашей страны.

Первый арест

К началу 1950-х годов обстановка в центральном аппарате МГБ значительно осложнилась. Руководством министерства было принято негласное решение не принимать на офицерские должности в органы госбезопасности лиц еврейской национальности. Одновременно началось откровенное «выдавливание из системы» уже работающих в ней таких сотрудников. Антисемитская кампания набирала обороты и принимала всё больший размах.

Летом 1951 года начальником Следственной части по особо важным делам, а вскоре — заместителем министра госбезопасности по следственной работе был назначен Михаил Рюмин, сделавший карьеру на разоблачении так называемого «сионистского заговора в МГБ». С целью активизации расследования «заговора» он состряпал очередное дело, на сей раз — «врачей-вредителей», которые якобы хотели убить Сталина.

В то время, когда Наум Исаакович Эйтингон находился в командировке в Литве, Рюмин намеревался арестовать его родную сестру Софью Исааковну, известного в Москве терапевта и главврача поликлиники московского автозавода. По сценарию Рюмина, сестра Эйтингона должна была выступать в роли связного между врачами и «заговорщиками в МГБ». Она якобы поддерживала связь между учеными-медиками и братом, планировавшим убийство руководителей страны.

О дальнейшем рассказал в своих мемуарах Павел Судоплатов:

«В 1951 году мне позвонил Рюмин, которого только что назначили начальником Следственной части МГБ. Он заявил, что в его распоряжении имеются серьезные компрометирующие материалы на Эйтингона и его сестру. Эйтингон в тот момент находился в трехмесячной командировке в Литве. Я попросил, чтобы мне принесли эти материалы: я хотел с ними лично ознакомиться. Через час появился Рюмин с тощим досье. Против Эйтингона не было никаких данных, но против Сони были выдержки из агентурных сообщений, будто она отказывала в медицинской помощи русским, а лечила и консультировала только евреев. Я заявил Рюмину, что меня это совершенно не

убеждает и что Эйтингон в моих глазах по-прежнему остается надежным и заслуживающим доверия ответственным сотрудником органов безопасности.

Рюмин возразил:

— А вот Центральный комитет нашел эти данные вполне убедительными. — И тут же, выхватив папку из моих рук, с гневным видом удалился.

Ситуация, сложившаяся в Министерстве госбезопасности, была запутанной и крайне неопределенной. Министр Абакумов находился под арестом в «Матросской тишине». Однако его место оставалось вакантным — преемника не назначали. Когда я позвонил заместителю министра Огольцову с тем, чтобы обсудить с ним положение с Эйтингоном и его сестрой, он ответил:

— Это дело политическое, и рассматривать его можно лишь в ЦК.

По его словам, пока не будет назначен новый министр, он не будет подписывать никаких бумаг или отдавать какие-либо приказы.

После разговора с Огольцовым мне осталось только одно: позвонить Игнатьеву, тогдашнему секретарю ЦК партии, курировавшему работу МГБ — МВД. Он был членом созданной Сталиным Комиссии ЦК по реорганизации министерства после ареста Абакумова. Меня уже вызывали на одно заседание, и я, признаюсь, критиковал руководство министерства за ошибки в проведении разведывательных и контрразведывательных операций за границей, а также в Западной Украине и Средней Азии. Игнатьев тогда сказал, что готов, если потребуется, обсудить со мной тот или иной неотложный вопрос. Когда я позвонил ему, он, казалось, с радостью согласился принять меня в ЦК на Старой площади.

Встретившись с ним, я сказал, что обеспокоен попытками оклеветать Эйтингона и его сестру, приписав им националистические взгляды. Игнатьев вызвал в кабинет Рюмина с материалами на Эйтингона и его сестру. В моем присутствии Рюмин, открыв папку, начал зачитывать крайне невразумительные показания против Эйтингона и его сестры, в которых утверждалось, что они оба проявляют враждебность по отношению к советскому государству. На сей раз агентурные сведения, что Соня отказывалась лечить русских, даже не были упомянуты.

— Как члены партии мы обязаны, — сказал я, — оценивать людей не по слухам, а по их делам. Вот работа Эйтингона: организатор акции по устранению Троцкого в Мексике, создатель успешно действовавшей агентурной сети за границей, наконец, он

является одной из ключевых фигур в обеспечении нашей страны секретной информацией об атомном оружии.

Рюмин молчал. Игнатьев прервал меня:

— Давайте оставим Эйтингона и его семью в покое.

После встречи с Игнатьевым у меня отлегло от сердца: я подумал, что с Эйтингоном и его семьей ничего плохого не произойдет.

Примерно месяц спустя Игнатьева назначили министром госбезопасности…»

В октябре 1951 года, возвратившись из очередной командировки в Литву, где ему удалось обезвредить руководство антисоветской подпольной организации, Наум Эйтингон оказался за решеткой. Его арестовали 28 октября по прямому указанию Игнатьева. А вскоре была арестована и его сестра. Ее приговорили к 10 годам тюремного заключения «за отказ лечить русских пациентов и содействие сионистскому заговору».

«Через несколько дней после ареста Эйтингона, — рассказывал позже Павел Судоплатов, — мне представилась возможность встретиться с Игнатьевым на совещании руководящего состава министерства. Отведя меня в сторону, он с упреком произнес:

— Вы ошибались насчет Эйтингона. Что вы сейчас о нем думаете?

До сих пор помню свой ответ:

— Моя оценка базируется на конкретных результатах работы людей и на линии партии».

А вот что рассказал об аресте своим детям сам Эйтингон спустя много лет (пересказ дочери Эйтингона Музы Малиновской):

«Вернувшись в Москву, он и его сотрудники направились к себе в управление. Какое-то время генерал провел в своем кабинете: ему нужно было написать отчет. Потом он позвонил жене и сообщил, что едет домой. Когда он вышел на улицу, то заметил, что за ним ведется слежка. Он был слишком опытным разведчиком, чтобы не понять, что стал объектом наружного наблюдения советской контрразведки. Цель ее была генералу ясна; он побродил по Москве, делая петли и меняя маршруты, и вскоре понял, что ему не уйти от преследования. Тогда он принял решение вернуться назад в управление. Он не хотел, чтобы его арестовали дома, — боялся, что пришельцы напугают детей: четырехлетнюю Музу и семилетнего Леонида.

В кармане у него были деньги, которые предназначались на нужды семьи. Он зашел к одному из своих приятелей и оставил деньги ему — для передачи жене, и только после этого вернулся

на Лубянку. Там его уже ждали…»

Продолжая дальше свой рассказ, Муза Малиновская подчеркнула: «Детям сказали, что отец находится в командировке, для нас это было нормальным объяснением: ведь он так часто уезжал. Правда, на этот раз командировка, похоже, затянулась, но все же его отсутствие не воспринималось как что-то из ряда вон выходящее. Теперь мы понимаем, в каком постоянном страхе, скрываемом от нас, жила наша мать: ведь она узнала, что отец в тюрьме».

Эйтингону было предъявлено обвинение в том, что он якобы обучал врачей-заговорщиков ведению террористических действий против Сталина и членов советского правительства. Ордер на его арест подписал заместитель министра МГБ генерал-полковник Гоглидзе.

Полтора года генерал Эйтингон провел в тюрьме, ожидая расправы. Виновным себя ни в чем не признал.

Судоплатов пытался спасти своего друга и соратника, пользуясь любой возможностью. Однако решить этот вопрос мог только Сталин. В феврале 1953 года Судоплатов был вызван в Кремль на совещание к Сталину и намеревался воспользоваться этим. Но в ходе беседы Сталин напомнил Судоплатову о провале, который имел место при проведении одной из операций за границей в период Великой Отечественной войны, после чего Судоплатов понял, что об Эйтингоне в этой ситуации лучше не напоминать.

Из тюрьмы Наум Эйтингон вышел только после смерти Сталина — 20 марта 1953 года. По распоряжению Берии он был восстановлен в органах государственной безопасности и в партии, ему возвратили все правительственные награды.

Дети Наума Исааковича Муза Малиновская и Леонид Эйтингон в книге «На предельной высоте», посвященной воспоминаниям о своих знаменитых родителях, касаясь этого периода, рассказывают:

«После смерти Сталина, став главой расширенного министерства внутренних дел, Берия распорядился прекратить дела обвиняемых в «сионистском заговоре» и «участии в планах захвата власти Абакумовым».

Когда Эйтингона в очередной раз вызвали на допрос к следователю, он, к своему удивлению, увидел на месте следователя двух генералов: Кобулова и Гоглидзе. Так как Кобулов был уволен из органов несколько лет назад, его присутствие здесь, да еще в генеральском мундире, очень о многом сказало Эйтингону. Он понял, что в стране произошли перемены и что Берия, скорее всего, стал руководителем

секретной службы страны.

И все же вопрос, который был ему задан, немало его удивил. Он ждал только худшего, а его спросили, будет ли он служить в органах и дальше, как только его выпустят из тюрьмы. Хотя Эйтингона мучила язва желудка, обострившаяся в тюрьме, от службы он никогда не отказывался. Он твердо сказал, что готов служить Родине.

Тогда разговор перешел в другое русло. Ему сообщили, что Сталин умер и Берия теперь назначен главой нового министерства внутренних дел, в которое влилось и министерство госбезопасности. Теперь за всю контрразведку в стране отвечал Кобулов. Он обещал Эйтингону, что тот уже через несколько дней будет на свободе: нужно было выполнить кое-какие формальности. Но все обвинения с Эйтингона были уже сняты».

Позже отец рассказывал детям, что, пока шла эта беседа, он не мог отделаться от мысли, что все это — игра, западня, какая-то ловушка. Злоключения последнего времени заставили его другими глазами смотреть на всё и на всех. И только когда Кобулов одернул конвоира, который прикрикнул на Эйтингона, и сказал ему, чтобы тот обращался с ним уважительно, как с генерал-майором госбезопасности, не находящимся под следствием, успокоился. Он понял, что все происходящее — не спектакль, а реальность, и что он действительно вскоре будет на свободе…

22 мая вернулась домой Софья Эйтингон. Нелепые обвинения Рюмина и его подручных рухнули окончательно. Когда Судоплатов доложил Берии о ее деле, тот приказал своему заместителю Круглову немедленно ее освободить. Спустя полчаса в Верховный суд страны было отправлено письмо, в котором МВД просило аннулировать приговор, а дело — закрыть.

Казалось, справедливость восторжествовала. Но это была только видимость…

30 мая 1953 года был образован 9-й (разведывательно-диверсионный) отдел МВД СССР во главе с генерал-лейтенантом Судоплатовым. Генерал-майор Эйтингон становится его заместителем.

Однако просуществовал этот отдел недолго. Практически сразу после ареста Берии он был упразднен. В июле 1953 года Эйтингон был уволен в отставку. А в августе его и Судоплатова арестовали.

Второй арест

В июне 1953 года был арестован руководитель Министерства внутренних дел СССР Л. П. Берия. Он был обвинен в шпионаже в пользу западных держав, попытке ликвидации Советского государства и установления власти буржуазии. Вслед за ним были арестованы и вскоре расстреляны несколько других высших чинов НКГБ — МГБ — МВД СССР: генерал-полковник Богдан Кобулов и его брат генерал-лейтенант Амаяк Кобулов; начальник следственной части по особо важным делам генерал-лейтенант Лев Влодзимирский; заместитель министра внутренних дел генерал-полковник Сергей Гоглидзе; бывший начальник внешней разведки и бывший посол СССР в Германии генерал-лейтенант Владимир Деканозов.

Вскоре по «делу Берии» были арестованы Павел Судоплатов и Наум Эйтингон, а также ряд других ответственных сотрудников МВД СССР.

Позже Муза Малиновская вспоминала рассказ отца:

«Судоплатова арестовали на работе. Что же касается Эйтингона, его забрали из дома — ведь он был уже «отставник». Генерал сидел на кухне и пил чай. Когда раздался звонок в дверь, он сразу понял, что пришли его арестовывать. Он сказал пришедшим: «Оружие под подушкой», встал, оделся и вышел. Эйтингон хотел, чтобы в его деле фигурировало, что он добровольно сдал оружие и не оказал никакого сопротивления при аресте. Как и генерал Судоплатов, он был доставлен в Бутырскую тюрьму.

Но если первый его арест происходил фактически тайно и мало кто догадывался о причинах его долгого отсутствия, то сейчас ситуация изменилась. В партийных организациях крупных предприятий, в институтах, на заводах и фабриках устраивались партийные собрания, на которых зачитывались списки так называемых «изменников Родины». В этих списках значился и генерал Наум Исаакович Эйтингон.

В 1953 году с семьей Эйтингона вообще перестали общаться. От нас отвернулись даже самые близкие люди. Не здоровались соседи по лестничной клетке, старые друзья».

Итак, в августе 1953 года Эйтингон вновь оказался за решеткой. Четыре года он провел в Бутырской тюрьме без суда.

В феврале 1955 года Эйтингон написал письмо в ЦК КПСС на имя Маленкова, Хрущева, Ворошилова, Молотова, Булганина, Микояна и Кагановича. На сопроводительном документе стоит пометка: «Доложено тов. Хрущеву Н. С. и тов. Суслову М. А.». Письмо объемное, подробное. Чувствуется, что Эйтингон надеялся, что повторный арест — ошибка и что политбюро разберется. Приведем отрывки из этого письма:

«От арестованного бывшего сотрудника МВД СССР, члена КПСС с 1919 года, генерал-майора Эйтингона. Глубокоуважаемые товарищи!

Прошу извинить, что мне приходится вас беспокоить, но тяжелое положение, в котором я сейчас нахожусь, вынуждает меня обратиться к вам с этим письмом. В конце 1951 года я был арестован МГБ СССР и, после 17-месячного пребывания в тюрьме, в марте 1953 года меня освободили и мне было заявлено, что я полностью реабилитирован и никаких претензий ко мне нет. Действительно, я вскоре был восстановлен в партии и на работе. <…>

В середине июля 1953 года я был вызван в отдел кадров МВД СССР, где мне зачитали приказ о моем увольнении из органов, но ничего членораздельного, чем вызвано такое решение, не сказали, а отделались общей фразой, что я не подхожу для работы в МВД (это после того, как я в течение почти 34-х лет непрерывно работал в органах государственной безопасности!). <…>

В августе 1953 года я был вторично арестован и вот уже полтора года нахожусь в тюрьме. Следствие по моему делу еще не закончено.

Со всей искренностью могу вас заверить, что я ни в чем не виновен, никогда ничего плохого против партии не делал и никакого отношения к преступлениям Берии не имею. <…>

С Берией я впервые встретился в мае 1939 года, когда я ему докладывал о своей работе по приезде из Испании, где я пробыл более 2-х лет — вначале в качестве заместителя, а потом резидентом НКВД СССР.

Спустя несколько недель после первой встречи Берия мне сообщил, что мне нужно будет выехать для выполнения очень важного правительственного задания в Мексику. Я начал подготовку к выезду, в это время Берия меня принимал довольно часто, так как шло обсуждение всяких деталей и подготавливался план. В начале августа план был утвержден в руководящей партийной инстанции, и я по иностранному паспорту выехал из СССР за границу. <…>

Перед самым моим отъездом в 1939 году Берия мне передал, что если я выполню порученное мне дело, то меня никогда не забудут, что мне всегда помогут и что мне не следует беспокоиться ни за свою семью, ни за своих ближайших родственников. Причем это мне было передано не как личное обещание Берии, а от имени ЦК нашей партии и тов. Сталина.

После моего возвращения, когда я докладывал Берии о выполнении задания, он мне сказал, что проделанной мною

работой довольны. <…> Тут же Берия снова подтвердил данное мне в 1939 году от имени ЦК обещание в отношении меня лично и моих родных и близких. <…>

Тяжелое положение, в котором я нахожусь в настоящее время, полуторагодичное пребывание в тюрьме, серьезная болезнь (у меня язва желудка, которая в последнее время очень часто обостряется), а также материальные затруднения, которые испытывают двое маленьких моих детей, вынуждают меня напомнить вам о данном мне в свое время обещании и попросить о его реализации. Обращаюсь к вам с просьбой:

Дать указание быстрее разобраться с моим делом и дать мне возможность жить, работать на пользу Родины и воспитать малолетних моих детей. Если же почему-либо мне не верят, я прошу не подвергать меня лишним мучениям, не заставлять меня тянуть свою старость (мне уже скоро 56 лет) по тюрьмам и тюремным больницам, а дать возможность умереть по-солдатски, так, как я и прожил свою жизнь. <…>

За то, что вас побеспокоил, — простите.

Прощайте.

Эйтингон.

25 февраля 1955 года.

Москва, Бутырская тюрьма, камера 195».

Обращаем внимание читателя, что в своем письме Эйтингон не просит выпустить его на свободу. Он просит лишь разобраться в его деле. Он хочет, чтобы по его вопросу было принято хоть какое-то решение.

Однако ответа на свое письмо Эйтингон так и не дождался.

Только в марте 1957 года состоялся суд. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила генерала Эйтингона — арестованного в 1951 году и «ошибочно и преступно» выпущенного на свободу Берией в 1953 году — к 12 годам лишения свободы «за измену Родине». Приговор был окончательный и обжалованию не подлежал.

В своем последнем слове генерал был резок и краток:

«Вы судите меня как человека Берии. Но я — не его человек. Если я чей-то, то считайте меня человеком Дзержинского. Но если быть более точным, то я — человек партии. Я выполнял ее задания. И государственные. И с вами о них я говорить не буду. Я считаю, что моя жизнь не дороже государственных тайн, которыми я обладаю. А по вашим лицам я вижу, что вы уже все решили. Поэтому — молчу…»

Из воспоминаний дочери Эйтингона Музы Малиновской:

«До самого последнего дня отец считал себя невиновным, а обвинения, выдвинутые в его адрес, — надуманными. Когда в

1964 году после его выхода из Владимирской тюрьмы я спросила его прямо: «Скажи, ты был в чем-то виноват?» — он ответил: «Мало того, что я не виноват, даже те, кто меня судил, знали это. Потому что в последнем слове я сказал: если считаете меня виновным, расстреляйте! Они не проронили ни слова, но и не расстреляли».

Свой срок Наум Эйтингон отбывал во Владимирской тюрьме, как говорится, «от звонка до звонка». Там же находился его начальник и товарищ генерал Судоплатов, получивший 15 лет тюрьмы. Одно время они даже были сокамерниками.

Интересные факты о пребывании Эйтингона и Судоплатова во Владимирской тюрьме приводят дети Эйтингона в своей книге «На предельной высоте»:

«Находясь во Владимирском централе, Эйтингон и Судоплатов все же старались не терять времени даром. Они не только много читали, но и занимались иностранными языками, переводили книги по истории, словом, готовились к жизни на свободе. При этом они оставались профессионалами, знатоками своего дела. Узнав о том, что в США идет формирование войск специального назначения «Зеленые береты», они написали письмо Хрущеву, в котором содержались их предложения относительно возможных способов противодействия спецвойскам США в случае вооруженного конфликта. Их письмо получило одобрение Шелепина, к этому времени ставшего секретарем ЦК и курировавшего вопросы безопасности и деятельность разведки. С письмом ознакомился и генерал-лейтенант Фадейкин, являвшийся в то время начальником 3-го управления (военной контрразведки) КГБ при СМ СССР. Он прислал во Владимир своего подчиненного, который обсудил с заключенными детали их предложения. Так в результате беседы двух арестантов на тюремных нарах в КГБ родился спецназ. Вскоре был создан Учебный центр, подчиненный Первому главному управлению.

Другим предложением, пришедшим из Владимирской тюрьмы, было предложение Эйтингона и Судоплатова возобновить переговоры с лидером курдского повстанческого движения Мустафой Барзани, чтобы использовать его против иракского диктатора генерала Керима Касема, с которым СССР стало все труднее о чем-либо договариваться. После их письма Судоплатова и Эйтингона в тюрьме посетил полковник Шевченко, начальник Владимирского областного управления КГБ. Он сообщил, что руководство КГБ использует их предложения. На этот раз их ждала награда: им выдали 2 килограмма сахара.

Было ли это важно? Скорее всего, да; ведь тюрьма всегда тюрьма, если даже заключенный — генерал».

Удивительное дело! Видимо, представители первого поколения советских чекистов были действительно особенными людьми. Так, уже упоминавшийся замечательный разведчик Яков Серебрянский, который возглавлял во второй половине 1930-х годов в Париже специальную нелегальную группу, работавшую над реализацией операции «Сынок», после бегства Александра Орлова был отозван в Москву и 10 ноября 1938 года арестован. До 13 февраля 1939 года он содержался под стражей во внутренней тюрьме на Лубянке без санкции прокурора. 7 июля 1941 года Серебрянский был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания, в августе того же года амнистирован, восстановлен во всех правах и всю войну успешно проработал в 4-м управлении НКВД. А весь период следствия в 1939 году, находясь в жутких условиях, Серебрянский активно трудился над учебным пособием — «Наставление для резидента по диверсии».

В этом «наставлении» Серебрянский рассматривал нелегальную работу как важную составляющую обороны страны за счет уничтожения главных военных объектов противника в случае его нападения на Советский Союз. Считая эту работу очень ответственной, он указывал: «Только тот имеет право посылать товарищей на опасную для их жизни работу, кто сам готов подвергнуть себя этой опасности. Ты должен быть счастлив, что партия тебе доверяет такой ответственный участок работы».

Боевые друзья и коллеги Эйтингона и Судоплатова не бросили осужденных генералов в беде. Герои Советского Союза Евгений Мирковский, Станислав Ваупшасов, Кирилл Орловский, приехавший в Москву после двадцатилетнего пребывания в мексиканской тюрьме Рамон Меркадер, ставший в 1960 году Героем Советского Союза, его мать Каридад, отмеченная высшей наградой нашей страны — орденом Ленина, лидер испанских коммунистов Долорес Ибаррури, руководители французской и австрийской компартий, генерал-лейтенант Болгарской народной армии, Герой Социалистического Труда НРБ Иван Винаров, работавший под началом Эйтингона еще в Китае в 1920-е годы, видные советские разведчики Вильям Фишер (Рудольф Иванович Абель), Лев Василевский, Георгий Мордвинов, Зоя Воскресенская-Рыбкина и многие другие писали письма в ЦК, обращались в другие инстанции с просьбами о пересмотре дел Судоплатова и Эйтингона. Но письма оставались без ответа. А на письмо в ЦК КПСС министра обороны Болгарии генерала Винарова последовал настолько резкий ответ, что болгарский министр довольно долго «приходил в себя»…

Зоя Воскресенская… У людей послевоенного поколения это

имя вызывает трепетные школьные воспоминания: «программные» книги о Володе Ульянове и его семье, повести и рассказы о советских детях — пионерах и октябрятах.

Почти до последних дней своей жизни Зоя Ивановна была известна у нас в стране только как детский и юношеский писатель — лауреат Государственной и ряда других литературных премий, лауреат премии Ленинского комсомола, автор книг, переведенных на многие языки, как теперь говорят, ближнего и дальнего зарубежья. Ее книги были изданы немыслимым тиражом: 21 миллион 642 тысячи экземпляров. И лишь самые близкие люди и товарищи по работе знали, что Зоя Ивановна, прежде чем стать знаменитым писателем, 25 лет прослужила в советской внешней разведке.

После окончания Великой Отечественной войны она работала некоторое время заместителем, а затем начальником немецкого отдела внешней разведки.

Сегодня, когда за давностью событий приоткрываются архивы секретных служб довоенного и военного времени и становятся общественным достоянием доселе неизвестные имена сотрудников внешней разведки, внесших значительный вклад в обеспечение безопасности нашего Отечества, следует подчеркнуть, что Зоя Воскресенская (по мужу — Рыбкина) входила в элиту советских разведчиков. И не случайно на стендах Кабинета истории внешней разведки, рассказывающих о виртуозах-разведчиках, проникавших в самые сокровенные тайны противника, добывая для Родины, порой с немалым риском для жизни, важнейшую информацию, почетное место отведено и Зое Воскресенской-Рыбкиной.

Уже смертельно больная, Зоя Ивановна узнала, что ее неожиданно «рассекретили». И она спешно принялась за книгу, свою последнюю книгу. Быстро написала ее, но, к сожалению, не дожила до ее выхода в свет несколько месяцев.

«Теперь я могу сказать правду» — так Зоя Воскресенская назвала свое последнее произведение, в котором рассказала не только о себе и своей работе в советском сверхсекретном ведомстве, но и о многих своих товарищах — Василии Зарубине, Павле Фитине, Павле Журавлеве, Георгии Мордвинове, Павле Судоплатове, Науме Эйтингоне и других, имена которых давно уже стали легендой не только в нашей, но и в большинстве иностранных секретных служб.

Весной 1953 года, когда полковнику Воскресенской-Рыбкиной до пенсии оставалось немногим более года, умер Сталин. Зоя Ивановна так рассказывала об этих днях:

«После траурных дней стали приоткрываться черные

страницы неоднозначной личности «отца народов». Начались аресты тех, кто участвовал в расправах 1937–1938 годов. На Лубянке поспешно освобождались от старых кадров, увольняли, как это обычно у нас делалось, всех подряд. Под подозрение брали каждого».

В конце августа был арестован начальник 4-го управления НКВД СССР генерал-лейтенант Судоплатов, а немногим ранее — генерал-майор Эйтингон, с которыми Воскресенская-Рыбкина долгое время работала в разведке и которые были ее непосредственными начальниками в Особой группе в первые месяцы войны. На отчетно-выборном партийном собрании, где ее выдвигали в партком управления внешней разведки, Зоя Ивановна выступила в защиту своих товарищей и сказала о них добрые слова, подчеркнула, что не верит необоснованным и бездоказательным обвинениям в их адрес.

На следующий день Воскресенской-Рыбкиной объявили, что она увольняется «по сокращению штатов». В то же время ее должность начальника отдела не была сокращена. До пенсии, как мы уже отмечали, Зое Ивановне оставалось проработать около года. Будучи волевым человеком, она стала ходить «по инстанциям», добиваясь справедливого разрешения своего дела. Ее направили в распоряжение ГУЛАГа.

Полковнику Воскресенской-Рыбкиной предложили поехать в Воркутинский лагерь для особо опасных преступников на должность начальника спецотделения, которую занимал старший лейтенант, ожидавший замены. Она дала согласие. Выше майора по званию в Воркуте никого не было. Рассказывают, что когда она приехала к новому месту работы, все мужчины-офицеры кинулись скупать одеколон. В свои 48 лет Воскресенская была по-прежнему очень красивой женщиной…

На свободу Эйтингон вышел только 20 марта 1964 года. Ему разрешили проживать в Москве вместе с семьей. Поскольку он свободно владел четырьмя иностранными языками, то работал переводчиком, а затем — старшим редактором в издательстве «Международные отношения». И продолжал бороться за свою реабилитацию и восстановление в партии. В этом ему помогали друзья и коллеги.

Так, во время празднования XX годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне группа из тридцати одного ветерана НКВД — КГБ, включая пятерых Героев Советского Союза, обратилась к Л. И. Брежневу с просьбой решить вопрос о реабилитации Эйтингона и Судоплатова. Ответа, как и раньше, не последовало.

В феврале 1966 года в адрес XXIII съезда КПСС были

направлены весьма серьезные документы с ходатайством о реабилитации Судоплатова и Эйтингона, которое подписали 28 чекистов, работавших ранее в Особой группе НКВД — НКГБ СССР: генералы и офицеры, разведчики и фронтовики, партизаны и нелегалы, проявившие честность и высокую порядочность и подтвердившие, что считают невиновными разведчиков, которых государственные чиновники обвинили в предательстве.

В ходатайстве, в частности, говорилось (публикуется по книге «На предельной высоте»):

«Во-первых, мы узнали, что коммунисты Судоплатов П. А. и Эйтингон Н. И. виновными себя в предъявленных обвинениях не признавали и не признают.

Во-вторых, к нашему удивлению, мы узнали, что в приговорах по делам Судоплатова и Эйтингона сказано, что Особая группа НКВД СССР, ими возглавляемая, по планам, разработанным Судоплатовым, якобы занималась уничтожением советских людей, неугодных бывшему наркому НКВД Берии. В приговоре и на суде не было приведено ни одного факта — когда, где, кем совершены преступные действия, приписываемые — Особой группе. Не названо ни одного имени пострадавших, потому что таких фактов нет.

В приговоре говорится, что эта Особая группа будто бы была создана «из особо доверенных Берии лиц». Но кто эти лица, не указано ни одного имени. Нам не известен ни один сотрудник Особой группы, который был бы привлечен к судебной ответственности за так называемую преступную деятельность Особой группы, которая инкриминирована Судоплатову и Эйтингону.

Зато нам известны сотрудники Особой группы, которые вошли в историю своей героической борьбой с кровавыми врагами нашей Родины: Герои Советского Союза товарищи — Лягин, Молодцов, Кудря, Кузнецов, Медведев, Галушкин, Озмитель, Орловский и многие другие, как погибшие в борьбе с врагами, так и ныне живущие.

Нам хорошо известно, что Особая группа при Наркоме НКВД СССР (переименована во 2-й отдел в конце 1941 года, а в 1942 году — в 4-е управление) с первых же дней войны и до ее расформирования после войны под руководством начальника Особой группы тов. Судоплатова и его заместителя тов. Эйтингона с честью выполняла поставленные перед ней партией задачи как на временно оккупированной врагом территории, так и за рубежом. Это подтверждается документами, хранящимися в архивах МВД — КГБ, а также это могут подтвердить многочисленные непосредственные участники этих дел, и в том

числе мы, подписавшие это письмо.

Поэтому обвинения Судоплатова и Эйтингона, сформулированные в приговоре, мы рассматриваем как извращение исторической правды, как безответственную клевету на многочисленный коллектив коммунистов, комсомольцев, чекистов Особой группы, как живых, так и погибших…»

Ответа вновь не последовало.

В середине 1970-х годов Эйтингон предпринял одну из последних попыток добиться справедливости: написал письмо с просьбой о реабилитации лично председателю КГБ при СМ СССР Ю. В. Андропову, с которого мы начали наше повествование. Но и тогда его просьба не была удовлетворена, поскольку этому воспротивился «главный идеолог партии» Михаил Суслов. Во время пребывания Эйтингона в Литве между ним и Сусловым, являвшимся там уполномоченным ЦК, произошло столкновение, которое старый партийный догматик не забыл.

И, наконец, на очередное письмо Героя Советского Союза генерал-майора Рамона Меркадера, пытавшегося все-таки добиться реабилитации Эйтингона и Судоплатова, член политбюро, секретарь ЦК КПСС Михаил Суслов заявил как отрезал: «Мы решили для себя судьбу этих людей раз и навсегда. Не суйте нос не в свое дело».

Наум Исаакович Эйтингон скончался 3 мая 1981 года, так и не дождавшись ни реабилитации, ни восстановления в партии, ни возвращения боевых наград.

В 1978 году на Кубе скончался генерал-майор Меркадер, работавший там советником в Министерстве внутренних дел. Несколько раньше ушли из жизни Ваупшасов, Прокопюк, Фитин, Фишер, Винаров, Орловский, Мордвинов, Рабцевич, активно призывавшие руководство страны и партии реабилитировать боевых генералов. Теперь борьбу за восстановление доброго имени Эйтингона и своего собственного вел Судоплатов, выпущенный на свободу 21 августа 1968 года. Они много лет шли по жизни плечом к плечу, и Судоплатов хотел, чтобы и реабилитированы они были вместе. Произошло это, однако, только десятилетия спустя — в 1992 году.

Из воспоминаний генерала Судоплатова:

«В 1991 году органы военной юстиции пришли к заключению, что дело Абакумова было сфабриковано и, хотя он нес ответственность за незаконные репрессии, он не был виновен в государственной измене или преступлениях против партии. <…>

Военная прокуратура по-новому подошла к моему делу и делу Эйтингона. Материалы доказывали, что мы не фабриковали

фальшивых дел против «врагов народа». Официальные обвинения, что мы являлись пособниками Берии в совершении государственной измены, планировании и осуществлении террористических актов против правительства и личных врагов Берии, были опровергнуты документально.

После августовских событий 1991 года и распада СССР, незадолго до ухода в отставку, главный военный прокурор прекратил наши дела и заявил: если бы я не реабилитировал вас, архивные материалы показали бы, что я еще один соучастник сокрытия правды о тайных пружинах борьбы за власть в Кремле в 1930—1950-х годах. Он подвел черту в нашем деле и подписал постановление о реабилитации Эйтингона и меня».

Таким образом, посмертная реабилитация разведчика состоялась только в апреле 1992 года.

А 9 мая 2000 года детям Наума Исааковича Эйтингона были возвращены его награды: два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, ордена Суворова II степени и Отечественной войны I степени, два ордена Красной Звезды, а также медали, в том числе — боевая медаль «Партизану Отечественной войны» I степени, пользовавшаяся особым уважением у населения нашей страны в военный и послевоенный периоды.

Глава девятая
О ЛИЧНОМ…

Истинный герой отличается простотой нравов и нежностью чувств в мирное время, мужеством и хитростью на поле брани и пламенной любовью к отечеству.

Федор Николаевич Глинка

Несмотря на постоянные различные невзгоды и удары судьбы, подлинное утешение Эйтингон всегда находил в семье и детях. Женщины любили разведчика. Он был несколько раз женат.

В трех браках у Эйтингона было четверо детей (два сына и две дочери), а также падчерица и пасынок, которые для него были как родные. Он завещал своим детям жить дружно и помогать друг другу. И не удивительно, что все дети между собой всегда дружили, а после ухода из жизни некоторых из них уже их дети и внуки продолжают поддерживать тесные родственные отношения, крепя память о своем прародителе — замечательном советском разведчике и российском патриоте Науме Эйтингоне.

Наум Исаакович сумел вырастить своих детей людьми достойными. Все они получили высшее образование и добились высокого положения в обществе.

Сын от первого брака, Владимир Наумович, был офицером радиоконтрразведки, участником Великой Отечественной войны. В 1951 году он был уволен из органов, а в 1953-м — с машиностроительного завода в Воронеже. Однако не сломался, стал ученым, деканом экономического факультета Воронежского университета.

Во втором браке с Ольгой Георгиевной Васильевой Эйтингон воспитывал двух девочек: свою дочь Светлану, родившуюся в Китае, и падчерицу Зою Зарубину (ее отцом был первый муж Васильевой — замечательный советский разведчик генерал-майор Василий Михайлович Зарубин). Светлана Наумовна стала успешным врачом, а Зоя Васильевна, великолепная спортсменка, чемпионка общества «Динамо» по легкоатлетическому кроссу и замечательный лингвист — сотрудницей советской внешней разведки.

В своих воспоминаниях, рассказывая о падчерице своего

друга, Павел Судоплатов отмечал: «Арест Эйтингона положил конец службе Зои Зарубиной в органах нашей разведки. Она успешно работала с материалами по атомному оружию, на Ялтинской и Потсдамской конференциях, но вынуждена была уйти из органов после его ареста. Прекрасное знание английского языка помогло ей стать одним из ведущих преподавателей, а затем — деканом факультета английского языка Московского института иностранных языков».

Добавим, что позже Зоя Васильевна Зарубина длительное время руководила подготовкой синхронных переводчиков для Организации Объединенных Наций, преподавала в Дипломатической академии. Она являлась видным общественным деятелем нашей страны и международного женского движения, участницей многих международных конференций.

Как отмечалось в самом начале этой книги, проживавшая в Шклове семья Эйтингонов принадлежала к самым бедным слоям общества. В то же время у семьи по линии отца в Европе и США находились весьма состоятельные родственники, занимавшиеся меховой торговлей.

По завершении учебы в военной академии Эйтингон был переведен на работу в Иностранный отдел и начал готовиться к выезду в одну из европейских стран с нелегальных позиций. Однако европейская родня отказалась выполнить его просьбу прислать необходимые рекомендации, бумаги и деньги «для поездки в Западную Европу». А это могло стать хорошим легальным прикрытием для его оперативной работы. В результате Эйтингон выехал на работу в Китай. Позже Павел Судоплатов рассказывал:

«В 1992 году дочь Эйтингона Светлана позвонила мне по телефону и попросила принять свою дальнюю родственницу из Англии, которая приехала в Москву собирать материалы для книги об Эйтингонах. Во время нашей встречи в мае 1992 года я узнал от нее, что ветви «клана» Эйтингонов можно найти в Белоруссии, Москве, Нью-Йорке и Лейпциге. Однако родственники, которые переехали из Европы в Америку и пользовались особыми льготами по торговле меховыми изделиями из Советского Союза, не сыграли никакой роли в профессиональной карьере Эйтингона, и он не поддерживал контактов с ними даже после освобождения из Владимирской тюрьмы».

В 1941 году Эйтингон женился на Музе Григорьевне Малиновской…

17 июня 1935 года все газеты Советского Союза сообщили о том, что в районе Химок (Московская область) был установлен

новый мировой рекорд: девушки-парашютистки прыгнули с высоты 7035 метров без кислородных приборов. Кроме того, это был первый в мире групповой прыжок женщин-парашютисток. Его совершили шесть девушек, среди которых была красавица Муза Малиновская.

Муза Малиновская (в девичестве Вихирева) родилась в 1913 году. В 1931 году вышла замуж за Григория Малиновского — инструктора и наставника девушек-парашютисток. В 1932 году у них родился сын Станислав. Накануне войны брак распался.

В период установления рекорда Муза являлась студенткой Института физкультуры, помимо парашютного спорта занималась планеризмом, училась летать на самолете У-2. В 1940 году она стала начальником физподготовки в Академии гражданского флота.

С началом Великой Отечественной войны реакция большинства молодых людей в СССР была однозначна: сотни тысяч юношей и девушек осаждали призывные пункты и военкоматы с требованием отправить их на фронт для борьбы с врагом. Абсолютное большинство были убеждены, что война очень скоро будет окончена сокрушительным разгромом фашистов, и торопились внести свою лепту в этот разгром.

Муза тоже боялась опоздать. Уже 23 июня 1941 года она пошла в ЦК ВЛКСМ, по поручению которого ранее как прославленная парашютистка неоднократно выезжала с лекциями по стране.

В ходе беседы с одним из ответственных сотрудников аппарата Малиновская предложила, чтобы ее — парашютистку, спортсменку, планеристку и летчицу — использовали в любом качестве, в каком она может принести пользу стране. В ЦК комсомола ее направили в органы государственной безопасности.

Обратимся вновь к воспоминаниям детей разведчика:

«В первые дни Великой Отечественной войны Муза вместе с другими прославленными парашютистками и их коллегами-мужчинами была направлена в распоряжение Особой группы НКВД СССР, где и встретилась с профессиональным разведчиком Наумом Эйтингоном.

Лубянка, июль 1941 года. В НКВД идет оживленная работа. Особая группа начала активную подготовку к отражению вражеского нападения диверсионными средствами и формированию парашютно-десантного подразделения. В него принимали комсомольцев и спортсменов. Нет ничего удивительного в том, что в это подразделение попала отличная парашютистка и летчица Муза Малиновская.

Кабинет майора госбезопасности Эйтингона. За столом сидит

моложавый мужчина средних лет с волевым лицом. Вокруг на стульях и маленьком диванчике — совсем молодые люди, в основном мужчины. Среди них только три женщины, одна из них — Муза Малиновская. Речь идет о подготовке диверсионных групп, которые будут направлены на оккупированную врагом территорию. Одним из главных способов доставки этих групп к месту назначения является парашют, и владеть им должны уметь все.

Постоянно звонит телефон. Какой, трудно понять: их на маленьком приставном столике — пять или шесть. Но хозяин кабинета безошибочно берет нужную трубку. Он снимает трубку с одного телефона и разговаривает по-английски. Снимает трубку с другого — и разговаривает по-французски. Как потом рассказывала Муза Малиновская, она была поражена организаторскими способностями хозяина кабинета, его знанием иностранных языков, сосредоточенностью, доброжелательностью, умением добиться желаемого результата.

Можно не сомневаться, что и Эйтингон, высочайший профессионал своего дела, несмотря на сложность обстановки и загруженность делами, сразу обратил внимание на красивую молодую женщину со спортивной фигурой и ясным взглядом, первые же слова которой на собраниях и занятиях показали ее ум, спокойствие и уверенность в себе. Он не мог не отметить, что у этой женщины было все, что нужно для разведчицы, отправляющейся за рубеж с опасным заданием. Вскоре Муза стала женой Наума Эйтингона. После замужества выезжала с ним для выполнения ряда важных оперативных заданий за рубеж.

Являясь инструктором по парашютной подготовке бойцов ОМСБОНа, Муза Малиновская часто сопровождала группы парашютистов до места высадки, руководила их высадкой, а потом на этом же самолете возвращалась назад на базу. Порой эти высадки были настолько засекречены, что силы противовоздушной обороны не были предупреждены о пересечении линии фронта советским самолетом, и когда он возвращался, то неминуемо попадал под ураганный обстрел зениток. Это были самые неприятные моменты, потому что было бы, конечно, горько и обидно погибнуть от снаряда, выпущенного своими же войсками».

25 октября 1943 года Муза родила Эйтингону сына и назвала мальчика так, как всегда звала его отца, — Леонидом. В 1947 году в семье появился второй ребенок — дочь Муза.

Леонид Наумович Эйтингон являлся профессиональным спортсменом, мастером спорта СССР по футболу. После окончания Хабаровского политехнического института работал в

Москве. Муза Наумовна Малиновская — педагог, тренер, мастер спорта СССР по гимнастике, кандидат педагогических наук.

Для того чтобы немножко больше узнать о Науме Исааковиче как о человеке, еще раз обратимся к воспоминаниям его детей, а также друга и коллеги Павла Судоплатова.

В 1938 году Павел Судоплатов выполнял ответственное задание Центра за рубежом. Прикрывал его Наум Эйтингон. Позже Судоплатов вспоминал: «После операции Эйтингон сопровождал меня до Гавра и посадил на борт советского судна. До сих пор помню, как он выглядел: посмотришь на него и подумаешь, что это обычный французский уличный торговец — без галстука, в неизменном кепи, которое он носил даже в жару.

За годы заграничной работы Эйтингон научился отлично вписываться в местную среду».

Рассказывают дети со слов матери:

«В 1943 году, помимо рождения Леонида, произошло еще одно событие, оставившее заметный след, причем в самом буквальном смысле: шрам на лице Эйтингона.

Поздним вечером он ехал по заснеженным улицам Москвы в старом «роллс-ройсе». Эйтингон сидел на заднем сиденье, которое было отгорожено от водительского кресла стеклом. Стекло было полуопущено.

Внезапно улицу стал перебегать мальчик, и водитель, чтобы не задавить ребенка, резко свернул в сугроб. В нем оказался противотанковый «еж», сваренный из стальных рельсов.

Удар был сильным. Эйтингона бросило вперед, на стекло, в результате чего у него оказались рассечены щека и подбородок.

Водитель доставил его в ближайшую больницу, где Эйтингону была наспех сделана операция. Она оказалась неудачной; раны плохо заживали, гноились, и когда наконец швы сняли, выяснилось, что на лице остался грубый шрам.

Разведчик-профессионал, Эйтингон не мог не переживать из-за этого случая. В шутку он говорил, что в мире уже известен один разведчик со шрамом — Отто Скорцени — и второй будет уже ни к чему. Он понимал, что шрам не просто портит лицо, а будет очень мешать в заграничной работе. <…>

С годами шрам стал менее заметен, и Эйтингон с ним смирился. Он даже придавал ему больше мужественности. Кроме того, теперь, когда он стал одним из руководителей советской разведки, стало ясно, что о продолжительной подпольной работе за границей ему помышлять уже не придется».

Из книги «На предельной высоте»:

«Пока генерал Эйтингон проводил долгие часы за рабочим столом, в перелетах в разные концы огромной страны и в

поездках за ее рубежами, его близкие жили жизнью обычной московской семьи. Был ли в этой семье достаток? Наверное, был: дети были одеты в добротную одежду, да и жена могла кое-что время от времени себе покупать.

Генерал, хотя у него и был «выходной» гардероб, любил ходить на прогулки с детьми в военной форме — ему нравилось, что они гордятся отцом. Только в такое время он позволял себе блеснуть генеральским мундиром и орденской колодкой: во всем остальном он был скромным человеком и требовал того же от всех членов семьи.

Единственным его увлечением, ненадолго отрывавшим его от семьи, оставалась охота.

Объездив весь мир и повидав на своем веку столько, что хватило бы на несколько биографий, Эйтингон ценил простые житейские радости: семейный уют, любовь детей, преданность жены. Зло, которое встречалось на его пути, научило его ценить добро во всех формах и проявлениях, и он щедро делился этим умением с детьми. <…>

Незадолго до Нового 1951 года, когда отец был в отъезде, в семье приобрели щеночка. Щенок был белый, пушистый и, конечно, всем нравился. Когда приехал отец, он заметил, что было бы совсем неплохо приобрести охотничью собаку, которая стала бы сопровождать его на охоте. Прошло несколько недель, и наши соседи, которым очень понравился щенок, доверительно сказали матери, что, если мы задумаем приобрести другую собаку, они с удовольствием возьмут у нас нашего щенка. Мать хотела сделать отцу приятное и сообщила ему, что мы нашего щенка можем теперь отдать и купить для отца охотничью собаку. Он, однако, улыбнулся и сказал: «Охота, конечно, дело хорошее, но дети уже привыкли к этой собачке, да и я тоже. Пусть она останется у нас»…»

Об исключительно серьезном отношении Наума Исааковича к молодым сотрудникам свидетельствует следующий факт, рассказанный Павлом Судоплатовым в одной из своих книг:

«Помню, я как-то раз принес ему личное дело молодого чекиста, служившего возле польской границы, с просьбой по возможности перевести его на работу в качестве одного из сотрудников отделения, которым Эйтингон руководил. В деле находилась записка заместителя начальника отдела украинского ГПУ, рекомендовавшего его для службы в Польше недалеко от того места, где тот жил и работал. Эйтингону не хотелось посылать этого молодого человека в Польшу, рядом с границей, где того могли узнать. И он прокомментировал это так: «Если этого парня, не имеющего никакого опыта, поймают при обычной

проверке, то чья голова тогда полетит? Если я стану слушать подобные рекомендации, надо будет завести специальную корзину для собирания голов».

Я решил, что вопрос закрыт и ему не хочется, чтобы его беспокоили по поводу устройства этого человека. Но неожиданно Эйтингон сам позвонил Якову Минскеру, возглавлявшему отделение по Дальнему Востоку, и предложил ему взять на работу этого сотрудника».

Рассказывает Муза Наумовна Малиновская:

«Осенью 1951 года сын Эйтингона Леонид должен был идти в первый класс, и отец старался улучить минуту, чтобы позаниматься с ним чтением. У Леонида не всегда получалось, и тогда отец нервничал, ходил по квартире, переживал, ссорился с сыном, потом обнимал его и снова заставлял заниматься.

Леонид хотел стать моряком, и поэтому ему выбирали школу, в которой преподавали английский язык. Обучение тогда было раздельное, и школа для мальчиков с английским языком оказалась не так уж и близко: для того чтобы добраться до нее, нужно было перейти проспект, по которому мчались автомобили. Поэтому директор школы взял с матери мальчика подписку, что она обязуется провожать его в школу и встречать после занятий. Подземных переходов тогда не было. <…>

Однако проводить Леню в первый класс Эйтингон не смог. Генерал находился тогда в Литве. Зато первого сентября Леня получил первую в жизни телеграмму на свое имя, в ней было поздравление от отца».

Как отмечал Павел Судоплатов, рассказывая о своем друге, у Эйтингона «никогда не было никаких сбережений, и даже скромная обстановка в квартире была казенной». Генералу вторит дочь Эйтингона Муза:

«Когда Эйтингон был арестован, к нам домой пришли с обыском. Маму спросили:

— Дача есть?

— Нет, — ответила она.

— А машина?

— Тоже нет, — прозвучал ответ.

Пришельцы осмотрели комнату и с удивлением обнаружили на некоторых вещах инвентарные номера. «Вот так генерал…» Они пожали плечами, забрали охотничье ружье отца, еще какие-то мелочи и ушли, довольно пренебрежительно взглянув на детей.

Это произошло в октябре 1951 года, шесть лет спустя после окончания войны».

Из книги «На предельной высоте»:

«Наступил 1963 год. Леонида должны были со дня на день призвать в армию (он отслужил срочную службу на Краснознаменном тихоокеанском флоте. — *В. А.)*. Муза училась в 9-м классе: не за горами были выпускные экзамены. Эти два события были очень важны для семьи, и в своих письмах Эйтингон старался не внушать им тревоги за себя, отвлекать их этим от текущих дел. Он писал им, что чувствует себя «как обычно», что проблем со здоровьем у него нет.

На самом деле все было не так. Он чуть не умер от опухоли в кишечнике. Его сестра, известный в Москве врач, добилась от тюремных властей разрешения на то, чтобы Эйтингона посетил в тюрьме хирург-онколог Минц. Он спас Эйтингона, блестяще сделав в тюремном лазарете операцию. Кстати, в соответствии с договоренностью, операция была платной. Она длилась долго, проводилась в довольно тяжелых условиях. Но когда сестра Эйтингона приехала к хирургу, чтобы вручить ему его гонорар, он взять деньги отказался. По словам Минца, он не знал, кого будет оперировать; узнав же, заявил, что считает за честь продлить жизнь такого человека, как генерал Эйтингон, и никакой платы за операцию не возьмет».

Несмотря на длительное пребывание в тюрьме, Эйтингон сохранил светлый ум и прекрасную память. Во время прогулок с дочерью по Москве, которые генерал очень любил, он читал наизусть стихи Пушкина, Есенина, Блока.

«Увидев у меня на столике томик стихов шотландского поэта Роберта Бернса, отец сказал, что приятно удивлен, — рассказывает дочь Муза. — Он искренне радовался, что я читаю не только то, что положено читать по школьной программе. А я была удивлена, услышав от него наизусть целые главы из Евгения Онегина. И самым любимым отрывком его было письмо Онегина к Татьяне. Он с удовольствием вслушивался в музыку стиха и хотел, чтобы я испытывала такое же благоговение перед ней. Мне было немножко странно, что человек столь суровой профессии мог так относиться к стихам, к творчеству, ко всему прекрасному…

После выхода из тюрьмы Эйтингон снова начал активно общаться с прежними коллегами по работе в центральном аппарате внешней разведки и с товарищами по боевой работе за кордоном: в Турции, Китае, Мексике, Испании, США».

Могила Эйтингона на Донском кладбище в Москве окружена могилами его соратников и друзей.

Иосиф Григулевич, Вильям Фишер (Рудольф Абель), Конон Молодый, Яков Серебрянский, Павел Судоплатов, Сергей

Шпигельглаз, как и Наум Эйтингон, являлись романтиками и подлинными рыцарями внешней разведки, служившими ей и своей стране без страха и упрека, и после ухода из жизни оказались вновь вместе.

Вечная им память!

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Отец Наума Исаак Файвелович. Фото из семейного архива

Наум — студент Могилевского коммерческого училища.

1915 г. Фото из семейного архива

Дети Исаака Эйтингона. Наум — стоит во втором ряду.

Фото из семейного архива

Сотрудник Гомельской ЧК Наум Эйтингон. 1920 г.

Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский

Руководитель «Народного союза защиты Родины и свободы» Борис Савинков

Председатель Гомельской губернской ЧК Николай Волленберг

Начальник советской внешней разведки (1922–1929) Михаил (Меер) Абрамович Трилиссер. Москва, 1926 г.

Владимир Алексеев-Железняков, соратник Наума Эйтингона. Токио, 1931 г.

Наум Эйтингон (справа) в Башкирии.

1922 г. Фото из семейного архива

Генерал Императорской армии Японии Гиити Танака

Одна из улиц Харбина. Конец 1920-х гг.

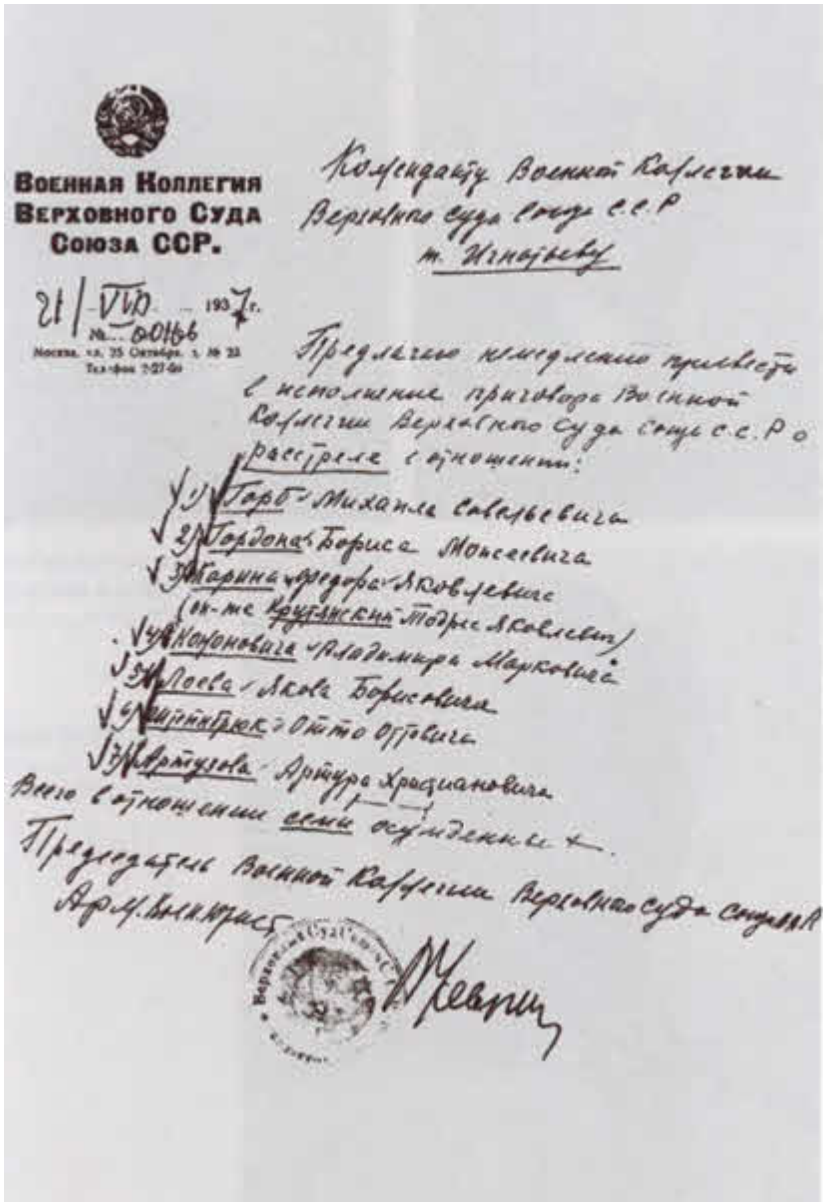
Федор Яковлевич Карин. Москва, 1933 г.

Наум Эйтингон. 1930 г.

Старший майор госбезопасности Павел Судоплатов. 1940 г.

Чекист Григорий Сыроежкин. 1924

Руководитель советской внешней разведки (1931–1935) Артур Христианович Артузов



Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР.

21/VIII 1937 г.
№ 00166
Москва, ул. 25 Октября, д. № 23
Телефон 2-27-60

Комендатуру Военной Коллегии
Верховного суда Союза С.С.Р
т. Игнатьеву

Предлагаю немедленно привести
в исполнение приговора Военной
Коллегии Верховного Суда Союза С.С.Р о
расстреле в отношении:

1) Горбо Михаила Саватьевича
2) Гордона Бориса Моисеевича
3) Югарина Григория Яковлевича
(он же Крутянский Тодрис Яковлевич)
4) Куконозова Владимира Марковича
5) Лосева Якова Борисовича
6) Шнитарка Отто Оттовича
7) Артузова Артура Христиановича

Всего в отношении семи осужденных.

Председатель Военной Коллегии Верховного суда Союза ССР
Ар. Ульрих

Верно: [illegible]

Указание председателя Военной коллегии Верховного суда СССР В. Ульриха о приведении в исполнение приговора о расстреле осужденных, в том числе А. Х. Артузова

Сотрудник внешней разведки Станислав Ваупшасов. 1937 г.

Сотрудник внешней разведки Кирилл Орловский

Сотрудник внешней разведки Николай Прокопюк

Сотрудник внешней разведки Александр Рабцевич

Наум Исаакович Эйтингон. 1937 г.

Полковник Яков Серебрянский. Москва, 1946 г.

Руководитель ПОУМ Андреас Нин

Сергей Михайлович Шпигельглаз

Воронка от бомбы на улице Барселоны.

Справа смотрит в сторону фотографа Эйтингон.

1937 г. Фото из семейного архива. Публикуется впервые

Лев Давидович Троцкий

Советские разведчики в Испании.

На переднем плане — Л. П. Василевский.

Далее слева направо:

А. М. Рабцевич, Г. С. Сыроежкин, К. П. Орловский.

Мадрид, август 1937 г.

Л. Д. Троцкий со старшим сыном Львом Седовым

Рамон Меркадер («Раймонд»)

Рамон Меркадер (слева) в тюремной мастерской. 1950-е гг.

Сотрудница парижской резидентуры Зинаида Батраева. 1952 г.

Анна Федоровна Камаева-Филоненко. Москва, 1941 г.

Александр Демьянов («Гейне»)

Генрих Шерхорн («Шубин»)

Медаль «Партизану Отечественной войны» I степени

Бойцы разведывательно-диверсионного отряда ОМСБОН минируют железную

дорогу. 1942 г.

Генерал-майор Эйтингон. Москва, 1945 г.

Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина. ***Москва, 1946 г.***

Старший лейтенант госбезопасности Михаил Маклярский. ***1936 г.***

Георгий Иванович Мордвинов, соратник Н. И. Эйтингона

Яков Исаакович Серебрянский. ***Москва, 1942 г.***

Вильям Генрихович Фишер (Рудольф Иванович Абель)

Разведчик-нелегал Исхак Абдулович Ахмеров. Москва. 1947 г.

"УТВЕРЖДАЮ"
ПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР
ПО ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА
(ФИТИН)
7" ноября 1944г.

СОВ.СЕКРЕТНО.

"РАССЕКРЕЧЕНО"
Служба внешней разведки РФ 10

П Л А Н

МЕРОПРИЯТИЙ ПО АГЕНТУРНО-ОПЕРАТИВНОЙ РАЗРАБОТКЕ "ЭНОРМОЗ"

1. Состояние научных работ по проблеме "Энормоз"

По материалам агентурно-оперативной разработки положение с научно-производственной разработкой проблемы "Энормоз" в различных странах представляется в следующем виде:

1. В США

США являются наиболее важным центром работ по "Энормозу", как по масштабам работ, так и по достигнутым результатам. Работы продолжают развиваться весьма успешно.

Результаты исследовательских работ, проводимых в ведущих университетах страны, быстро реализуются на практике; одновременно с работами в лабораториях ведутся проектные работы, строятся полупроизводственные установки и осуществляется заводское строительство больших масштабов.

Состояние работ по каждому из 3-х основных направлений работ:

а) Выделение активного урана 235 из природного урана.

По разработанному научными работниками методу выделения диффузионно-электромагнитным способом раз-

План операции «Энормоз»

Разведчик-нелегал Африка де лас Эрас («Патрия»). 1954 г.

Герой Советского Союза Рамон Иванович Лопес (Рамон Меркадер). 1970-е гг.

Начальник советской внешней разведки (1939–1946) генерал-лейтенант П. М. Фитин. 1946 г.

Михаил Андреевич Аллахвердов, соратник Н. И. Эйтингона

Генерал Эйтингон и Муза Малиновская (коллаж)

Муза Малиновская, жена Наума Эйтингона. 1941 г.

Фото из семейного архива

Семья Н И. Эйтингона. Москва, 1950 г.

Фото из семейного архива

Наум Исаакович Эйтингон. Москва, 1951 г.

Муза Малиновская с дочерью Музой и сыном Леонидом.

Москва, 1 сентября 1954 г. Фото из семейного архива

Софья Исааковна, сестра Эйтингона, осужденная по «делу врачей».

Фото из семейного архива

Дочь Н. И. Эйтингона Муза Малиновская

Леонид, сын Н. И. Эйтингона

Зоя Васильевна Зарубина

Н. И. Эйтингон с сыном Леонидом.

Москва, 1965 г. Фото из семейного архива

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. И. ЭЙТИНГОНА

1899, 6 декабря — родился в городе Шклове Могилевской губернии; отец Исаак Файвелович Эйтингон — конторщик на местной бумажной фабрике, мать Евгения, в девичестве Гранат — домохозяйка.

1917, март — после окончания семи классов Могилевского коммерческого училища Наум — инспектор отдела статистики Могилевской управы.

Май — август — член партии социалистов-революционеров.
1918 — рабочий, кладовщик на бетонном заводе, сотрудник Могилевского губпродкома.

1919, март — сентябрь — учеба в Москве на курсах при Всероссийском совете рабочих кооперации.

1919–1920 — инструктор по кооперации и профсоюзной работе в городе Гомеле.

1919, октябрь — член РКП(б).

1920, май — сотрудник Гомельской ЧК: уполномоченный Особого отдела Гомельского укрепленного района; уполномоченный по военным делам; член Коллегии; заместитель председателя Гомельской губернской ЧК.

1922, март — 1923, май — член Коллегии Башкирского губернского отдела ГПУ.

1923, май — 1925, октябрь — уполномоченный, заместитель начальника отделения Восточного отдела ОГПУ при СНК СССР.

1923–1925 — слушатель восточного факультета Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе.

1925, октябрь — переведен на работу в Иностранный отдел ОГПУ.

1926 — резидент ОГПУ в Шанхае.

1927 — резидент ОГПУ в Пекине.

1927–1929 — резидент ОГПУ в Харбине.

1929–1930— резидент ОГПУ в Стамбуле.

1930–1931 — заместитель начальника Особой группы при председателе ОГПУ при СНК СССР.

1931 — начальник 8-го отделения (научно-техническая разведка) ИНО ОГПУ.

1931–1933 — на нелегальной работе за рубежом.

1933, март — начальник 1-го отделения (нелегальная

разведка) ИНО ОГПУ.

1933–1936 — на нелегальной работе за рубежом.

1936–1939, февраль — заместитель резидента, резидент НКВД СССР в Испании.

1939, март — 1941, март — на нелегальной работе за рубежом.

1941, март — июль — заместитель начальника 1-го управления НКГБ СССР (внешней разведки).

1941, июль — 1945, сентябрь — заместитель начальника Особой группы при наркоме внутренних дел СССР, заместитель начальника 4-го управления НКВД — НКГБ СССР.

1945 — присвоено воинское звание генерал-майора.

1945, сентябрь — 1947, февраль — заместитель начальника Отдела «С» НКВД — НКГБ — МГБ СССР (координация разведывательной работы по созданию атомного оружия).

1947, февраль — 1950, сентябрь — заместитель начальника Отдела «ДР» МГБ СССР.

1950, сентябрь — 1951, октябрь — заместитель начальника Бюро № 1 МГБ СССР (диверсионная работа за границей).

1951, октябрь — арестован по делу «О сионистском заговоре в МГБ».

1953, март — освобожден из-под ареста и восстановлен во всех правах.

Май — назначен заместителем начальника 9-го отдела МВД СССР.

Июль — уволен в отставку.

Август — арестован по «делу Берии» и приговорен к двенадцати годам тюремного заключения.

1964, март — освобожден из заключения.

1965 — переводчик, старший редактор издательства «Международные отношения».

1981, 3 мая — скончался в Москве, похоронен на Донском кладбище.

1992, апрель — полностью реабилитирован.

2000, май — детям Наума Исааковича возвращены его награды: два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, ордена Суворова II степени и Отечественной войны I степени, два ордена Красной Звезды, медали «Партизану Отечественной войны» I степени, «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «XXX лет Советской Армии и Флота» и «В память 800-летия Москвы».

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Ниже приводятся краткие биографические данные боевых соратников и товарищей Наума Исааковича Эйтингона, с которыми ему довелось трудиться в территориальных органах, за рубежом, а также в центральном аппарате ОГПУ — НКВД — НКГБ и которые упоминаются на страницах этой книги.

Алексеев Владимир Павлович — родился 16 апреля 1900 года на станции Ляховичи Барановичского уезда Минской губернии в семье железнодорожного служащего. Затем вместе с родителями жил в городе Вильно, где окончил церковно-приходскую школу и поступил в местную гимназию. В 1915 году семья эвакуировалась в Гомель. Летом 1918 года окончил гомельскую городскую гимназию и в том же году поступил в Харьковский технологический институт.

Будучи студентом, стал свидетелем немецкой оккупации, разгула гетмановщины и петлюровщины. Под влиянием революционных событий, захвативших Харьков, сформировалось его пролетарское мировоззрение. В ту грозную пору молодой студент не смог остаться в стороне от жесточайшей классовой битвы. В январе 1919 года вступил в РКП(б). По заданию партии вернулся в Гомель, который был занят Красной армией, организовал комсомольскую ячейку и стал ее секретарем. Одновременно активно участвовал в создании сельскохозяйственных коммун в Гомельском уезде.

В апреле 1919 года вступил в Красную армию и в составе 1-го Гомельского пролетарского батальона участвовал в боях на польском фронте: сначала рядовым красноармейцем, затем комиссаром батальона, заместителем комиссара 463-го стрелкового полка. В одном из сражений был тяжело ранен. В январе 1920 года направлен на долечивание в Гомель.

Сразу же по приезде рекомендован на работу в Гомельскую губчека. Сначала был рядовым сотрудником, а затем начальником секретно-оперативной части, заместителем председателя — членом Коллегии. В 20 лет уже прилично владел немецким и французским языками.

В конце 1921 года направлен в Башкирию на должность заместителя председателя Башкирской ЧК. В 1923 году переведен в Москву, в Восточный отдел ОГПУ. В 1925-м окончил Восточный факультет Военной академии РККА, переведен в Иностранный отдел и направлен в харбинскую резидентуру ОГПУ.

В 1927–1928 годах работал во Владивостоке в

разведывательном центре ОГПУ по Японии, откуда осуществлялось руководство всеми резидентурами советской внешней разведки на Дальнем Востоке. В декабре 1927 года награжден нагрудным знаком «Почетный чекист» и Собранием сочинений В. И. Ленина с надписью: «За преданность делу пролетарской революции».

В 1928–1931 годах работал в полпредстве СССР в Токио под фамилией Железняков. Являлся руководителем токийской резидентуры. В 1932–1935 годах занимал «чистую» должность Генерального консула СССР в Токио.

С июля 1935-го по июнь 1937 года работал в секретариате секретаря Исполкома Коминтерна Отто Куусинена референтом по Японии. В 1938 году по клеветническому доносу арестован и осужден Военной коллегией Верховного суда СССР на десять лет исправительно-трудовых лагерей с последующим поражением в правах на пять лет.

В 1954 году освобожден из ссылки, а в 1955 году полностью реабилитирован. В 1967 году награжден орденом Красного Знамени.

Скончался в 1989 году в Доме ветеранов в поселке Переделкино под Москвой.

Аллахвердов Михаил Андреевич — родился 14 ноября 1900 года в нагорно-карабахском городе Шуша (ныне Степанакерт) в семье армянина, торговца лесом. Учился в гимназии в Андижане.

В 1918 году вступил добровольцем в Красную армию. В составе 3-го Туркестанского стрелкового полка участвовал в боях с басмачами. В начале 1919 года окончил педагогические курсы и преподавал в гимназии. В конце года рекомендован на работу в органы ВЧК. Являлся секретарем военкома отряда особого назначения при Особом отделе. Принимал непосредственное участие в борьбе с бандитизмом в Средней Азии (Ош, Фергана). В июне 1921 года направлен заместителем начальника Особого отдела Памирской военно-политической экспедиции на установление советской власти на Памире. Выполнял ответственные задания руководства ГПУ, проявляя мужество, выдержку и высокое чувство долга.

В 1923 году переведен на работу в Восточный отдел ОГПУ в Москве. В 1925 году без отрыва от оперативной деятельности окончил заочное отделение Восточного факультета Военной академии РККА. Владел армянским, узбекским, персидским, турецким, французским и английским языками.

В 1925 году направлен в долгосрочную командировку в Персию (с 1935 года — Иран). Приобрел надежных источников

информации в интересующих внешнюю разведку кругах, вел активную работу по проникновению в эмигрантские антисоветские организации. В 1928 году возглавил резидентуру внешней разведки в Персии.

В 1933–1934 годах возглавлял нелегальные резидентуры в Австрии (Вена), Швейцарии (Цюрих) и Франции (Париж). В середине 1934 года назначен «легальным» резидентом внешней разведки в Афганистане, а в 1936 году — в Турции. В 1938–1941 годах работал на руководящих должностях в центральном аппарате внешней разведки.

С началом Великой Отечественной войны вновь возглавил «легальную» резидентуру в Афганистане. Резидентура раскрыла сеть германской агентуры в стране, а также парализовала деятельность германских, японских и итальянских спецслужб в этом регионе (операция «Мародеры»). В начале 1944 года возглавил информационный отдел разведки. С 1948 года до выхода в отставку в 1955 году являлся заместителем начальника Высшей разведывательной школы по учебной и научной работе.

За достигнутые результаты в разведывательной деятельности генерал-майор Аллахвердов награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, «Знак Почета», многими медалями, а также нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

Скончался 30 декабря 1968 года.

Артузов (Фраучи) Артур Христианович — родился 16 февраля 1891 года в селе Устинове Кашинского уезда Тверской губернии в семье швейцарца-сыровара, эмигрировавшего в Россию.

В 1909 году окончил с золотой медалью новгородскую мужскую гимназию и поступил на металлургический факультет Петербургского политехнического института. В 1917 году получил диплом инженера-металлурга с отличием и был направлен на Урал, в техническое бюро профессора В. Е. Грум-Гржимайло. Однако вскоре отказался от карьеры инженера и целиком посвятил себя политической деятельности. Свободно владел четырьмя иностранными языками.

В 1918 году работал в комиссии по установлению советской власти в северных районах страны. Принимал участие в боях с английскими интервентами под Архангельском.

С 1919 года в органах госбезопасности — заместитель начальника Особого отдела ВЧК. При поступлении на службу в ВЧК с согласия своих руководителей Дзержинского и Кедрова официально принял фамилию Артузов. В мае 1922 года в связи с

окончанием Гражданской войны из Особого отдела был выделен новый — контрразведывательный отдел (КРО), который возглавил Артузов, по праву считавшийся в ВЧК мастером контрразведки высокого класса. На этом посту принимал непосредственное участие в проведении многих чекистских операций, в частности в ликвидации заговора монархистов-николаевцев; в знаменитой операции «Синдикат-2» по выводу в СССР и аресту известного террориста Бориса Савинкова; в операции «Трест», завершившейся арестом международного шпиона и заговорщика, британского разведчика Сиднея Рейли, и многих других.

1 августа 1931 года назначен начальником советской внешней разведки и введен в состав Коллегии ОГПУ. Под его руководством была проведена коренная реорганизация работы Службы, сочетавшая ведение разведки с «легальных» и нелегальных позиций. На базе нелегальных групп были организованы крупные нелегальные резидентуры, которым поручалось подготовить условия для разведывательной работы на случай войны. Этими резидентурами руководили видные разведчики-нелегалы.

С 1934 года одновременно являлся заместителем начальника военной разведки. Воинское звание — корпусной комиссар. Награжден двумя орденами Красного Знамени и двумя нагрудными знаками «Почетный чекист».

Арестован 13 мая 1937 года как активный участник «антисоветского заговора в НКВД». 21 августа как «шпион польской и других разведок» осужден тройкой НКВД к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован посмертно 7 марта 1956 года.

Афанасьев (Атанасов) Борис Манойлович — родился 15 июля 1902 года в болгарском городе Лом в многодетной семье писаря.

После смерти отца семья испытывала острую нужду, и с четырнадцати лет Борис трудился чернорабочим на кирпичном заводе, на виноградных плантациях. Одновременно учился. Окончил среднюю педагогическую школу. В 1918 году вступил в Рабочий молодежный союз — болгарский комсомол, а в феврале 1922 года — в Болгарскую коммунистическую партию. Вел активную комсомольскую и военно-партийную работу в родном городе, был арестован по обвинению в организации покушения на министра просвещения. В сентябре 1922 года по решению партии нелегально эмигрировал в СССР.

Проживая в Москве под фамилией Афанасьев, успешно

окончил факультет общественных наук Академии коммунистического воспитания и аспирантуру Коммунистического университета имени Свердлова. Затем до 1932 года находился на партийной и преподавательской работе.

В марте 1932 года стал сотрудником Иностранного отдела ОГПУ. В том же году направлен на нелегальную работу в Вену. В марте 1936 года выехал во Францию в качестве руководителя нелегальной группы, перед которой была поставлена задача проникнуть в руководящее звено троцкистской организации. В Париже являлся оператором Марка Зборовского, внедренного в ближайшее окружение сына Троцкого Льва Седова. С 1939 года находился в Центре на руководящей работе.

В период Великой Отечественной войны являлся одним из ближайших соратников Судоплатова и Эйтингона. Занимался организацией разведывательно-диверсионной работы в тылу немецких оккупантов.

В 1947 году уволен из органов МГБ и до марта 1953 года работал начальником управления научной информации издательства «Иностранная литература». После смерти Сталина одним из первых был возвращен на работу в органы государственной безопасности с присвоением звания полковника. Однако после ареста Судоплатова отправлен на пенсию. С 1963 года являлся заместителем главного редактора журнала «Советская литература».

Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, «Знак Почета», «Народная Республика Болгария» 2-й степени, многими медалями. Заслуженный работник культуры РСФСР.

Скончался 21 апреля 1981 года.

Ахмеров Исхак Абдулович — родился 7 апреля 1901 года в городе Троицке Челябинской губернии в бедной татарской семье. С малых лет познал нужду, с двенадцати лет был батраком у местных богатеев.

В 1918 году окончил в Москве курсы счетоводов и стал работать в Наркомпроде Татарской Республики. В 1923 году окончил факультет международных отношений 1-го государственного университета (ныне МГУ). Изучал турецкий, французский и английский языки. В 1925 году по линии Наркомата иностранных дел командирован в полпредство СССР в Бухарской Республике (город Термез). Через год переведен на дипломатическую работу в Турцию (Стамбул).

В 1931 году зачислен на работу в ИНО ОГПУ и направлен на учебу в Институт красной профессуры. Затем до 1934 года

работал с нелегальных позиций в Турции и Китае.

В 1935 году выехал на нелегальную работу в США. Разведчику удалось быстро легализоваться и приступить к выполнению заданий Центра. Он приобрел ряд источников в госдепартаменте, министерстве финансов, спецслужбах, от которых поступала важная информация. В 1942 году возглавил нелегальную резидентуру. В итоговых документах о работе советской внешней разведки в 1941–1945 годах указывалось: «Особенно успешно в годы войны действовал резидент нелегальной резидентуры в США И. А. Ахмеров».

Сведения от возглавляемой Ахмеровым нелегальной резидентуры шли действительно важные. Так, 17 сентября 1944 года газета «Правда» опубликовала сообщение собственного корреспондента в Каире, в котором со ссылкой на «заслуживающие доверия круги» говорилось о состоявшейся встрече министра иностранных дел Германии Риббентропа с английскими руководящими деятелями с целью выяснения условий сепаратного мира. В основе этого сообщения лежали документальные материалы, полученные от источников Ахмерова.

После окончания войны перед нелегальной резидентурой Ахмерова были поставлены новые задачи, в том числе по розыску нацистских преступников, укрывшихся за океаном.

В начале 1946 года после двенадцатилетнего пребывания за рубежом разведчик-нелегал завершил командировку и возвратился в Москву. Был назначен заместителем начальника нелегальной разведки. Неоднократно выезжал в спецкомандировки за рубеж для восстановления связи с агентурой и оказания помощи разведчикам-нелегалам. Выполнял и другие ответственные поручения руководства внешней разведки. В 1953–1954 годах находился в командировке в Китайской Народной Республике. В 1955 году уволен в запас по состоянию здоровья.

За выполнение специальных заданий по линии нелегальной разведки полковник Ахмеров награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Красной Звезды и «Знак Почета», многими медалями, а также нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

Скончался 18 июля 1976 года.

Белкин Наум Маркович — родился в 1893 году в городе Жлобине Могилевской губернии в мещанской еврейской семье. Окончил три класса частной гимназии в Гомеле. Участник Первой мировой войны. В 1914–1918 годах находился в германском

плену. По возвращении из плена в Россию в октябре 1918 года вступил в РКП(б). Находился на хозяйственной работе в Саратове и Ташкенте. В 1920–1921 годах — политический комиссар на Западном фронте. После окончания Гражданской войны до 1924 года — главный инспектор Рабоче-крестьянской инспекции на железнодорожном транспорте.

В 1924–1931 годах, владея арабским, французским, испанским, английским и немецким языками, работал по линии НКИД и Наркомата торговли СССР в Саудовской Аравии, а также в Йемене и Персии. Активно помогал находившимся в этих странах резидентурам.

В июне 1931 года зачислен в штаты ИНО ОГПУ. До 1935 года находился на нелегальной работе в Болгарии, Югославии и Уругвае. В 1935–1936 годах работал в берлинской резидентуре ИНО. Являлся оператором Арвида Харнака («Корсиканца») — одного из организаторов подпольной антифашистской группы, ставшей впоследствии известной как «Красная капелла».

В сентябре 1936 года переведен в Испанию в качестве заместителя резидента и заместителя официального представителя НКВД СССР при республиканской службе безопасности Александра Орлова. Отвечал за координацию совместной деятельности с представителями испанских контрразведывательных служб всех уровней, успешно консультировал по различным вопросам руководство испанского МВД, осуществлял контроль над интербригадами с целью подбора из их состава объектов разработки и вербовки на советскую разведку, руководил особыми отделами республиканской армии.

После бегства Орлова в августе 1938 года был отозван в Москву и в начале 1939 года уволен из НКВД «за невозможностью использования». Работал начальником Бюро информации Всесоюзного радиокомитета.

Весной 1941 года на прежней службе Белкина был подготовлен материал на его арест как «врага народа». К счастью, этот документ утвержден не был. На нем имеется резолюция начальника внешней разведки: «Нарком нашел, что данных недостаточно».

В первые дни Великой Отечественной войны Белкин был призван в армию и направлен на политработу в Центральный военный госпиталь РККА. В ноябре 1941 года по инициативе руководства НКВД восстановлен в кадрах и направлен в распоряжение старшего майора госбезопасности Судоплатова.

В декабре 1941 года по специальному поручению наркома внутренних дел СССР направлен в Иран для изучения «курдского

вопроса», однако в марте 1942 года скончался в Тавризе от сыпного тифа.

В 1937 году награжден орденом Красного Знамени.

Бортновский Бронислав Брониславович — родился в 1894 году в Варшаве. Поляк. Окончил реальное училище. С 1912 года — студент варшавского Политехнического института. В этот же период примкнул к социал-демократическому движению Польши и Литвы.

В 1914 году был арестован и выслан в Саратов, где работал чертежником. В 1917–1918 годах служил в Красной гвардии, затем был направлен на работу в органы ВЧК. Являлся секретарем Ф. Э. Дзержинского, следователем Отдела по борьбе с контрреволюцией ВЧК. Тяжело ранен при штурме английской миссии в Петрограде (1 сентября 1918 года), правая рука навсегда осталась парализованной. С 1919 года находился на Западном фронте — заместитель начальника, начальник разведотдела фронта.

С декабря 1921-го и до конца 1924 года возглавлял резидентуру ИНО и военной разведки в Берлине. По возвращении в Москву в 1925 году являлся помощником начальника IV управления Штаба РККА и одновременно начальником его 2-го (агентурного) отдела. В 1929 году уволен из армии по болезни.

Затем занимал руководящие должности в Компартии Польши и Коминтерне. Арестован в июне 1937 года. 3 ноября приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1955 году.

Василевский Лев Петрович— родился в 1904 году в Курске. Еврей. С 14 лет работал слесарем, электромонтером.

С 1927 года являлся сотрудником Постоянного представительства ОГПУ в Закавказской Федерации, служил в пограничных войсках, окончил авиашколу, курсы усовершенствования комсостава при Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского. В 1936 году — командир-комиссар отдельной авиачасти Управления пограничной и внутренней охраны УНКВД Казахской АССР (на границе с Китаем, в районе Синьцзяна). Владел французским и испанским языками.

В 1937–1938 годах — руководитель разведывательно-диверсионных операций резидентуры НКВД СССР в Испании, старший советник Особого отдела Мадридского фронта.

В 1939–1941 годах — резидент внешней разведки в Париже. В этот период участвовал в подготовке и проведении операции по ликвидации Троцкого.

В период Великой Отечественной войны являлся заместителем резидента НКВД в Анкаре, резидентом НКВД — НКГБ в Мексике, заместителем начальника 4-го управления НКВД СССР. С 1945 года руководил отделом научно-технической разведки в центральном аппарате. С апреля 1953 года — помощник начальника 9-го отдела МВД СССР (Служба диверсий за границей).

В июле 1953 года уволен из МВД СССР с лишением звания полковника, а в 1954 году исключен из партии по «делу Берии».

В 1959 году добился восстановления в КПСС, полной реабилитации и восстановления в воинском звании.

Награжден орденом Красного Знамени и многими медалями.

Автор многих книг по истории гражданской войны в Испании. В соавторстве с Анатолием Горским (в годы войны — резидент в Англии) перевел и издал на русском языке знаменитую книгу Рафаэля Сабатини «Одиссея капитана Блада».

Скончался в Москве в 1979 году.

Ваупшасов Станислав Алексеевич — родился 27 июля 1899 года в деревне Грузджяй Шяуляйского уезда Ковенской губернии (Литва) в семье крестьянина, литовца по национальности.

В детские годы батрачил у помещика. Затем перебрался в Москву и трудился землекопом, арматурщиком. В 1918 году добровольно вступил в Красную армию. Воевал сначала на Южном фронте, потом против банд Дутова и корпуса бело-чехов.

В 1920–1925 годах находился на подпольной работе в западных областях Белоруссии, оккупированных белополяками, являлся командиром одного из партизанских отрядов.

После окончания школы командного состава Красной армии в 1937 году направлен в Испанию, руководил разведывательно-диверсионными операциями республиканцев в тылу франкистских войск.

С 1939 года — в органах государственной безопасности. Участвовал в боях с белофиннами, находился на разведывательной работе за границей.

В период Великой Отечественной войны более двух лет возглавлял отряд особого назначения «Местные», действовавший в тылу врага в окрестностях Минска. За 28 месяцев войны бойцы отряда подорвали 187 эшелонов с живой силой, техникой и боеприпасами противника. В боях и в результате диверсий было уничтожено свыше четырнадцати тысяч немецких солдат и офицеров.

За умелое руководство боевыми операциями по разгрому врага, за мужество и отвагу 5 ноября 1944 года присвоено звание

Героя Советского Союза.

После освобождения Белоруссии некоторое время работал в Москве, в центральном аппарате НКГБ. Затем был командирован на Дальний Восток. Во время войны с Японией участвовал в боевых операциях против японских милитаристов, а с наступлением мира руководил группой по очистке тыла в освобожденной Маньчжурии. С декабря 1946 года являлся начальником разведывательного подразделения МГБ Литовской ССР.

Из почти сорока лет, отданных службе в Красной армии и органах государственной безопасности нашей страны, Ваупшасов 22 года провел в окопах, подполье, партизанских лесах, походах и сражениях. Родина высоко оценила заслуги выдающегося разведчика. Он был награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, многими медалями.

В 1954 году полковник Ваупшасов уволился в запас и занялся литературной деятельностью. Опубликовал ряд книг, посвященных подвигу партизан в годы Великой Отечественной войны. Наиболее известные из них: «На разгневанной земле», «Партизанская хроника», «На тревожных перекрестках». Часто выступал перед молодыми сотрудниками внешней разведки.

Скончался 19 ноября 1976 года.

Винаров Иван Цолов — родился 11 января 1896 года в городе Плевене Плевенской области Княжества Болгарии в семье крупного землевладельца. Болгарин.

Участник Первой мировой войны и воинского восстания 1918 года. Член Болгарской социал-демократической рабочей партии с 1916 года. По заданию партии занимался изъятием оружия для ее нужд с военных складов. Осенью 1921 года был арестован, в декабре 1922 года бежал в Россию.

В апреле 1923 года вступил в РКП(б). Учился в Коммунистическом университете имени Свердлова. В составе группы Разведупра Штаба РККА занимался переброской оружия для Болгарской компартии. Прошел трехмесячное обучение в специальной военной школе и находился на нелегальной работе в Болгарии и Австрии.

С января 1926-го по декабрь 1929 года по линии военной разведки находился на нелегальной работе в Китае. В 1930–1933 годах — главный резидент военной разведки в Австрии. В сферу его деятельности также входили Польша, Чехословакия, Румыния, Югославия, Греция, Венгрия, Болгария и Турция. Из характеристики Центра о его деятельности в этот период следует:

«Винаров организовал на чешских военных заводах и заводе «Шкода» разведывательные группы. Он получил исчерпывающую информацию о состоянии авиационной промышленности, которая характеризуется как особо ценная… От него были получены исключительно интересные сведения государственного значения от источников в Бухаресте, Белграде, Афинах и Софии…»

В 1936 году окончил с отличием Особый факультет Военной академии имени М. В. Фрунзе. С декабря 1936-го по март 1938 года руководил разведывательной организацией в Париже, которая оказывала помощь республиканской Испании.

С июня 1940 года работал преподавателем на кафедре общей тактики Военной академии имени М. В. Фрунзе.

В период Великой Отечественной войны занимался подготовкой болгарских политэмигрантов для партизанской войны в Болгарии, был командиром интернационального полка ОМСБОН, неоднократно выполнял задания в тылу врага.

Полковник РККА Винаров награжден орденами Красного Знамени и Кутузова II степени.

С 1944 года проживал в Болгарии. Активно участвовал в создании Болгарской народной армии. Генерал-лейтенант БНА.

В 1949–1964 годах являлся министром путей сообщения и строительства, начальником Главного управления путей сообщения при Совете министров НРБ.

В 1964 году присвоено звание Героя Социалистического Труда НРБ.

Скончался 25 июля 1969 года.

Де лас Эрас Гавилан Африка — родилась 26 апреля 1909 года в городе Сеуте (Испанское Марокко). Отец, опальный испанский офицер, был отправлен в ссылку в Марокко за оппозиционные настроения по отношению к существовавшему в Испании режиму. Служил военным архивариусом. Необычное имя — Африка — дал дочери в знак благодарности к Африканскому континенту, приютившему его семью.

Африка получила среднее образование: до 1923 года она училась в Мадриде в колледже, затем продолжила образование в монастырской школе в городе Мелилья. В 1933 году скоропостижно скончался отец, и Африке пришлось вступать в самостоятельную жизнь. Она переезжает в Испанию, работает в Мадриде на текстильной фабрике, вступает в коммунистическую партию и вскоре принимает участие в подготовке восстания горняков в провинции Астурия. После подавления восстания более года находилась на нелегальном положении. С началом гражданской войны в Испании ушла на фронт и сражалась на

стороне республиканцев, была делегатом компартии в правительстве Народного фронта.

В 1937 году в Испании начала сотрудничать с советской внешней разведкой, выполняла ее специальные задания в различных странах. В 1939 году приехала в Москву и получила советское гражданство. В период Великой Отечественной войны являлась радисткой разведывательно-диверсионного отряда «Победители», который под командованием Героя Советского Союза Д. Н. Медведева действовал в тылу противника.

После окончания войны переходит на работу в нелегальное подразделение внешней разведки. И вновь, теперь уже в мирное время, на активной боевой работе. 22 года продолжалась ее спецкомандировка — сначала в Европе, а затем в одной из стран Латинской Америки. Все это время она успешно выполняла важные и ответственные задания по сбору и передаче в Центр ценной разведывательной информации.

Осенью 1967 года Африка вновь ступила на московскую землю. Но с возвращением в Москву работа в нелегальной разведке для нее не закончилась. Еще трижды ей пришлось выезжать в загранкомандировки для выполнения важных заданий, которые Центр не мог поручить никому другому.

С 1971 года активно участвовала в воспитании молодого поколения разведчиков-нелегалов, передавая им свои знания и опыт. Более сорока пяти лет эта мужественная, самоотверженная и красивая женщина отдала работе в советских органах государственной безопасности.

Боевые и разведывательные заслуги полковника Африки де лас Эрас были отмечены орденами Ленина, Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды, двумя медалями «За отвагу», медалью «Партизану Отечественной войны» I степени и рядом других наград.

Скончалась 8 марта 1988 года. В этот день руководители внешней разведки должны были вручить ей нагрудный знак «Почетный сотрудник госбезопасности».

Казас Михаил Маркович — родился в 1896 году в Нижнем Новгороде в караимской семье ученого-лесовода.

В 1914 году окончил гимназию, затем три курса Лазаревского института восточных языков, который был закрыт в 1917 году. Служил регистратором в Покровском распределительном пункте и помощником председателя профсоюза в Актюбинске. В 1919 году вступил в РКП(б).

В 1920–1921 годах являлся уполномоченным Оренбургской губернской ЧК. В 1921 году находился в Анкаре в составе

комиссии по репатриации военнопленных. По возвращении в Россию направлен на работу в Особый отдел ВЧК. С 1922 года — начальник дальневосточного отделения Восточного отдела ГПУ. Одновременно в 1922–1924 годах учился в Московском институте востоковедения и на восточном отделении Военной академии РККА. Владел турецким, персидским, арабским, французским, испанским и немецким языками.

В 1924–1926 годах — резидент ИНО ОГПУ в Тегеране под прикрытием должности сотрудника полпредства СССР в Персии. В 1927–1929 годах — вице-консул в Кашгаре (Западный Китай). С 1930 года работал в центральном аппарате ИНО ОГПУ.

В 1932 году направлен в Казахстан для организации колхозов. С 1933 года работал в политотделах МТС. С 1936 года — начальник политотдела МТС в Казахстане. В 1939 году уволен из органов НКВД.

Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

С началом Великой Отечественной войны добровольцем ушел на фронт. Получил воинское звание капитана 2-го ранга речного флота.

Скончался в 1950 году.

Карин Федор Яковлевич (настоящие имя и фамилия Тодрес Янкелевич Крутянский) — родился в 1896 году в семье бедного еврейского местечкового ремесленника Янкеля Крутянского, проживавшего с многочисленной семьей в селе Суслены Бессарабской губернии.

Отец, мечтавший о коммерческой деятельности сына, в десять лет отдал его в реальное училище, где помимо основных дисциплин мальчик упорно овладевал немецким и английским языками. Во время учебы Тодрес вступает в подпольный кружок РСДРП и ведет активную революционную агитацию.

С началом Первой мировой войны восемнадцатилетний Крутянский мобилизован в армию и по заданию военной ячейки РСДРП(б) вел среди солдат революционную пропаганду, за что был отправлен в штрафную роту. Совершив побег, эмигрировал в соседнюю Румынию, где продолжил революционную деятельность. В 1915 году после вступления Румынии в войну на стороне Антанты был приговорен Королевским судом к тюремному заключению. В начале 1917 года освобожден из тюрьмы по амнистии, возвратился в Россию, где включился в активную революционную работу.

После победы Октябрьской революции служил в бессарабской бригаде Красной гвардии. В одном из боев с войсками боярской Румынии был ранен. В начале 1919 года командовал эскадроном

конных разведчиков. Одновременно являлся секретарем Центрального бюро Компартии Бессарабии.

Вскоре Тодрес Крутянский, которому исполнилось 23 года, был назначен политическим комиссаром Всеукраинского уголовного розыска, членом коллегии Всеукраинской чрезвычайной комиссии (ВУЧК). Здесь он сменил имя и фамилию и стал Федором Яковлевичем Кариным.

В 1921 году направлен на работу в ИНО ВЧК. В 1922–1924 годах — на нелегальной работе в Румынии, Австрии и Болгарии. Затем руководил резидентурой ИНО ОГПУ в Харбине под прикрытием сотрудника Генерального консульства СССР. С 1927 по 1934 год находился на нелегальной работе в США, Германии и Франции. 14 мая 1934 года начальник ИНО ОГПУ Артузов в аттестации Карина записал: «…является одним из наиболее опытных и квалифицированных руководителей разведки в условиях подполья. Считаю тов. Карина в первом десятке лучших организаторов-разведчиков СССР».

Награжден двумя нагрудными знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ».

В мае 1934 года (вместе с Артузовым) отозван в распоряжение Разведывательного управления Штаба РККА. Присвоено звание корпусного комиссара (комкора), что соответствовало воинскому званию генерал-лейтенанта. Руководил подготовкой Рихарда Зорге к миссии в Японии.

16 мая 1937 года арестован. 21 августа приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Полностью реабилитирован 5 мая 1956 года.

Маклярский Михаил (Исидор) Борисович — родился 16 ноября 1909 года в Одессе в семье портного. В 1924 году окончил семь классов гимназии, сменил имя и отправился на борьбу с басмачеством. Служил в пограничных войсках. В период службы окончил совпартшколу. С 1927 года — в органах госбезопасности.

В 1932 году заочно окончил юридический факультет Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте. В том же году принят в члены ВКП(б). Как один из молодых, но уже достаточно опытных работников в 1934 году переведен в Москву. До 1941 года являлся сотрудником Секретно-политического и Контрразведывательного отделов ГУГБ НКВД СССР.

С 1941 года — начальник отделения Особой группы при наркоме внутренних дел. С 1942 года — начальник отдела 4-го управления НКВД. Руководил работой разведывательно-диверсионных групп, которые действовали на территории оккупированной немецкими войсками Белоруссии.

Совместно со своим непосредственным начальником Эйтингоном являлся организатором операции по физическому уничтожению гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе. Принимал непосредственное участие в организации и проведении дезинформационных операций «Монастырь» и «Березино». В 1947 году в звании полковника вышел в отставку.

В 1947–1951 годах являлся председателем объединения «Экспортфильм», директором Госфильмофонда СССР. В ноябре 1951 года арестован по обвинению в сионистском заговоре в МГБ СССР и евреев-драматургов. Освобожден и полностью оправдан в ноябре 1953 года.

В 1956 году окончил Высшие курсы при Литературном институте имени А. М. Горького.

В 1960–1972 годах организатор и первый директор Высших сценарных и режиссерских курсов при Комитете по кинематографии СССР. Автор ряда произведений (пьесы, сценарии, фильмы, повести) детективно-приключенческого жанра.

Лауреат Сталинской премии второй степени (1948) за сценарий фильма «Подвиг разведчика» и Сталинской премии первой степени (1951) за сценарий фильма «Секретная миссия». Заслуженный работник культуры РСФСР (1970).

Скончался 2 июня 1978 года.

Малли Теодор Степанович — родился в 1894 году в городе Темешваре, входившем в то время в состав Австро-Венгерской империи (ныне город Тимишоара в Румынии), в семье чиновника министерства финансов. Венгр по национальности. Окончив гимназию, вступил в католический монашеский орден. Учился на философском и богословском факультетах духовной семинарии, был рукоположен в сан диакона, однако впоследствии порвал с религией.

С началом Первой мировой войны поступил на службу в австро-венгерскую армию в качестве вольноопределяющегося. В декабре 1915 года окончил военное училище. В июле 1916 года подпоручик Малли попал в русский плен. До мая 1918 года содержался в лагерях для военнопленных в Полтаве, Харькове, Ростове, Пензе, Астрахани, Оренбурге, Челябинске. Был активным участником движения военнопленных-интернационалистов.

В 1918 году вступил добровольцем в Красную армию, участвовал в боях с белочехами под Челябинском. В ноябре 1918года арестован колчаковской контрразведкой. Содержался в тюрьме в Красноярске, затем в лагере, откуда в декабре 1919 года освобожден Красной армией. В составе 1-й бригады дивизии

имени III Интернационала участвовал в боях с войсками Колчака, Врангеля, Махно. В 1920 году вступил в РКП(б).

В 1921 году направлен на работу в органы ВЧК. До 1926 года служил в органах ЧК — ГПУ Крыма в должностях помощника уполномоченного по борьбе с бандитизмом, следователя по особо важным делам, секретаря секретно-оперативной части, начальника Восточного отдела.

С 1926 года работал в отделе политэмигрантов ЦК МОПР в Москве, а затем — в центральном аппарате ОГПУ. В 1930 году — оперуполномоченный Особого отдела.

В конце 1932 года переведен на работу во внешнюю разведку и назначен помощником начальника 3-го отделения ИНО ОГПУ (разведка в США и основных странах Европы). В совершенстве владел несколькими иностранными языками. Неоднократно выезжал в спецкомандировки в Германию, Австрию и Францию. Участвовал в Венском восстании 1934 года, где познакомился с молодым английским антифашистом Кимом Филби и привлек его к работе в качестве агента Коминтерна.

С июня 1934 года — нелегальный резидент НКВД в Париже. В январе — марте 1935 года находился в Москве. В мае 1935 года нелегально выезжал в Лондон для завершения разработки завербованного советской разведкой шифровальщика МИД Великобритании.

С января 1936 года на нелегальной работе в Лондоне. В апреле того же года сменил Александра Орлова (Льва Никольского) на посту руководителя лондонской нелегальной резидентуры НКВД. Курировал работу «Кембриджской пятерки».

В июле 1937 года отозван в Москву в связи с предательством Игнатия Порецкого-Рейса и его напарника Вальтера Кривицкого, которые лично знали его и могли выдать противнику. Продолжил работу в центральном аппарате внешней разведки. Имел специальное звание майора государственной безопасности.

За период работы в органах награжден нагрудным знаком ЦИК Крыма, Почетной грамотой и серебряным портсигаром от Коллегии ОГПУ и нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ».

7 марта 1938 года арестован по ложному навету. Замечательному разведчику-нелегалу предъявили целый букет вздорных обвинений: «злостное нарушение конспирации, разглашение государственной тайны, отказ от выполнения приказа в боевой обстановке».

20 сентября 1938 года осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

В апреле 1956 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор в отношении Теодора Малли отменен и он полностью реабилитирован.

Минскер Яков Григорьевич — родился 19 декабря 1891 года в Киеве в семье еврея-портного. В 1903 году поступил в Киевское художественное училище, из которого в 1906 году отчислен за участие в забастовке учащихся.

В 1911 году вступил в партию эсеров. 26 октября 1912 года арестован. В ноябре 1913 года по 102-й статье «Уложения о наказаниях» приговорен к ссылке на поселение в Иркутскую губернию.

После Февральской революции 1917 года избран в Иркутский совет солдатских и рабочих депутатов. В апреле того же года вернулся в Киев, работал в эсеровском издательском товариществе.

В ноябре 1917 года вновь выехал в Иркутск, где принял участие в подавлении юнкерского мятежа. За сотрудничество с советской властью исключен из партии эсеров. На 2-м съезде Советов Сибири избран в ЦИК этого руководящего органа, заведовал информационным отделом. Позже стал членом президиума ЦИКа.

После поражения советской власти в Сибири ушел в подполье. Был избран в подпольный ревком. В декабре 1918 года вступил в РКП(б). 22 января 1919 года арестован колчаковской контрразведкой и до 31 января 1920 года находился во владивостокской тюрьме.

После освобождения находился на партийной работе, руководил профсоюзами в Харбине, являлся одним из организаторов всеобщей забастовки служащих КВЖД.

В период борьбы с каппелевцами — уполномоченный Военного совета Амурского фронта в Северной Маньчжурии. С октября 1920 года — уполномоченный (резидент) Разведупра Штаба РККА в Северной Маньчжурии. С февраля 1922 года — сотрудник ИНО ГПУ. В 1922–1924 годах на разведывательной работе в Персии. В ноябре 1925 года назначен резидентом ИНО ОГПУ в Шанхае. В декабре 1926 года переведен на должность резидента ИНО ОГПУ в Турции.

В 1929 году отозван в Москву, работал в центральном аппарате внешней разведки, занимая должность начальника отделения Дальнего Востока ИНО ОГПУ.

Скончался 24 сентября 1934 года.

Мирковский Евгений Иванович — родился 31 января 1904

года в Минске в семье мелкого служащего. Белорус. С 1921 года — слесарь бондарной мастерской, затем бетонщик строительного участка в Минске.

С 1926 года — сотрудник Постоянного представительства ОГПУ по БССР. В 1927 году принят в ряды ВКП(б). В 1927–1941 годах служил в пограничных войсках на западной границе. В 1932 году окончил Минское военное пехотное училище. Участник освободительного похода в Западную Украину и Западную Белоруссию в 1939 году.

После начала Великой Отечественной войны являлся командиром отряда войск Особой группы (позднее — Отдельной мотострелковой бригады особого назначения) НКВД СССР. Активный участник обороны Москвы. С марта 1942-го по сентябрь 1944 года — командир специального разведывательно-диверсионного отряда «Ходоки», преобразованного в дальнейшем в специальный партизанский отряд имени Ф. Э. Дзержинского, действовавшего на территории Орловской, Житомирской, Черниговской, Гомельской и Брестской областей, а также в Польше.

5 ноября 1944 года полковнику Мирковскому присвоено звание Героя Советского Союза. Награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды, многими медалями.

С 1944 года на руководящих должностях в органах НКВД — НКГБ — МГБ — МВД СССР. С 1953 года — советник МВД СССР при Службе безопасности Албании. Затем возглавлял один из отделов ПГУ КГБ при СМ СССР. В конце 1955 года уволен в запас по состоянию здоровья. Жил в Москве.

Скончался 10 августа 1992 года.

Мордвинов Георгий Иванович — родился 5 мая 1896 года в деревне Бурнашово Верхне-Удинского уезда Забайкальской губернии (ныне — Республика Бурятия) в семье крестьянина-батрака. В раннем детстве остался круглым сиротой. Трудовую деятельность начал в 12 лет на заводе. Через два года уехал в Читу, где работал на стройке подручным слесаря. В 1915 году призван в армию и после трехмесячного обучения направлен на Юго-Западный фронт в команду конных разведчиков. Участвовал в боях, был ранен.

В 1917 году перешел на сторону революции. Принимал участие в ликвидации Верховной ставки генерала Духонина в Могилеве, в борьбе с корниловцами. После демобилизации из армии и возвращения в Читу вступил в Красную гвардию. В 1918

году принят на работу в Забайкальскую ЧК.

В 1920 году командовал 1-й Амурской кавалерийской бригадой и одновременно руководил разведкой фронта. В 1922–1928 годах на командных должностях в пограничных войсках и в подразделениях ОГПУ.

В 1929 году поступил на китайский факультет Института востоковедения. В начале 1930 года отозван с учебы и командирован по линии внешней разведки на работу сначала в Монголию, затем — в Китай. По возвращении из Китая в 1935 году сдал выпускные экзамены в Институте востоковедения и был направлен на учебу на китайское отделение исторического факультета в Институт красной профессуры.

В 1937 году уволен из органов в связи с рапортом на имя наркома госбезопасности Ежова в защиту арестованного сотрудника внешней разведки. В начале Великой Отечественной войны восстановлен на службе в органах госбезопасности. Работал в 4-м управлении НКВД.

В октябре 1941 года командирован в Турцию, где возглавил стамбульскую резидентуру. В 1942 году арестован турецкими властями и осужден на 16 лет тюремного заключения. На следствии и суде держался мужественно. После досрочного освобождения в 1944 году и возвращения в Москву работал в центральном аппарате разведки. В январе 1946 года направлен главным резидентом советской разведки в Маньчжурию (Харбин).

В январе 1949 года в связи с болезнью вышел в отставку. Жил в Москве, работал в Институте востоковедения и Институте народов Азии АН СССР.

За заслуги перед Родиной полковник Мордвинов награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, многими медалями, а также двумя орденами Монгольской Народной Республики.

Скончался 7 апреля 1966 года.

Орлов Александр Михайлович (настоящие фамилия и имя — Фельдбин Лейба Лазаревич, в органах НКВД — Никольский Лев Лазаревич) — родился 21 августа 1895 года в городе Бобруйске Минской губернии в семье мелкого служащего. С шестнадцати лет зарабатывал частными уроками.

Закончив среднее учебное заведение в Москве в 1915 году, поступил на юридический факультет Московского университета и одновременно в Лазаревский институт восточных языков. В том же году был призван в армию. После Февральской революции окончил 2-ю школу прапорщиков. Тогда же вступил в партию социал-демократов.

В 1917–1918 годах преподавал в школе в провинции. В 1919 году вступил в РККА и был зачислен в Особый отдел 12-й армии, где служил следователем, уполномоченным по борьбе с контрреволюцией. В мае 1920 года вступил в РКП(б).

С декабря 1920 года — начальник агентурно-следственного отделения Особого отдела ВЧК. Одновременно — особоуполномоченный по фильтрации белых офицеров на Севере.

С июля 1921 года под фамилией Никольский являлся следователем Верховного трибунала при ВЦИКе. В 1924 году завершил обучение в Школе правоведения при Московском университете и возвратился на работу в органы госбезопасности — в ЭКУ ОГПУ.

В 1926 году переводится в ИНО ОГПУ. Выезжал на руководящую работу в парижскую и берлинскую резидентуры. В 1930 году вернулся в Москву и возглавил экономическое отделение внешней разведки.

Весной 1933 года направлен в Париж в качестве руководителя нелегальной оперативной группы. В мае 1934 года покинул Францию и возглавил нелегальную резидентуру в Англии, где стал главным оператором Кима Филби, завербованного незадолго до этого сотрудником его резидентуры Арнольдом Дейчем.

Возвратившись в СССР в октябре 1935 года, продолжал курировать деятельность «Кембриджской пятерки». Выезжал в Италию, Эстонию и Швецию для выполнения вербовочных заданий.

В сентябре 1936 года по документам на имя Александра Михайловича Орлова направлен в Мадрид в качестве резидента НКВД и главного советника по внутренней безопасности и контрразведке при республиканском правительстве.

В Испании снова руководил работой Кима Филби, находившегося там в качестве английского журналиста при франкистском правительстве. В Испании завербовал бойца интербригады, будущего «атомного разведчика» и Героя России американца Морриса Коэна.

Награжден орденами Ленина и Красного Знамени.

В июле 1938 года получил указание из Москвы выехать в Антверпен для встречи с представителем Центра на борту советского парохода «Свирь». Опасаясь ареста и депортации в СССР, 12 июля 1938 года бежал на Запад. В дальнейшем проживал в США под именем Игоря Константиновича Берга.

Только после смерти И. В. Сталина в 1953 году Орлов опубликовал в США книгу, в результате чего американские спецслужбы узнали о его нахождении в стране. На

многочисленных допросах и собеседованиях в ФБР не выдал известную ему заграничную агентуру советской внешней разведки, в том числе группу Кима Филби.

Скончался в США в апреле 1973 года.

Орловский Кирилл Прокофьевич — родился 18 января 1895 года в селе Мышковичи Могилевской губернии в крестьянской семье. Окончил церковно-приходскую школу, занимался сельским хозяйством, помогая родителям.

В 1915 году призван на действительную военную службу. В чине унтер-офицера — командира саперного взвода — воевал на Западном фронте. После Октябрьской революции встал на сторону новой власти.

В 1918 году направлен на работу в ВЧК. До 1925 года, находясь на подпольной работе, командовал партизанскими отрядами в тылу оккупационных немецких войск на территории панской Польши.

В 1930 году окончил Коммунистический университет национальных меньшинств Запада. Затем в течение пяти лет находился на негласной оперативной работе по линии Особого отдела НКВД БССР. В 1936–1938 годах выполнял ответственные задания советской внешней разведки в Испании. За боевые заслуги был награжден орденом Ленина.

В период Великой Отечественной войны командовал крупным отрядом специального назначения «Соколы», действовавшим на территории Белоруссии. Бойцы отряда участвовали во многих сражениях с оккупантами, провели в тылу у немцев ряд успешных диверсий по уничтожению военно-промышленных объектов и воинских эшелонов. В городе Барановичи бойцы отряда «Соколы» ликвидировали нескольких видных гитлеровских военных чиновников и захватили важные военные документы.

В одном из боев в феврале 1943 года был тяжело ранен в правую руку и сильно контужен. Однако не прекращал руководить боевой операцией, пока не вывел партизан в безопасное место. Партизанскому хирургу пришлось ампутировать Орловскому правую руку. Не было обезболивающих средств, единственным инструментом была ножовка. Но Орловский мужественно перенес операцию.

За образцовое выполнение боевых заданий командования в тылу противника полковник Орловский в сентябре 1943 года был удостоен звания Героя Советского Союза. После возвращения на Большую землю продолжил службу в органах государственной безопасности Белоруссии.

В 1944 году вышел в отставку по болезни и был избран

председателем колхоза «Рассвет» в своем родном селе.

В 1965 году за выдающиеся трудовые достижения Орловскому присвоено звание Героя Социалистического Труда. Награжден пятью орденами Ленина, орденами Красного Знамени и Трудового Красного Знамени БССР, а также многими медалями.

Скончался в 1968 году.

Петерс Яков Христофорович — родился 21 ноября 1886 года в Бринкенской волости Курляндской губернии в крестьянской семье. Латыш. Член партии большевиков с 1904 года.

Активный участник революции 1905–1907 годов в Либаве (Лиепая). Во время Октябрьской революции 1917 года — член Петроградского ВРК. С декабря 1917 года — член Коллегии и заместитель председателя ВЧК. В 1918 году являлся председателем Революционного трибунала.

В 1919–1920 годах — член Особого комитета по проведению военного положения на железных дорогах, чрезвычайный комиссар в Петрограде, комендант Петроградского укрепленного района.

В 1920–1922 годах — полномочный представитель ВЧК в Туркестане. Одновременно являлся членом Туркестанского бюро ЦК РКП(б) и членом Туркестанской комиссии ВЦИКа иСНКРСФСР.

В 1922–1929 годах — член Коллегии и начальник Восточного отдела ГПУ — ОГПУ. Одновременно с 1923 года являлся членом ЦКК, с 1924-го — член Коллегии наркомата РКП.

С 1930 года — член бюро Президиума ЦКК. В 1930–1934 годах — председатель МКК ВКП(б). С 1934 года — член бюро КПК. Член ВЦИКа.

Арестован 26 ноября 1937 года. 25 апреля 1938 года по обвинению в участии в контрреволюционной организации осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Реабилитирован 3 марта 1956 года.

Прокопюк Николай Архипович — родился 7 июня 1902 года на Волыни, в селе Самчики Старо-Константиновского уезда Каменец-Подольской губернии (позже — Хмельницкой области) в семье рабочего местного сахарного завода. Окончил церковно-приходскую школу, работал по найму у помещика. В 1916 году экстерном сдал экзамены за курс гимназии.

В 1920 году добровольно вступил в Красную армию, воевал с деникинцами и на польском фронте в составе 8-й червоно-

казачьей дивизии.

В 1921 году направлен на работу в органы госбезопасности. Стал сотрудником Шепетовского окружного отделения ГПУ, принимал участие в уничтожении диверсионно-террористических групп, засылаемых польской разведкой на российскую территорию. В 1923 году награжден почетным боевым оружием.

В 1924 году направлен на разведывательную работу в пограничные войска (Славутский и Могилев-Подольский погранотряды), в которых прослужил более семи лет. Именно тогда происходило его практическое формирование как разведчика и контрразведчика. В наградном листе о его деятельности в тот период, в частности, говорится: «…тов. Прокопюк принадлежит к числу наиболее заслуженных оперативных работников Украинской границы. Его энергия, личные храбрость и боевые заслуги известны по многим успешным чекистским операциям».

С 1935 года — сотрудник советской внешней разведки. В 1937–1938 годах выполнял специальные разведывательные задания в Испании, являясь помощником резидента НКВД в Барселоне.

В годы Великой Отечественной войны находился в тылу немецко-фашистских оккупантов. С августа 1942 года командовал отрядом специального назначения «Охотники», действовавшим в Цуманьских лесах. Отряд провел более двадцати боев с фашистскими карателями. Бойцы отряда уничтожили 21 эшелон с живой силой и военной техникой противника. Было выведено из строя 38 фашистских танков, захвачено большое количество оружия и автомашин. В мае 1944 года отряд Прокопюка, выросший в бригаду, передислоцировался в Яновские леса Люблинского воеводства Польши, а уже в августе того же года развернул активную боевую деятельность на территории восточной части Словакии.

За образцовое выполнение специальных заданий в тылу противника 5 ноября 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза. Его ратный труд и служба в разведке были отмечены двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, многими медалями, а также восемью иностранными орденами.

После войны полковник Прокопюк находился в спецкомандировке в Китае, возглавлял один из отделов советской военной администрации в Германии. В 1950 году вышел в запас по болезни.

Скончался в 1975 году.

Рабцевич Александр Маркович — родился 14 марта 1897 года в деревне Лозовая Буда Бобруйского уезда Минской губернии (ныне — Могилевская область Республики Беларусь) в крестьянской семье. Окончил сельскую школу, трудился в родной деревне, помогая родителям. В 1916 году призван в армию. Служил рядовым, затем — унтер-офицером.

В 1918 году добровольно вступил в Красную армию. После окончания Школы комсостава РККА в 1920 году направлен в командировку в Западную Белоруссию по линии Разведывательного управления Штаба РККА. Более трех лет командовал партизанскими отрядами специального назначения под Барановичами и Пинском.

В 1925 году переведен на работу в органы государственной безопасности. В 1937–1938 годах находился в командировке в Испании по линии внешней разведки. Принимал непосредственное участие в боях с франкистскими мятежниками, командовал разведотрядом 18-й бригады Республиканской армии. После возвращения из Испании командирован в Минск, в распоряжение НКВД БССР.

С июля 1942 года и до полного освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков руководил в тылу противника разведывательно-диверсионным отрядом специального назначения «Храбрецы». Отряд действовал в районах Могилевской, Полесской и Пинской областей.

Бойцы отряда совершили более двухсот диверсий, подорвали бронепоезд и 91 эшелон, 24 танка, 26 бронемашин, 102 автомашины, вывели из строя пять шоссейных мостов и много других технических сооружений. Кроме того, отряд вел постоянную детальную разведку военных объектов немецких оккупантов, данные о которых передавались в Центр и использовались советской авиацией. Так, бойцы отряда получили и передали в Центр подробную информацию о строительстве оборонительных рубежей, расположении крупного склада боеприпасов, функционировании аэродромов и железнодорожных коммуникаций по Витебской, Могилевской и Гомельской областям.

После полного освобождения Белоруссии отряд Рабцевича продолжил борьбу с немецко-фашистскими захватчиками на территории Польши. За образцовое выполнение боевых заданий командования в тылу противника и проявленные при этом отвагу и мужество Александру Марковичу Рабцевичу 5 ноября 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза. Его ратные подвиги были отмечены орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды, «Знак Почета» и

многими медалями.

После войны полковник Рабцевич продолжил службу в органах государственной безопасности. В 1952 году вышел в отставку по состоянию здоровья.

Скончался 11 апреля 1961 года.

Салнынь Христофор Интович — родился 26 августа 1885 года в Риге в рабочей семье. Латыш.

Окончил народную школу, Рижскую художественную школу. Работал чертежником на заводе «Феникс». Член РСДРП с 1902 года. Активный участник революционного движения в России с 1905 года, боевик. Владел немецким и английским языками.

В 1908–1912 годах находился в эмиграции. Проживал в Лондоне. В 1912–1917 годах содержал конспиративную квартиру в США. В 1917–1920 годах проживал в Сан-Франциско.

С ноября 1920 года — в РККА. Окончил Курсы усовершенствования командного состава по разведке при РУ Штаба РККА. Находился на подпольной работе в Приморье. В 1923–1932 годах по линии РУ Штаба РККА выполнял разведывательные задания в Финляндии, Англии, Бельгии, Франции, Швейцарии, Германии, Австрии, США, Болгарии, Турции и Китае. В 1925–1929 годах являлся нелегальным резидентом в Китае. Участник вооруженного конфликта на КВЖД.

В 1930–1932 годах — на нелегальной работе в странах Центральной и Восточной Европы.

С февраля 1936-го по июнь 1937 года бригадный комиссар Христофор Салнынь находился в Испании. Являлся старшим советником 14-го (партизанского) корпуса Республиканской армии.

Награжден орденами Ленина и Красного Знамени.

Репрессирован 24 апреля 1938 года. Реабилитирован 25 июля 1956 года.

Серебрянский Яков Исаакович — родился 29 ноября 1892 года в Минске в семье подмастерья у часовых дел мастера. В 1908 году успешно окончил Минское городское училище. С 1907 года являлся членом ученической организации эсеров-максималистов. В мае 1909 года арестован полицией. В заключении провел год, после чего был административно выслан в Витебск.

В августе 1912 года призван в армию. Служил рядовым 122-го Тамбовского полка в Харькове. С июля 1914 года воевал на Западном фронте рядовым 105-го Оренбургского полка. В августе 1914 года во время Самсоновского прорыва в Восточной Пруссии был тяжело ранен. Почти пол года находился на излечении в

госпитале, а затем был демобилизован из армии.

В период революций 1917 года являлся активистом эсеровского движения. В мае 1920 года поступил на службу в центральный аппарат ВЧК. В октябре 1923 года, став кандидатом в члены ВКП(б), перешел во внешнюю разведку и сразу же выехал на нелегальную работу в Палестину.

В 1925–1928 годах возглавлял нелегальные резидентуры в Бельгии и во Франции. После возвращения в Москву в апреле 1929 года назначен начальником подразделения нелегальной разведки. Одновременно руководил Особой группой при председателе ОГПУ. В июле 1934 года возглавил Спец-группу особого назначения при наркоме внутренних дел. В 1935–1936 годах находился в спецкомандировке в Китае и Японии.

В период гражданской войны в Испании, будучи на нелегальном положении во Франции, принимал активное участие в организации поставок оружия и военной техники республиканскому правительству.

Летом 1938 года отозван из Франции, арестован и 7 июля 1941 года осужден к высшей мере наказания «за шпионскую деятельность в пользу английской и французской разведок». Однако приговор не был приведен в исполнение. Уже шла Великая Отечественная война, и разведке были необходимы опытные кадры.

В августе 1941 года амнистирован и восстановлен в органах и партии. Во время войны занимал руководящие посты в 4-м управлении НКВД — НКГБ СССР. Лично участвовал во многих разведывательных операциях. За период работы в органах госбезопасности полковник Серебрянский был награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, многими медалями, а также двумя нагрудными знаками «Почетный чекист».

8 октября 1953 года вновь арестован, теперь уже как участник преступной деятельности Берии. Одновременно было реанимировано дело 1938–1941 годов. 30 марта 1956 года скончался от сердечного приступа в Бутырской тюрьме на допросе у следователя военной прокуратуры СССР. В мае 1971 года реабилитирован по всем статьям предъявлявшихся ему ранее обвинений. В апреле 1996 года восстановлен в правах на изъятые при аресте награды.

Судоплатов Павел Анатольевич — родился 7 июля 1907 года в Мелитополе в семье мельника. Украинец.

В 1914–1919 годах учился в городской школе. В июне 1919 года ушел из дома вместе с покидающим город полком РККА. Был

воспитанником полка, участвовал в боях с войсками украинских националистов. Позже вступил в 1-й Ударный Мелитопольский полк 5-й Заднепровской дивизии РККА. После разгрома полка войсками генерала Шкуро попал в плен, бежал, оказался в занятой белой армией Одессе. Беспризорничал, работал в порту.

В начале 1920 года вновь вступил в РККА. Участвовал в боях на Украине и на Польском фронте. С мая 1921 года — на технических должностях в Особом отделе 44-й дивизии, а затем Волынского губотдела ГПУ в Житомире.

С сентября 1923 года — на комсомольской работе в Мелитополе. В феврале 1925 года окружным комитетом ЛКСМУ направлен на работу в Мелитопольский окружной отдел ГПУ. Работал на технической должности, затем — младшим оперработником. Отвечал за работу агентуры, действовавшей в греческом, болгарском и немецком поселениях.

С августа 1928 года находился на оперативных должностях в подразделениях ГПУ УССР в Харькове. В 1928 году вступил в ВКП(б). В 1930 году заочно окончил рабфак ГПУ.

В феврале 1932 года переведен на работу в отдел кадров центрального аппарата ОГПУ. Курировал кадры Иностранного отдела. В апреле 1933 года зачислен в аппарат ИНО ОГПУ. Выезжал в командировки за рубеж.

В 1935 году под прикрытием представителя украинского антисоветского подполья был внедрен в руководство ОУН в Берлине. После окончания специальной партийной школы НСДАП в Лейпциге вошел в ближайшее окружение лидера ОУН полковника Коновальца, а 23 августа 1938 года в Роттердаме осуществил его ликвидацию.

С сентября 1938 года исполнял обязанности начальника испанского отделения внешней разведки, а в ноябре — декабре того же года — начальника внешней разведки.

В январе 1939 года назначен заместителем начальника 4-го отделения внешней разведки (Англия, Франция, Испания, Швейцария, страны Бенилюкса). А уже с мая 1939 года — заместитель начальника внешней разведки. Руководил операцией по ликвидации Троцкого. С января 1942 года одновременно являлся начальником 4-го управления НКВД СССР.

С 27 сентября 1945 года — начальник самостоятельного отдела «С» НКВД — НКГБ СССР. Одновременно — начальник Объединенного разведывательного бюро Специального комитета при СНК — СМ СССР по проблеме № 1 (создание атомного оружия). Отвечал за координацию обеспечения разведывательными материалами руководителей и ведущих ученых советского ядерного проекта.

В феврале 1947 года возглавил отдел «ДР», созданный для развертывания в случае войны разведывательно-диверсионной работы против военно-стратегических баз США и их союзников, расположенных вокруг СССР. 9 сентября 1950 года утвержден начальником Бюро № 1 МГБ СССР по диверсионной работе за границей. С января 1951 года возглавил Бюро на правах начальника управления.

Заслуги генерал-лейтенанта Судоплатова отмечены орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова II степени, двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени, многими медалями, а также почетным нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

После смерти И. В. Сталина Судоплатов был назначен заместителем начальника ПГУ (контрразведка) МВД СССР. После ареста Берии 31 июля 1953 года переведен в ВГУ МВД СССР на должность начальника отдела. 20 августа 1953 года уволен «за невозможностью дальнейшего использования», а 21 августа — арестован в собственном кабинете. Ему было предъявлено обвинение в бериевском заговоре, имевшем целью «уничтожение членов советского правительства и реставрацию капитализма». До 1958 года находился под следствием. Виновным себя не признал.

12 сентября 1958 года на закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР приговорен к тюремному заключению сроком на 15 лет с последующим поражением в политических правах на три года. Одновременно лишен воинского звания и наград. Наказание отбывал во Владимирской тюрьме, где перенес три инфаркта, ослеп на один глаз, получил инвалидность 2-й группы.

В августе 1968 года вышел на свободу. После освобождения занялся литературной деятельностью.

Реабилитирован Главной военной прокуратурой России 10 февраля 1992 года. Восстановлен в правах на награды в октябре 1998 года.

Скончался 24 сентября 1996 года.

Сыроежкин Григорий Сергеевич — родился 25 января 1900 года в крестьянской семье, проживавшей в селе Волкове тогдашнего Балашовского уезда Саратовской губернии. В 1905 году отца забрали в армию, он служил младшим каптенармусом Тифлисского кадетского корпуса. Уволившись в запас, остался в Тифлисе и вызвал к себе семью.

Окончив Тифлисскую городскую гимназию, Григорий работал письмоводителем в управлении Закавказской железной дороги.

Летом 1918 года добровольно вступил в Красную армию.

Воевал на Южном фронте, участвовал в обороне Царицына. В октябре того же года переведен на службу в Ревтрибунал 9-й армии. Позже служил следователем Ревтрибунала Республики в Москве.

В сентябре 1921 года направлен на работу в Контрразведывательный отдел (КРО) ВЧК. Принимал активное участие в чекистской операции «Синдикат-2», направленной на разгром террористической организации Бориса Савинкова. За ее успешное проведение в 1924 году награжден орденом Красного Знамени.

В сентябре 1925 года участвовал в операции «Трест» по выводу в СССР и аресту сотрудника британских спецслужб разведчика Сиднея Рейли. Одновременно привлекался к выполнению других заданий. Так, в 1924 году руководил операцией по ликвидации банды Даниила Иванова, перешедшей на территорию Белоруссии в районе Столбцов. В 1925–1931 годах боролся с бандитизмом в Чечне, Якутии, Бурятии и Монголии. В 1932 году Коллегией ОГПУ награжден именным оружием.

В 1936 году за «особые оперативные заслуги и боевые подвиги» присвоено звание старшего майора госбезопасности, что соответствовало воинскому званию генерал-майора.

Во время гражданской войны в Испании направлен туда по линии внешней разведки. Используя свой богатый оперативный опыт и являясь сотрудником резидентуры НКВД, занимался подготовкой специальных партизанских и диверсионных групп Республиканской армии для ведения борьбы в тылу франкистов. Осенью 1937 года совместно с испанцами создал знаменитый 14-й специальный корпус, в котором стал старшим военным советником. По собственной инициативе организовал разведывательно-диверсионную школу, в которой бойцы обучались методам партизанской борьбы. Неоднократно лично участвовал в выполнении специальных заданий командования в тылу противника. За проявленное мужество в период командировки в Испанию был награжден орденом Ленина.

В 1938 году в тесном кругу сослуживцев высказал мнение о невиновности Тухачевского и других военачальников, отметив, что многих из них знает лично как честных и преданных командиров. Однако круг оказался не таким уж узким.

В конце 1938 года отозван в Москву под предлогом вручения ему очередного ордена и 8 февраля 1939 года арестован по обвинению в шпионаже в пользу Польши и участии в контрреволюционной террористической организации.

26 февраля 1939 года осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день

расстрелян.

15 февраля 1958 года полностью реабилитирован.

Трилиссер Михаил (Меер) Абрамович — родился 1 апреля 1883 года в Астрахани в семье еврея-сапожника. После окончания городского реального училища 17-летний юноша в поисках лучшей доли уехал на работу в Одессу. В 1901 году вступил в члены Южной революционной группы социал-демократов. Неоднократно арестовывался за революционную деятельность. В 1909 году был приговорен к восьми годам каторжных работ, затем сослан на вечное поселение в Сибирь.

После Октябрьской революции принимал активное участие в установлении советской власти в Сибири. С образованием в 1921 году Дальневосточной республики назначен комиссаром по Амурской области, избирается членом Дальневосточного бюро РКП(б) и входит в руководящий состав Государственной политической охраны ДВР, выполнявшей функции контрразведки.

В августе 1921 года по предложению Дзержинского перешел на работу в Иностранный отдел ВЧК. Назначен начальником закордонной части ИНО ВЧК, которая действовала за рубежом. Трилиссеру предстояло организовать разведывательную работу в странах Восточной и Западной Европы.

6 февраля 1922 года декретом ВЦИК РСФСР упразднена ВЧК. На ее базе создается Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. 13 марта Трилиссер назначен начальником Иностранного отдела ГПУ. Он возглавил внешнюю разведку в один из самых сложных периодов борьбы Советской республики с внутренней и внешней контрреволюцией. Им лично было установлено много ценных оперативных связей, проведены интересные вербовки. С приходом Трилиссера к руководству внешней разведкой начался, по сути дела, новый профессиональный период ее деятельности. Разведка стала работать в полную силу: сказывался опыт агентурной работы ее нового руководителя. Были значительно расширены штаты разведки. Формируя штаты ИНО, Трилиссер обращал особое внимание на профессиональную подготовку сотрудников, знание ими иностранных языков, умение работать с агентурой, приспосабливаться к быстро меняющимся условиям.

В 1926 году, возглавляя ИНО, одновременно становится членом Коллегии — заместителем председателя ОГПУ, а с февраля 1928 года — и уполномоченным ОГПУ при СНК СССР. В декабре 1927 года награжден орденом Красного Знамени.

В 1930 году по предложению Сталина переведен на работу в Рабоче-крестьянскую инспекцию, в 1935 году — в Исполком

Коминтерна. Курировал деятельность спецслужб ИККИ.

23 ноября 1938 года арестован. 1 февраля 1940 года осужден Военной комиссией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и на следующий день расстрелян.

В 1956 году полностью реабилитирован.

Фитин Павел Михайлович — родился 28 декабря 1907 года в селе Ожогине Ялуторовского уезда Тобольской губернии в семье крестьянина. В 1920 году после окончания начальной школы в неполные 13 лет пошел работать в созданную в его родном селе сельхозкоммуну. Там же был принят в комсомол.

Получив среднее образование, поступил на инженерный факультет Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева. Окончил академию в 1932 году, до 1934 года работал заведующим редакцией Сельскохозяйственного государственного издательства. В 1934–1935 годах служил в Красной армии. После демобилизации до 1938 года работал в том же издательстве заместителем главного редактора.

В марте 1938 года по партийному набору направлен на работу в НКВД. После окончания специальных ускоренных курсов в Школе особого назначения НКВД, готовившей кадры для внешней разведки, становится сотрудником отделения по разработке троцкистов за рубежом. В декабре того же года назначен заместителем начальника внешней разведки. В мае 1939 года становится начальником внешней разведки. Его высокий интеллект и выдающиеся организаторские способности особенно ярко проявились в военный период.

Возглавляя внешнюю разведку в годы войны, сумел обеспечить руководство страны важной политической информацией о стратегических замыслах германского командования, сведениями о перспективах открытия «второго фронта» в Европе, документальными материалами о планах союзников СССР по антигитлеровской коалиции в послевоенный период. Ему принадлежал важный вклад в овладении СССР секретами ядерного оружия.

В июне 1946 года генерал-лейтенант Фитин был освобожден от занимаемой должности. В декабре того же года направлен заместителем Уполномоченного МГБ в Германию. В дальнейшем занимал посты заместителя начальника управления госбезопасности по Свердловской области и председателя МГБ Казахской ССР.

В 1953 году уволен из органов государственной безопасности. Работал директором фотокомбината Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами.

За заслуги в деле обеспечения государственной безопасности нашей страны награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Красной Звезды и Красного Знамени Тувы, многими медалями, а также нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД». Его труд был также отмечен высокими наградами ряда зарубежных государств.

Скончался 24 декабря 1971 года.

Фишер Вильям Генрихович (Абель Рудольф Иванович) — родился 11 июля 1903 года в городе Ньюкасле-на-Тайне, в Англии, в семье русских политэмигрантов. Отец — уроженец Ярославской губернии, из семьи обрусевших немцев, мать — уроженка Саратова, русская. В 1901 году супруги Фишер за революционную деятельность были высланы из России за границу.

В 1920 году возвратились в Москву. Все члены семьи стали советскими гражданами. Вилли был принят на работу переводчиком в отдел международных связей Исполкома Коминтерна. В 1925 году призван на военную службу и зачислен в 1-й радиотелеграфный полк Московского военного округа. В армии получил профессию радиста, сыгравшую важную роль в его дальнейшей судьбе.

В органы госбезопасности зачислен в 1927 году по рекомендации Московского комитета ВЛКСМ. Незаурядные способности Фишера позволили руководству внешней разведки доверить ему выполнение важных заданий по нелегальной линии в двух европейских странах.

Работа Фишера за границей была признана положительной. Он получил повышение по службе, ему было присвоено звание лейтенанта госбезопасности. Однако в последний день уходящего 1938 года Фишеру сообщили, что без объяснения причин он увольняется из органов.

В сентябре 1941 года Фишеру предложили вернуться на работу в НКВД. Он был зачислен во вновь созданное подразделение, занимавшееся засылкой боевых разведывательно-диверсионных групп в тыл врага.

После окончания войны снова стал сотрудником внешней разведки и зачислен в ее нелегальное подразделение. Руководство принимает решение направить его в США. В октябре 1948 года выехал в командировку, которой суждено было продлиться 14 лет. О качестве его работы в США свидетельствует такой факт: уже в августе 1949 года за конкретные результаты он был награжден орденом Красного Знамени.

В результате предательства в июле 1957 года был арестован.

Чтобы уведомить Центр о своем аресте, выдал себя за покойного друга и коллегу, назвавшись Рудольфом Ивановичем Абелем. В ходе следствия вел себя мужественно. Был приговорен к тридцати годам каторжной тюрьмы. 10 февраля 1962 года состоялся обмен разведчика на осужденного в СССР американского летчика Фрэнсиса Гарри Пауэрса — пилота разведывательного самолета U-2, сбитого 1 мая 1960 года над Уралом. Вернувшись на Родину, Фишер продолжал работать в центральном аппарате внешней разведки.

Заслуги полковника Фишера отмечены орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

Скончался 15 ноября 1971 года.

Шпигельглаз Сергей Михайлович — родился 29 апреля 1897 года в местечке Мосты Гродненской губернии в семье бухгалтера. После окончания 1-го Варшавского реального училища поступил на юридический факультет Московского университета. Свободно владел польским, немецким и французским языками.

Еще учась в Варшаве, а затем в Москве, принимал активное участие в работе революционных кружков. Несколько раз арестовывался царской полицией.

В мае 1917 года с третьего курса университета призван на военную службу. Окончив школу прапорщиков в Петрограде, служил в 42-м запасном полку.

С апреля 1918 года являлся заведующим финансовой частью Московского губернского военного комиссариата. С января 1919 года работал в органах Военного контроля. В результате слияния Военного контроля с Военным отделом ВЧК и образования Особого отдела (ОО) ВЧК автоматически оказался в рядах чекистов. В качестве члена комиссии Кедрова, фактически выполнявшей задачи военной контрразведки, неоднократно выезжал с оперативными группами в различные города и районы Юга, Запада и Центра России с целью подавления контрреволюционных заговоров и мятежей.

В характеристике, выданной Особым отделом ВЧК в феврале 1920 года, отмечалось: «Тов. Шпигельглаз состоял сотрудником Особого отдела и членом фракции РКП(б), проявив себя честным и заслуживающим доверия работником».

В 1922 году переведен в Иностранный отдел ОГПУ и направлен по линии внешней разведки в спецкомандировку в

Монголию. Находился в стране до 1926 года, проводил с ее территории активную агентурную работу по Китаю и Японии. Одновременно оказывал содействие монгольским коллегам в работе по разоблачению и пресечению деятельности на территории Монголии белоэмигрантских бандформирований.

Деятельность Шпигельглаза в Монголии была высоко оценена Центром. По возвращении в Москву в сентябре 1926 года назначен помощником начальника внешней разведки. При этом учитывалось его свободное владение несколькими иностранными языками. Проработал в этой должности десять лет, в сентябре 1936 года выдвинут на пост заместителя начальника внешней разведки. Неоднократно выполнял спецзадания за рубежом (в Китае, Германии, Франции). Под непосредственным руководством Шпигельглаза советская разведка добыла совершенно секретные материалы германского Генерального штаба, касающиеся военной доктрины Германии в отношении СССР.

В период гражданской войны в Испании неоднократно выезжал в эту страну для оказания на месте конкретной оперативной помощи резидентуре НКВД, а также проведения в тылу германо-итальянских союзников генерала Франко специальных разведывательно-диверсионных операций.

«Летучие отряды» Шпигельглаза, как их называли сами разведчики, наносили врагу чувствительные удары, исчезая с места событий и не оставляя следов.

С февраля по июнь 1938 года исполнял обязанности руководителя советской внешней разведки. Одновременно преподавал в Школе особого назначения (ШОН) Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР.

Полноправным начальником внешней разведки Шпигельглаз так и не стал. Еще в 1937 году нарком внутренних дел Ежов решил устранить этого перспективного руководителя, проявлявшего излишнюю самостоятельность и имевшего право направлять напрямую Сталину разведывательные донесения. 9 июня 1938 года Шпигельглаз освобожден от занимаемой должности, а 2 ноября того же года арестован.

29 января 1940 года за «измену Родине, участие в заговорщической деятельности, шпионаж и связь с врагами народа» осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

В ноябре 1956 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Приложение 2

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

РСФСР, СССР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Иностранный отдел (ИНО) ВЧК при СНК РСФСР — 20 декабря 1920 — 6 февраля 1922

Иностранный отдел (ИНО) Государственного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР — 6 февраля 1922 — 2 декабря 1923

Иностранный отдел (ИНО) Объединенного Государственного политического управления (ОГПУ) при СНК СССР — 2 декабря 1923 — 10 июля 1934

Иностранный отдел (ИНО) Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР — 10 июля 1934 — 25 декабря 1936

7-й (разведывательный) отдел ГУГБ НКВД СССР — 25 декабря 1936 — 9 июня 1938

5-й (разведывательный) отдел Первого управления НКВД СССР — 9 июня — 29 сентября 1938

5-й (разведывательный) отдел ГУГБ НКВД СССР — 29 сентября 1938 — 3 февраля 1941

Первое (разведывательное) управление НКГБ СССР — 3 февраля — 20 июля 1941

Первое (разведывательное) управление НКВД СССР — 20 июля 1941 — 14 апреля 1943

Первое (разведывательное) управление НКГБ СССР — 14 апреля 1943 — 15 марта 1946

Первое главное управление (ПГУ) МГБ СССР — 15 марта 1946 — 30 мая 1947

Комитет информации (КИ) при СМ СССР — 30 мая 1947 — 29 января 1949

Комитет информации (КИ) при МИД СССР — 29 января 1949 — 2 ноября 1951

Первое главное управление (ПГУ) МГБ СССР — 2 ноября 1951 — 5 января 1953

Первое управление Главного разведывательного управления (ГРУ) МГБ СССР — 5 января — 5 марта 1953

Второе главное управление (ВГУ) МВД СССР — 5 марта 1953 — 13 марта 1954

Первое главное управление (ПГУ) КГБ при СМ СССР — 13 марта 1954 — 5 июля 1978

Первое главное управление (ПГУ) КГБ СССР — 5 июля 1978 — 22 октября 1991

Центральная служба разведки (ЦСР) СССР — 22 октября — 18 декабря 1991

Служба внешней разведки (СВР) РСФСР — 18–25 декабря 1991

Служба внешней разведки (СВР) Российской Федерации — 25 декабря 1991 — по настоящее время

Приложение 3

РУКОВОДИТЕЛИ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

Давыдов (Давтян) Яков Христофорович (исполняющий обязанности) — 20 декабря 1920 — 20 января 1921

Катанян Рубен Павлович — 20 января — 10 апреля 1921

Давыдов (Давтян) Яков Христофорович — 10 апреля — 6 августа 1921

Могилевский Соломон Григорьевич — 6 августа 1921 — 13 марта 1922

Трилиссер Михаил (Меер) Абрамович — 13 марта 1922 — 27 октября 1929

Мессинг Станислав Адамович — 27 — 1 декабря 1929 (исполняющий обязанности); 1 декабря 1929 — 1 августа 1931

Артузов (Фраучи) Артур Христианович — 1 августа 1931 — 21 мая 1935

Слуцкий Абрам Аронович — 21 мая 1935 — 17 февраля 1938

Шпигельглаз Сергей Михайлович — 17 февраля — 9 июня 1938 (исполняющий обязанности)

Пассов Зельман Исаевич — 9 июня — 2 ноября 1938

Судоплатов Павел Анатольевич — 2 ноября — 2 декабря 1938 (исполняющий обязанности)

Деканозов Владимир Георгиевич — 2 декабря 1938 — 13 мая 1939

Фитин Павел Михайлович — 13 мая 1939 — 15 июня 1946

Кубаткин Петр Николаевич — 15 июня — 7 сентября 1946

Федотов Петр Васильевич — 7 сентября 1946 — 19 сентября 1949

Савченко Сергей Романович — 19 сентября 1949 — 5 января 1953

Питовранов Евгений Петрович — 5 января — 5 марта 1953 Рясной Василий Степанович — 5 марта — 28 мая 1953

Коротков Александр Михайлович — 28 мая — 17 июля 1953 (исполняющий обязанности)

Панюшкин Александр Семенович — 17 июля 1953 — 23 июня 1955

Сахаровский Александр Михайлович — 23 июня 1955 — 12 мая 1956 (исполняющий обязанности); 12 мая 1956 — 15 июля 1971

Мортин Федор Константинович — 15 июля 1971 — 13 января 1974

Крючков Владимир Александрович — 13 января — 26 декабря 1974 (исполняющий обязанности); 26 декабря 1974 — 1 октября 1988

Кирпиченко Вадим Алексеевич — 1 октября 1988 — 6 февраля 1989 (исполняющий обязанности)

Шебаршин Леонид Владимирович — 6 февраля 1989 — 22 сентября 1991

ГУргенов Вячеслав Иванович — 22–30 сентября 1991 (исполняющий обязанности)

Примаков Евгений Максимович — 30 сентября 1991 — 9 января 1996

Трубников Вячеслав Иванович — 10 января 1996 — 20 мая 2000

Лебедев Сергей Николаевич — 20 мая 2000 — 8 октября 2007

Фрадков Михаил Ефимович — 9 октября 2007 — 5 октября 2016

Нарышкин Сергей Евгеньевич — 5 октября 2016 — по настоящее время

Приложение 4

ПЕРЕЧЕНЬ

СПЕЦЗВАНИЙ НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОСТАВА

ОРГАНОВ НКВД — НКГБ СССР И ИХ СООТВЕТСТВИЕ

ВОИНСКИМ ЗВАНИЯМ НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОСТАВА

КРАСНОЙ АРМИИ (1935–1943)

Сержант госбезопасности — лейтенант Младший лейтенант госбезопасности — старший лейтенант

Лейтенант госбезопасности — капитан Старший лейтенант госбезопасности — майор Капитан госбезопасности — подполковник Майор госбезопасности — полковник

Старший майор госбезопасности (комиссар госбезопасности) — генерал-майор

Комиссар государственной безопасности 3-го ранга — генерал-лейтенант

Комиссар государственной безопасности 2-го ранга — генерал-полковник

Комиссар государственной безопасности 1-го ранга — генерал армии

Генеральный комиссар государственной безопасности — Маршал Советского Союза

ЛИТЕРАТУРА

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. М.: Кучково поле, 2007. Т. IV. Кн. 2; 2008. Т. V. Кн. 1.

Очерки истории российской внешней разведки. М., 1997. Т. 3.

Очерки истории российской внешней разведки. М., 1999. Т. 4.

Российский государственный военный архив. Материалы Б. Савинкова. Док. 1287.

Антонов В. Жизнь по «легенде». М., 2013.

Антонов В. Начальники советской внешней разведки. М., 2015.

Антонов В. Сто великих разведчиков России. М., 2017.

Антонов В., Атаманенко И. Сто великих операций спецслужб. М.,2015.

Антонов В., Карпов В. Расстрелянная разведка. М., 2008.

Антонов В., Карпов В. Тайные информаторы Кремля. М., 2011.

Антонов В., Прокофьев В. Внешняя разведка: традиции и время. На земле белорусской и вдали от нее. М., 2014.

Буровцев А., Ришес К По ним звонят колокола //Загадки истории. 2016. № 52.

Владимиров С. Наум Эйтингон — генерал-разведчик особого назначения //Независимое военное обозрение. 2009. № 43.

Дамаскин И. Сто великих разведчиков. М., 2001.

Дамаскин И. Сто великих операций спецслужб. М., 2003.

Дегтярев К, Колпакиди А. Внешняя разведка СССР. М., 2009.

Каминский В. Д. Без права на славу. Могилев: УПКП «Могилевская областная типография им. Спиридона Соболя», 2005.

Капчинский О., Малеванный В. Генерал особого назначения // Независимое военное обозрение. 2000. № 3.

Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. М., 2001.

Колпакиди А., Север А. Разведка в Великой Отечественной войне. М., 2010.

Малиновская М., Эйтингон Л. На предельной высоте. Великие Луки, 2009.

Судоплатов П. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996.

Судоплатов П. Спецоперации. М., 2003.

Троцкий Л. Д. Руководить — значит предвидеть. М.: Центрполиграф, 2014.

Хинштейн А. Комиссар государственной безопасности //

Московский комсомолец. 1999. 10 декабря.

Шарапов Э. Наум Эйтингон — карающий меч Сталина. СПб., 2003.

Антонов В. С.

А 72 Эйтингон / Владимир Антонов. — М.: Молодая гвардия, 2017. — 223[1] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1644).

ISBN 978-5-235-03982-7

УДК 94(47+57):355.34(092)
ББК 63.3(2)6-36

знак информационной продукции 16+

Антонов Владимир Сергеевич
ЭЙТИНГОН

Редактор *Е. В. Смирнова*
Художественный редактор *И. И. Суслов*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректор *Т. И. Маляренко*

Сдано в набор 01.02.2017. Подписано в печать 14.03.2017. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 11,76+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 1705920.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: http://gvardiya.ru. E-mail: dsel@gvardiya.ru

ARVATO BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

notes

Примечания

1

Коммерческое училище в дореволюционной России — среднее учебное заведение, дававшее образование для работы в сфере торговли и коммерции. По положению от 1896 года — общеобразовательное учебное заведение с преподаванием, помимо общих предметов, курсов бухгалтерии, товароведения, коммерческой географии, иностранных языков. Курс обучения длился семь-восемь лет. Коммерческие училища находились в ведении Министерства финансов (до 1906 года) и Министерства торговли и промышленности. В 1913/14 учебном году в России насчитывалось около 250 коммерческих училищ. Существовали до 1918 года.

2

Кронштадтский мятеж — контрреволюционное выступление гарнизона Кронштадта и экипажей некоторых кораблей Балтийского флота в марте 1921 года, организованное эсерами, меньшевиками, анархистами и белогвардейцами при поддержке империалистических стран и их спецслужб. Явился одной из серьезных попыток контрреволюции применить новую тактику «взрыва изнутри» советской власти. Представлял большую опасность, так как в руках заговорщиков оказалась главная база Балтийского флота — ключ к Петрограду. В мятеже участвовало около 27 тысяч матросов и солдат. В их распоряжении были два линкора и другие боевые корабли, до 140 орудий береговой обороны, свыше 100 пулеметов. ЦК РКП(б) и советское правительство приняли экстренные меры для ликвидации мятежа. Постановлением Совета труда и обороны от 2 марта в Петрограде было введено осадное положение, а также восстановлена 7-я армия под командованием Тухачевского. Проходивший в это время в Москве X съезд партии направил в 7-ю армию около 300 делегатов. Губкомы мобилизовали сотни ответственных работников, чекистов. В ночь на 17 марта советские войска перешли по льду в наступление на Кронштадт и утром ворвались в город. После ожесточенных боев к утру 18 марта мятежники были разгромлены (БСЭ. 1973. Т. 13).

3

До мая 1941 года дипломатические учреждения СССР за границей назывались полномочными представительствами, возглавляли их, соответственно, полпреды. В мае 1941 года полпредства стали называться, как принято во всем мире, посольствами.

4

Маньчжоу-Го — марионеточное государство, образованное японской военной администрацией на оккупированной Японией территории Маньчжурии, существовало с 1 марта 1932 года по 19 августа 1945 года. Граничило с Японской империей, МНР, СССР и Китайской Республикой. Столица — Синьцзин (ныне Чанчунь). Во главе государства был поставлен последний китайский император Пу И. Фактически контролировалось Японией и целиком следовало в русле ее политики. В 1939 году вооруженные силы Маньчжоу-Го участвовали в боях на реке Халхин-Гол. В ходе советско-японской войны Маньчжоу-Го прекратило существование. 19 августа 1945 года император Пу И был захвачен в здании аэропорта Фэнтяня десантниками Красной армии. В 1949 году территория Маньчжоу-Го вошла в состав КНР.

5

Литерой «Д» в служебной переписке чекистов обозначалась разведывательно-диверсионная деятельность партизанских подразделений на фронтах и в тылу противника.

6

Строго говоря, в переписке советской разведки накануне войны название «Красная капелла» ни разу не упоминается. Однако несколько позже этот термин стал синонимом различных сил, выступавших против нацистов. «Красная капелла» включала многочисленные, зачастую не связанные между собой группы антифашистского Сопротивления. Они действовали либо самостоятельно, либо в контакте с советской внешней разведкой, а часть из них — под непосредственным руководством Главного разведывательного управления (ГРУ) Генерального штаба Красной армии. О том, как появилось на свет название «Красная капелла», рассказал заместитель руководителя гестапо Генриха Мюллера, начальник зондеркоманды «Красная капелла» оберфюрер СС Фриц Паннцингер, взятый в плен Красной армией. На допросе в Смерше 1 февраля 1947 года и 29 июня 1951 года на Лубянке он показал, что отслеживание деятельности антифашистов началось в результате радиоперехвата его специалистами шифрованных сообщений. На профессиональном жаргоне нацистской контрразведки подпольные радисты назывались «музыкантами» или «пианистами». В эфире зафиксировали работу сразу значительного количества радиопередатчиков. Таким образом, в Германии и в оккупированных странах Европы работал целый «оркестр», или по-немецки — «капелла». Германская служба радиоперехвата определила, что «музыканты» ориентировали свои передачи на Москву. Поэтому «капелла» получила соответствующую «красную окраску». Под именем «Красная капелла» немецкие антифашисты вошли в историю и стали бессмертными.

7

«Пятая колонна» — наименование агентуры генерала Франко, действовавшей в Испанской республике в период гражданской войны 1936–1939 годов. Этот термин возник в начале октября 1936 года, когда франкистский генерал Э. Мола заявил по радио, что мятежники ведут наступление на Мадрид четырьмя колоннами, а пятая (агентура франкистских спецслужб в рядах республиканцев) в решающий момент ударит с тыла. «Пятая колонна» сеяла панику, занималась саботажем, шпионажем и диверсиями. Рожденный во время гражданской войны в Испании, этот термин прочно закрепился как нарицательное понятие предательства и стал международным. Так, во время Второй мировой войны 1939–1945 годов «пятой колонной» называли нацистскую агентуру в различных странах, помогавшую захвату этих стран фашистскими войсками.

8

Каган — титул главы государства у многих тюркоязычных народов раннего Средневековья. В середине VI века его приняли правители Тюркского каганата, от которых он перешел к другим народам. В XIII веке в Монгольской империи каганом называли императора.